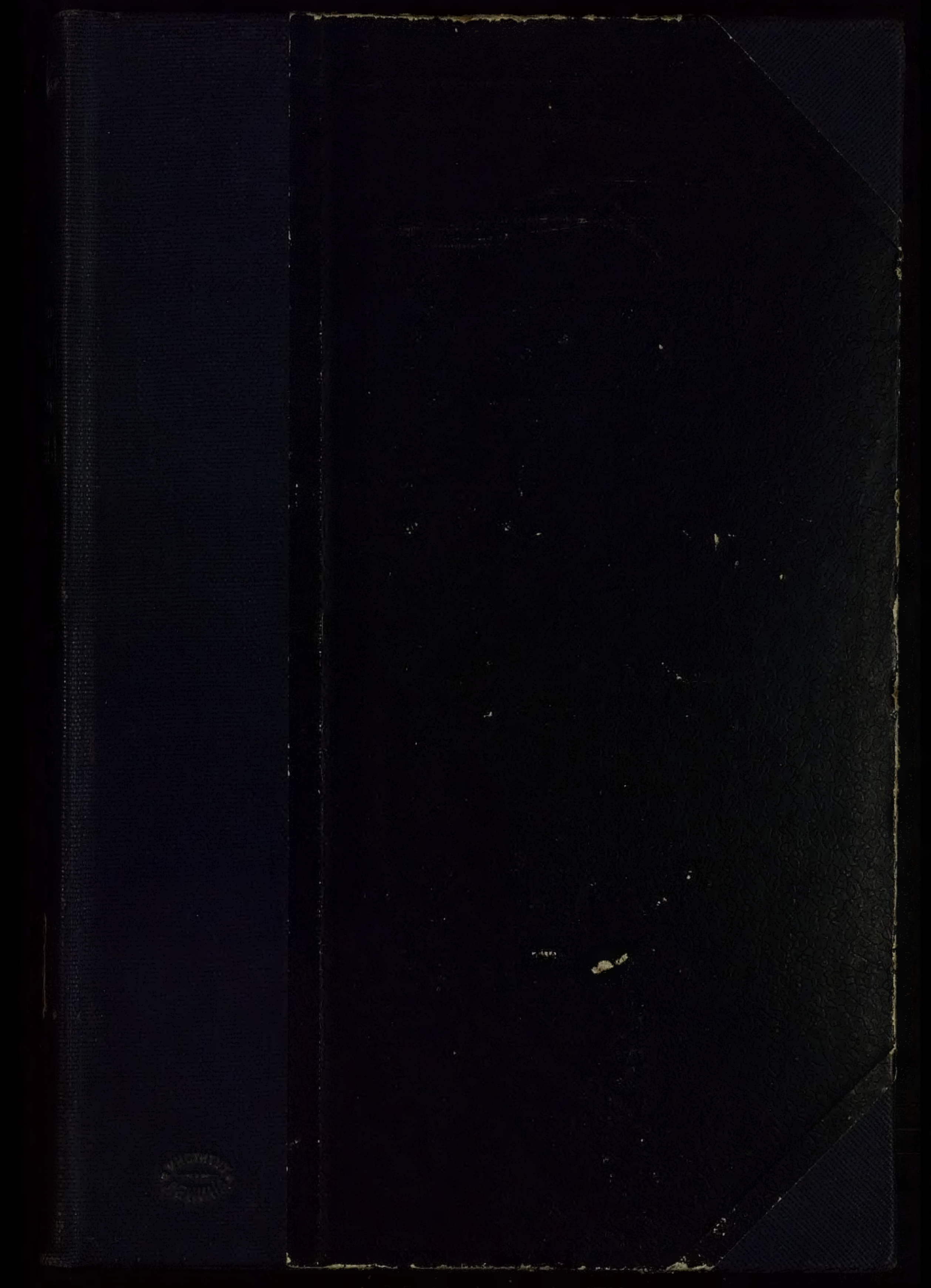
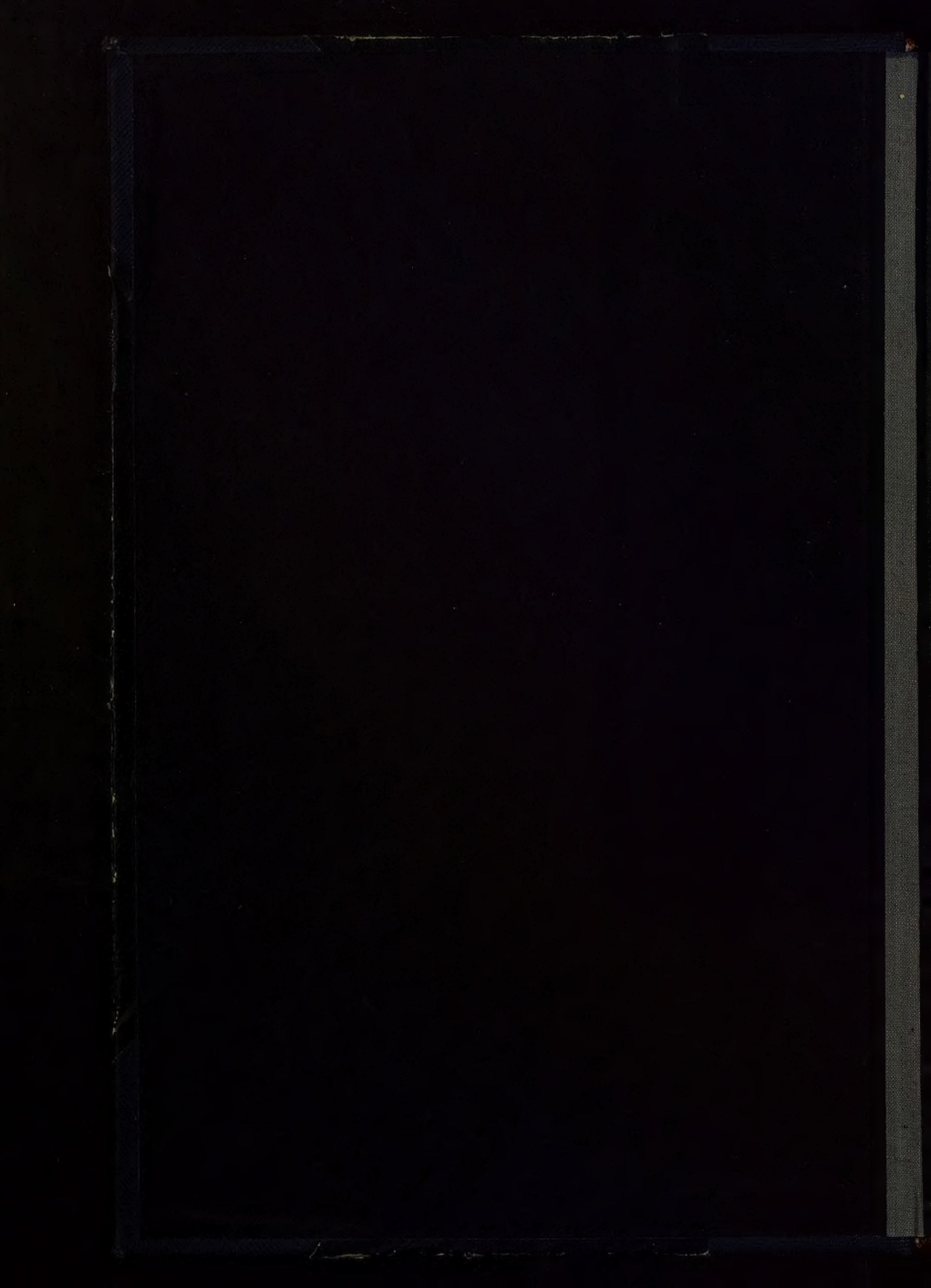
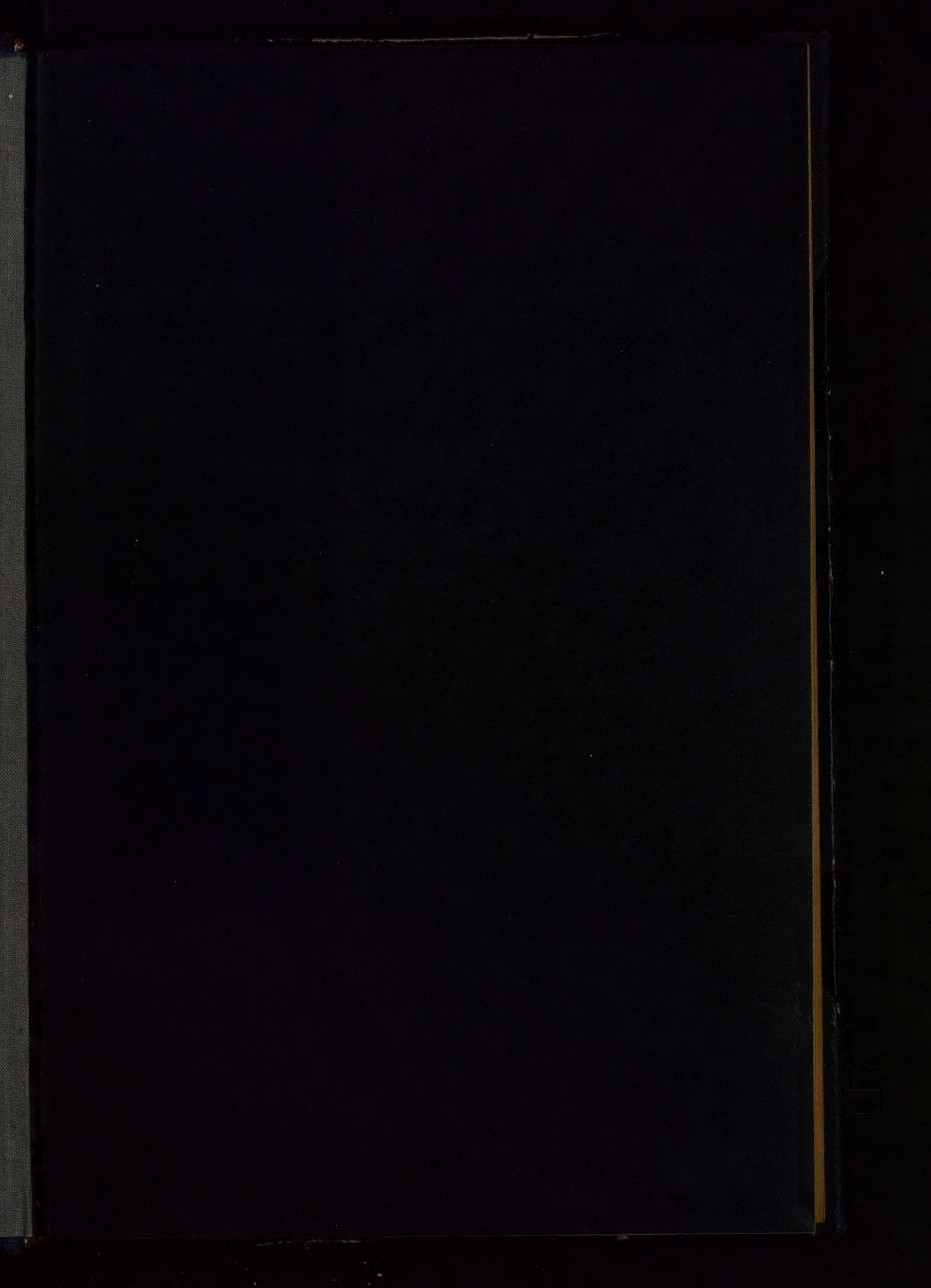

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Х. РИТТЕР

КРИТИКА МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НАСЛЕДСТВО ГРАФА МОЛЬТКЕ И ШЛИФФЕНА В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

С 14-ю схемами

Перевод со 2-го немецкого издания А. Наумова и А. Кайзера

Под редакцией М. П. КАМЕНСКОГО

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
Петроград 1923.

С. С. С. Р. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

Х. Риттер.

КРИТИКА МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НАСЛЕДСТВО ГРАФА МОЛЬТКЕ И ШЛИФФЕНА В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

С 14-ю схемами.

Перевод со 2-го немецкого издания А. Наумова и А. Кайзера
под редакцией **М. Каменского.**

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.
Петроград 1923.

Типография Политуправления ул. Гоголя, 9. Петрооблит № 5071. Тир. 3000

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
16	16 сверху	Ферни	Верни
—	22 „	Бальсен	Больхен
17	15 „	С.-Михель	С.-Миель
20	25 „	заскорузлая	закорузлая
—	1 снизу	Гровелотом	Гравелотом
44	17 „	Камбре	Камбрэ
45	3 сверху	Камбре	Камбрэ
59	15 „	фон-Лоринговен	фон-Лоринггофен
61	6 снизу	С.-Михель	С.-Миель
77	22 сверху	С.-Кентене	С.-Кантене
78	17 снизу	(trouce	(trouée
82	3 сверху	правого крыла	правым крылом
86	11 снизу	образовало оно	образовалось окно
87	15 снизу	возможному	возложенному
98	5 „	С.-Кентена.	С.-Кантена.
99	23 сверху	С.-Кентен	С.-Кантен
103	25 снизу	С.-Кентена	С.-Кантена
105	18 „	V-ой Армии	VIII-й Армии
113	18 сверху	Коломеи	Коломец (Коломыя)
115	7 „	жезетнодорожное	железнодорожные
—	15 „	Солдау	Сольдау
128	18 „	Сухец	Суше
129	15 „	Эперж	Эпарж
130	5 „	Зухец	Суше
—	8 „	Зухец	Суше
131	19 „	Зухеца	Суше
—	4 снизу	Тагюр	Таюр
—	2 „	Суан	Суэн
135	2 сверху	фронт. Эн	Фронт Эн
142	9 снизу	Лукской	Луцкской
144	24 сверху	Тутракан	Тутракан (Туртукай)
—	33 „	На Западе истекавшая кровью	Истекавшая на Западе кровью
162	12 „	людей	лодок
—	22 „	чем в 1917 г.	чем в 1916 г.
—	13 снизу	на узкого	узкого

ОГЛАВЛЕНИЕ.

III. Подготовка непосредственно к военным действиям.

Стр.

ОТ РЕДАКЦИИ

„*Одна* ошибка, сделанная при первоначальном сосредоточении, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании“ [1]).

Такая именно ошибка, против которой, будто в трагическом предвидении, предостерегал Мольтке Старший, стала для Германии роковой в 1914 году. Ее допустил Мольтке Младший; на нее склонил Гогенцоллерн, когда, в своих опасениях за судьбы южно-германских областей, потребовал усиления левого фланга на фронте развертывания, за счет, опасной для осуществимости основной идеи оперативного плана, разгрузки правого крыла.

Достаточно было легкого смещения центра тяжести к югу, чтобы исказить творчество графа Шлиффена, создавшего план борьбы на два фронта с расчетом на сокрушительный удар и вместе с тем на кратковременность войны, обстоятельство, непосредственно вытекающее из первой данной.

Марна в 1914 году; длительность пребывания значительных сил после 9-го сентября в Эльзасе и Лотарингии; потеря стратегической инициативы; чрезмерная протяженность фронтов; обращение к позиционной войне; бессилие в 1915 году для завершения решительной победой борьбы на Восточном фронте; гибель людского материала в 1916 году под Верденом, этой опрометчиво открытой раны, сочившейся кровью; очевидное неравенство сил в „материальных“ боях в течение 1917 года, где германская армия выходила с честью, только благодаря своему тактическому превосходству; наконец, наступления в 1918 г., внушенные бредовыми представлениями,—все это порождения одной и той же ошибки. Следы этой ошибки германское верховное главнокомандование первой половины Мировой войны не только не смыло, но, напротив того, иллюминировало.

---

[1]) Военные поучения фельдмаршала графа Мольтке. Издание Прусского Большого Генерального Штаба. Перевод фон-Дитмана и Шнейдемана. Стран. 77, курсив подлинника.

Его бездействие 23-го августа 1914 года, когда представлялась возможность на фронте Самбра—излучина Мааса, между Мобежем и Живе, уничтожить V французскую армию, значительная удаленность от фронта боевых столкновений, приводившая к запоздалым приказаниям, чрезмерная централизация управления, изменение 5-го сентября оперативного плана, те и другие погрешности текущего происхождения привели к тому, что уже в 1914 году карта Германии была бита.

В течение последующего времени, Германия в лице своей армии лишь отстаивала права на существование. Она исходила силами, истекала кровью, билась в агонии, развертывая чудесные образцы тактической приспособляемости, чтобы только резче подчеркнуть свою общую оперативную и стратегическую слабость.

Смена германского верховного главнокомандования, последовавшая 28-го августа 1916 года, не могла отвести конца. Она лишь сделала борьбу более ожесточенной, затяжной и временами творчески не бесплодной.

Обо всем этом бесподобно хорошо написано в книге Х. Риттера.

Но, щадя своего бывшего императора, далекий, видимо, от намерения иметь его среди своих подсудных, он не надолго останавливается на коренной ошибке, чтобы главную тяжесть обвинения перенести на головы тех, которые могли и должны были ее исправить в первые же дни войны.

Все предположения, относившиеся к кратковременности войны и покоившиеся на мощности первого удара, каким он должен был бы быть по замыслу графа Шлиффена, естественно пали. На замену им во весь рост поднялась гряда бед: истощение живой силы, недостаток материальных средств, понижение качественной стороны пополнений, утомление войной и нежелание народа продолжать ее.

Армия сложила оружие. Это явилось прямой неизбежностью. Жалобы и упреки автора книги по адресу глубокого тыла, „родины", загноившейся, преждевременно сдавшей и будто бы преступно изменившей,—едва ли могут быть разделены читателем в полной мере.

Настоящая правда выступает гораздо определеннее со страниц блестяще-талантливого повествования самого автора, который несомненно эту правду не только чует, но и знает и лишь срывает свою досаду на „привходящих" обстоятельствах.

„Критика Мировой войны", — это анализ внутренней связи всех боевых операций, вместе с тем осуждение германского верховного главнокомандования, суровое и беспощадное по отношению к управлению до 28-го августа 1916 года, и значительно более мягкая критическая оценка, во всех случаях оплетенная доводами оправдывающего свойства, командования в последующие годы.

Гинденбург и Людендорф нашли особый уголок в сердце автора, который лишь разделил чувства германской армии; к ней он принадлежит и голосом ее он говорит. Это обстоятельство надо иметь в виду при чтении книги.

Ее интерес не исчерпывается стратегическим очерком Мировой войны, представленным в цепи причинностей, и тончайшим разбором каждой операции, на фоне которого выступают основная ошибка, ее производные, целый ряд иных, иногда неизбежных, иногда отвратимых, но неизменно увлекавших на край пропасти, в которую военная Германия так или иначе должна была рухнуть.

Автор освещает серию вопросов, далеко не безотносительных не только для старой русской армии в ее историческом прошлом, но и для всякой другой вооруженной силы, в частности, Красной Армии, которой в процессе ее строительства, остается пожелать—уберечься от ложных шагов и заблуждений, легко усваиваемых в детские годы юного организма.

О сверкающем таланте германского военного писателя немало могли бы поведать переводчики его прекрасной книги. Им пришлось преодолевать трудности красочного, но и капризного языка, улавливать и передавать сарказм речи, подыскивать наиболее счастливую форму для выражения иногда непереводимой фразы...

Нет сомнения, что каждый с величайшим удовольствием прочтет эту книгу. И во имя того интереса, который несет она с собою, да не посетует читатель на спектр бумаги, досадные опечатки и многие другие технические несовершенства печати, по поводу которых скорбит прежде всего само В.-Издательство, приступившее к изданию этого труда в дни своего собственного появления на свет, при весьма тяжелых родах.

М. К.

17/IX 1923 г.
Петроград.

Предисловие к первому изданию.

Мировая война проиграна Германией.

Тяжело опустился кулак победителя на голову несчастного народа. Вполне понятен, но вместе с тем и бесполезен вопрос: „Почему же все это случилось?“.

С момента нагрянувшего несчастья, этот вопрос обсуждается во всех направлениях, со всевозможных точек зрения, до пресыщения. Следовательно, вопросу в плоскости обвинения в данном случае места нет. Он уже достаточно приелся.

Ряд противоречий, страстность, заинтересованность различных кругов, в тех или иных сферах, не могут способствовать об'ективному освещению событий. К всестороннему фактическому и документальному исследованию этих событий будет призвано позднейшее поколение. Оно займется исследованием фактического материала. В настоящее же время можно сказать только одно: причины несчастного исхода гнездятся почти во всех сторонах политической и экономической жизни Германии.

Государственный человек в качестве руководителя внешней и внутренней политики, дипломат и парламентский деятель, рядовой обыватель, пролетарий и представитель состоятельного класса, наконец, солдат,— каждый, положа руку на сердце, как во время войны, так и до нее, должен признаться: „pater peccavi“ [1]).

Редко, правдивое народное изречение имело такой глубокий смысл, какой оно имеет в настоящем случае: „сознание—первый шаг к исправлению“.

Ближайшая цель книги—вызвать собственное признание в высших военных сферах, притом так, чтобы это признание после разразившейся катастрофы не явилось результатом только поверхностных ощущений, но, именно, как глубокое осознание всего происшедшего.

---

[1]) „Согрешил, отче“ . . . . .

Едва ли кто нибудь другой из тех многих, которых сейчас обвиняют, кроме Генерального Штаба, может с чистой совестью сделать такое признание. Ибо никому другому столь определенно не предоставлено право, в гордом сознании собственного достоинства, быть свободным от упреков в личном самовосхвалении. От подобных упреков и от осуждения всего, что носило марку германского происхождения, воздерживалась даже наиболее недоброжелательная критика наших более поздних противников.

С полной справедливостью и с чувством гордого удовлетворения покойный граф Шлиффен мог бы сказать о каждом из своих учеников; „За пределами Германии никто не решается выступить против ее Генерального Штаба. Все наши враги убеждены, что Германский Генеральный Штаб сохранил завещание героя Седана и владеет тайной победы".

Подобная невольная похвала явилась бы ничем иным, как следствием осторожной воздержанности в устах враждебной критики. Таким образом, Германскому Генеральному Штабу нечего опасаться, что добровольное осознание собственных ошибок могло бы изобличить его „слепоту" больше, чем это было на самом деле.

Вторая цель работы—акт справедливости.

В настоящее время, широкие слои общества, в силу вековой человеческой слабости и фарисейства, ищут виновников. И естественными путями подходят к тем, которым суждено было стать руководителями общественных кругов, которые у всех на виду, которые, так сказать, невольно попадаются на глаза, т. е., иначе говоря, к генеральному штабу и его идейным вдохновителям.

Германский Генеральный Штаб состоял из людей. Быть может, среди них были даже крупные фигуры, но это были все таки люди и, как таковые, они не были свободны от человеческих несовершенств. Они могли и ошибаться, и очень глубоко заблуждаться.

Однако то, что сейчас Германскому Генеральному Штабу инкриминируется с некоторых направлений в целях самооправдания, хотя бы в сопровождении очень осторожных извинений, все это превышает всякую меру допустимого.

Ошибки творчества, промахи и минуты слабости отдельных умственных сил уже само собою внесены в обвинительный акт. Но меньше всего смысла—приписывать уму великого усопшего ошибки, которые следует искать на фоне человеческих недостатков у его последователей и учеников.

Гений генерал-фельдмаршала графа фон-Шлиффена часто подвергается осуждению и со стороны неспециальной критики. Ему вменяют в вину, что он поставил целью перед германской армией неосуществимые миражи и тем самым как бы заложил фундамент для бедствий в 1914-1918 г.г. Возвышенному уму покойного фельдмаршала, стоявшему выше

мелкого диллетантизма, не суждено было реализовать сокровища своей мысли. Он оставил их только как наследство. И когда настал момент, в который кому нибудь нужно было вступить во владение им, не оказалось ни одного исполнителя завещания, который бы, по собственному выражению графа Шлиффена, восприял священное „от елея Самуила".

Их ошибки не набрасывают никакой тени на законченное, глубоко продуманное произведение гениального маэстро, практика и мыслителя.

Его памяти да будет посвящен этот труд.

В заключение, остается сказать, что труд автора преследует также и практические цели.

Принимая во внимание современное военное положение Германии и обещанный народам мирный союз, некоторым могло бы показаться бесполезным начинанием направлять внимание молодежи Германии все еще на военные вопросы. Однако, хотя бы „Лига наций" и стремилась в действительности обеспечить всеобщий мир на вечные времена, последний представляется, по меньшей мере, проблематичным.

Один из военных писателей, принадлежащий стране, не участвовавшей в этой войне, а именно, датский капитан Ортвед, по поводу задач „Лиги наций", чрезвычайно скептически высказывается в военной газете „Tidsskift". Он склонен приписать „Лиге наций" лишь некоторые возможности ограничивать наростание крупных конфликтов, но вместе с тем полагает, что государства не согласятся всецело ей подчиниться. И такой порядок вещей останется незыблемым до тех пор, пока люди не перестанут быть людьми.

Возможность будущих войн кроется преимущественно в экономической и хозяйственной сторонах жизни народов более, чем в их идеалах. Всемирная история дала нам в этом смысле достаточно уже примеров. Нечто подобное мы знаем из истории „Священного союза" в 1815 году.

Он возник в такой же точно атмосфере истощения и утомления войной. И внутренние побуждения того времени подобны тем, которые вызвали в 1919 году образование „Лиги наций". Это ничто иное, как потребность со стороны победителей какими то договорами закрепить положение, достигнутое тяжелыми жертвами и потоками крови.

Допустим, что в настоящее время создание „Лиги наций", клонящейся к вящшему торжеству Англии и закрепляющей общность материальных интересов, представляет собою более правомочное оружие, чем был в свое время „Священный союз", возникший на базе утопических религиозных мечтаний. Тем не менее к „Лиге наций" можно отнести теже слова Трейчке, которые он сказал по поводу „Священного союза": „Оказалось вскоре, что самостоятельность нынешних государств, образовавших подобное тесное единение в путях замыслов „Священного союза", не могла расчитывать на продолжительность".

И тогда же английская политика выступала со своим предложением по поводу всеобщего разоружения. Мечта о вечном мире должна была претвориться в действительность путем всеобщего переустройства. Не легко было тогдашним отдельным самостоятельным государствам вынести создавшееся положение. Взаимное недоверие и скрытый эгоизм участников „Священного союза" послужили причиною его распадения. Та же участь несомненно уготована и „Лиге наций", народившейся в 1919 году, по тому что последняя так же не свободна от слабостей и ошибок человеческой природы, как и „Священный союз" сто лет тому назад.

Поэтому не бесполезно будет для германского народа, пока он прикреплен к своей земле, попытаться, по крайней мере, сохранить умственное наследие своего великого военного прошлого и сделать его плодотворным.

Но не невероятно, если один из его бывших врагов, который перед тем, пятью минутами раньше, готов был бы прижать Германию к стене, окажется вдруг беспомощным и сам вручит той же Германии свой меч, ранее на нее направленный.

Германский народ должен помнить, что он обладает военной дальнозоркостью своих предков. Наследие Клаузевица, Мольтке, Шлиффена, охранять которое составляет удел и долг Генерального Штаба, вынужденного к отступлению боязливыми происками своих врагов, ныне переходит к германскому народу, в частности, к германскому юношеству.

Возбудить восторженное преклонение перед этим столь драгоценным достоянием—является практической задачей этой книги.

Подростающее поколение Германии пусть сохранит автору „oleum et operam perdidi" [1]).

---

[1]) Буквально, „затраченные труд и материал (время)" (прим. ред.).

Предисловие ко второму изданию.

Первое издание этой книги имело успех среди многих наших популярных вождей германской армии, а также в кругах высших представителей Генерального Штаба.

В общем, книга встретила благоприятный прием и получила признание, как в отечественной печати, так и на страницах заграничной военной прессы.

Указания и замечания критики сводятся к следующим положениям: книга не лишена некоторых противоречий, она страдает многими несогласованностями, лично же автору брошен упрек в его анонимности. В ответ на это—несколько слов в качестве пояснения.

Несомненно, нельзя было избегнуть неизбежных и существенных ошибок в изображении внутренней сущности военных событий в том виде, как они были первоначально изложены в рукописи, законченной уже в 1919 году. Для автора однако подобное обстоятельство не представлялось неожиданным, и эти минусы необходимо принять во внимание, рассматривая цели, обусловившие происхождение книги.

Толчком к работе послужило, как это и указано в предисловии к первому изданию, непрекращающая, брызжущая ненавистью, вместе с тем и непонятная, травля, которая была поведена по адресу Германского Генерального Штаба после общеимперского краха в ноябре 1918 года. Сначала эти нападки не встречали отпора, главным образом по недостатку документальных данных, на основаиии которых представилось бы возможным выставить существенные возражения. Но в настоящее время, в силу многочисленных и многообразных служебных занятий автора, как в строю, так и в Штабе; в его распоряжение поступил соответствующий огромный материал в виде выдержек из оперативных сводок и других авторитетных источников.

Весь этот материал был собран специально для частного изучения. Но затем, по совету старших товарищей Генерального Штаба, он был обращен по направлению скорейшей реабилитации Генерального Штаба, и, к

сожалению, даже одного из его великих усопших, от возведенных на него обвинений.

Чтобы книга вышла своевременно, надо было бы широко раскрыть все архивы. Данное обстоятельство необходимо принять во внимание, чтобы оправдать некоторые неясности, исправить которые имелось в виду несколько позднее. Эта задача и взята за основание в предлагаемом новом издании. При этом автор должен вернуться к предисловию к первому изданию: не погоня за критикой, но побуждения идеального порядка должны послужить основанием при чтении книги специалистом. Для неспециалиста же книга должна дать об'ективное и широкое представление о работе Германского Генерального Штаба во весь его рост, со всеми свойственными ему человеческими слабостями, и вместе с тем стать заветом для германской молодежи—никогда не забывать своих отцов. И сейчас, книга не мечтает быть ни чем иным; автор не задается никакими претензиями говорить ex cathedra.

По оперативным и тактическим вопросам возможны различные взгляды и толкования. Как известно, система „патентов" в германском генеральном штабе издавна из'ята из обращения.

Несколько слов еще по вопросу об анонимности. Упреки с этой стороны уже отпали само собой. Многие высоко-авторитетные читатели признали за ней законный смысл. Основные положения автора вызвали соответствующую оценку, которая, в связи с анонимностью, формулирована в Wissen und Wehr (1920 г. № 6) в следующих выражениях. „Возникает вопрос, не лучше ли было бы, чтобы критика в том виде, как она здесь дана, появилась без имени автора. Кто хочет самостоятельно и серьезно заняться делом, тому не нужно предварительно, в силу обычной, к сожалению, склонности, ставить пред собой вопрос, в какой степени автор по своему служебному положению, образовательному цензу, дарованиям, возрасту и характеру, был вправе высказывать свое мнениеи выносить приговоры. И то, и другое, как и все остальное, явствует из существа самого дела. Бесполезные дебаты о личности автора теряют всякий смысл. И это между прочим имеет свою хорошую сторону, ценную для первого беспристрастного признания книги".

В настоящее время в виду того, что приговор над книгой, в сущности, уже произнесен, первоначальные причины, обуславливавшие анонимность, таким образом отпадают.

Х. Риттер.
Капитан Ген. Штаба.

Берлин. Вильгельмсдорф 1921.

I. Задачи Генерального Штаба в мирное и военное время.

ГЛАВА I.

Работа Генерального Штаба в мирное время.

Работа Генерального Штаба в мирное время направлена к подготовке к войне. Как таковая, она должна выполнять две главные задачи: первая сводится к соответствующей организации военного механизма, следовательно, к созданию и усовершенствованию боевой мощи армии, вторая же обнимает подготовку специально к войне путем составления мобилизационных планов и разработки оперативных планов.

Цель войны всегда одна и та же—победа. Вернее и скорее всего она достигается путем уничтожения неприятельских вооруженных сил.

В то время, как эти последние подготовительные работы ставят своей целью создание наиболее благоприятных основных стратегических положений для подобного уничтожения, работа первого порядка имеет определенную, конечную задачу, сводящуюся к возможно более рациональному разрешению тактических заданий, возникающих при дальнейшем проведении в жизнь основных стратегических положений.

С этого и начнем.

Тактический успех, независимо от условий второго порядка, как то: состояния погоды, времени года, географического положения и т. д., причем нельзя забывать и случайностей, определяется, главным образом, четырьмя факторами: руководством, действительностью оружия, моральным состоянием армии и рациональным устройством вооруженных сил у обоих противников.

Этими четырьмя данными прочерчивается линия руководящих путей, по которым должна протекать указанная выше первая половина работы Генерального Штаба в мирное время.

Ценность руководства зависит от личных, индивидуальных качеств и от специальной подготовки руководителя. Появление военного гения—совершенно неучитываемая счастливая случайность, поэтому о влиянии таких личностей здесь не следует распространяться, хотя бы оно и имело исключительное значение.

Германия не последней почувствовала значение подобной данной в первую стадию Мировой войны.

Одинаковым образом, нельзя говорить о роли и ценности личных качеств в области руководства еще и потому, что сам Генеральный Штаб, непосредственно, лишен был возможности сказать свое сколько нибудь весское слово при определенных замещениях высших командных должностей, преимущественно проводимых Военным Министерством.

Лишь путем подбора помощников будущих руководителей, начальник Генерального Штаба мог оказывать благоприятное влияние на качество руководства.

Настоящий труд касается действий отдельных лиц лишь постолько, посколько это безусловно необходимо для освещения основных вопросов.

Деятельность Генерального Штаба в данном направлении может кроме того рассматриваться только по отношению к мирному времени.

Приэтом остается ограничиться исключительно исследованием вопроса, в какой мере успех работы Генерального Штаба в мирное время был возможен, в смысле обезпечения хорошего управления, путем целесообразной специальной подготовки.

Этим самым мы поставим себя в круг настоящих действий Генерального Штаба, ибо эта подготовка базировалась, с теоретической стороны, на Военной Академии и составляла принадлежность собственно Генерального Штаба, в практическом же отношении она достигалась упражнениями по управлению войсками, развернутыми в широких рамках.

В то время, как одно находилось в непосредственном ведении Начальника Генерального Штаба, в другом, он мог лишь содействовать организации сколько нибуд поучительных упражнений, при посредстве лиц Генерального Штаба, т. е. офицеров Генерального Штаба при дивизиях и генералов командного состава.

Одновременно с задачей создать боеспособную армию, Генеральному Штабу, помимо подготовки в дальнейшем предназначенных для руководства офицеров, приходилось работать над воспитанием, вооружением и организацией войск.

Хотя и в этой области военное министерство, поддержанное отдельными ведомствами, издавало необходимые инструкции, но все-же неписанный закон обеспечивал Генеральному Штабу заметное влияние.

Таким образом задачи Генерального Штаба можно, примерно, очертить в следующем виде: разработка основных положений применения войск и, в связи с этим, вопросы формирования, организации, вооружения и снаряжения. В этой области Генеральному Штабу принадлежало последнее слово.

Как на пример, достаточно указать на коренное различие в мнениях между бывшим в то время начальником Генерального Штаба генерал-фельдмаршалом графом Шлиффеном и Военным Министерством, в лице его начальников отделов, когда первый внес и проводил законопроект о создании полевой тяжелой артиллерии.

В отношении воспитания армии, главное значение получают среди вышеупомянутых четырех факторов действительность оружия и моральное состояние войска.

В правильной оценке действия оружия, состоящего на вооружении у противника и в собственных войсках, а у последних еще и степень моральных качеств, заключается секрет верных путей к тактическому употреблению и вместе с этим также и обучению войск.

В результате подобной правильной оценки возникает естественное стремление: в собственных войсках возможно больше развить, а у противника понизить полезное действие оружия и, кроме того, принять во внимание моральный элемент.

Действие оружия, кроме целесообразности тактического его применения, обуславливается степенью совершенства, т. е. качеством вооружения.

Поэтому правильное суждение по вопросам вооружения может иметь только тот, кто способен признать значение техники оружия во всем ее об'еме, кто таким образом сам знаком с нею достаточно обстоятельно.

Для правильной оценки моральных факторов необходима кроме того осведомленость в области общей психологии и, в частности, расовой.

В области организации, приходится считаться с последним из вышеупомянутых четырех факторов. Целесообразное устройство армии, должно создать благоприятные условия для тактического применения войск.

Организация, таким образом, устанавливается в результате всех даннных опыта, как военного, так и мирного времени, опыта, который был приобретен в собственной армии и в других государствах, в связи с применением всех нововведений в технической, экономической и других областях (воздухоплавание, механическая тяга, оружейное производство и т. д.). Организация требует большой продуманности и знания внутренней связи, осторожного исследования и принятия в соображение всех возможностей, но вместе с тем наличия гибкого ума, способного отрешиться от пережитков, от склонности к „старинке", покоющейся больше на традициях, чем на практической необходимости.

Однако и в данной области Генеральный Штаб не мог оказаться единственным и всецело ответственным деятелем.

Он разошелся в этом отношении с Военным Министерством подобно тому, как и в вопросе воспитания войск, и не только с Военным Министерством, но и со специальными ведомствами.

Как там, так и здесь, на долю ему выпала важнейшая задача, именно, дать надлежащее место и утвердить господство тактических взглядов, которые должны стать решающими по отношению к нововведениям.

Первая половина задачи мирного времени, лежащей на Генеральном Штабе, т. е. создание и поддержание боеспособности армии таким образом была разрешена в части воспитания руководителей и войск, в вопросе вооружения, сообразно с их деятельностью в области психологии и техники и, наконец, путем производства опытов и обсуждения их результатов, в целях наиболее рациональной организации армии.

Этим был заложен фундамент тактической ценности армии.

Что же касается ее удельного веса в стратегическом отношении, то это должно было послужить целью второй половины работы мир-

ного времени. Это зависело, во—первых, от непредвиденного счастливого случая, долженствовавшего выразиться в том, что руководство в серьезный момент окажется в руках таких крупных умов, каким был Мольтке или Шлиффен, а затем, от общего состояния военно-исторического, военно-политического, военно-географического, одним словом, общего и специального образования, равно как и воспитания представителей Генерального Штаба.

Наконец, подготовительные мобилизационные работы и план войны должны были обеспечить быстрый переход к военным действиям в момент, подсказанный ходом внешней политики.

ГЛАВА 2.

Работа Генерального Штаба в военное время.

На войне, деятельность мирного времени находит свое естественное продолжение.

Созданная долголетней работой мирного времени боеспособность армии должна быть поднята во что бы то ни стало; все работы в смысле подготовки к наилучшему управлению армией должны получить свое выражение на деле при ведении самих операций.

В этом последнем отношении, в общем, можно сказать только одно, что задача была бы разрешена правильно, если бы после окончательного обследования всех военных, экономических и политических факторов была выдвинута при всех решениях основная мысль, сводящаяся к ослаблению и окончательному уничтожению неприятельской вооруженной силы, и если бы, соответственно общим указаниям военной истории, инстинкт полководца в каждом отдельном случае сумел найти верный путь.

К обсуждению чисто военных факторов был привлечен только Генеральный Штаб.

Ему надлежало установить для этого твердые положения путем продолжительного наблюдения и исследования в отношении численности, вооружения и моральных качеств как собственных, так и неприятельских сил, а также их оперативных замыслов.

При обсуждении политических и экономических условий, которые подсказывают определенные стратегические комбинации, однако же непродиктованные исключительно военными соображениями, ему приходилось бы опираться на авторитет компетентных правительственных учреждений и лиц.

Если в течение войны, при высшем командовании, были учреждены те или иные соответствующие учреждения, то это знаменовало фактический переход к нему компетенции в определенном направлении, но то же обстоятельство одновременно свидетельствует и о том, что подобные наросты вынужденного характера появились потому, что военные управления не были поддержаны специально для этого установленными гражданскими инстанциями. Такова причина перегрузки.

Первая и основная задача—поддержание боеспособности армии на одинаковой высоте с мирным временем, должна была повышаться в смысле подготовки армий, т. е. дальнейшего развития методов ведения боя на основании опыта войны и поддержания ее внутренних качеств. Затем, к этому надо было присоединить усовершенствование вооружения и изменения в организации армии.

Последняя область переплеталась с кругом ведения тылового начальства, поскольку это касалось удовлетворения всех военных потребностей, обеспечения оружием, имуществом, боевыми припасами, одеждой, продовольствием и т. д. и, наконец, эксплоатации занятых областей.

Генеральному Штабу таким образом нечего было распоряжаться, ему только приходилось давать задания категорического свойства.

Напротив того, вопросы первого порядка, т. е. воспитание войск, кроме частей, подготовлявших укомплектования армий, в противоположность мирному времени, были переданы в ведение исключительно Генерального Штаба.

Такая, особо-важная в мирное время, область работы—как подготовка высших руководителей, должна была в военное время, естественно, отойти на задний план. Что было упущено в мирное время, не могло быть наверстано в военное. Деятельность в этом направлении должна была ограничиться установлением единства взглядов в вопросах тактики и новых методов ведения боя, путем периодических наставлений и инструкций, которые издавались высшим командованием. Равным образом необходимо было подумать о пополнении корпуса офицеров Генерального Штаба.

Поэтому, в дальнейшем, подготовка руководителей в военное время не будет рассматриваться сколько нибудь подробно.

Таким образом, нам нужно в последующих главах рассмотреть деятельность Генерального Штаба в мирное и военное время, на основании ее результатов в области руководства, воспитания войск правильности оценки технических иморальных факторов, а также вопросов вооружения и организации.

II. Создание и поддержание боеспособности армии.

ГЛАВА 3.

Рациональная подготовка Генерального Штаба в мирное время.

Высшие войсковые руководители в течении своей служебной карьеры обыкновенно принадлежали к корпусу офицеров Генерального Штаба. Их помощники, ведавшие деталями организационной и технической работы управления, были тоже офицерами Генерального Штаба.

Мозг армии, начальник Генерального Штаба, естественно происходил опять таки из Генерального Штаба.

Таким образом, Генеральный Штаб был главнейшим источником личного состава и основой войскового и высшего управления. В его организационной работе в течении многих лет мирного времени был заложен фундамент успеха на войне. Это была главная задача работы мирного времени Генерального Штаба.

Его плодотворная деятельность обусловливалась прежде всего подбором лиц, имевших к этому призвание. Первые ворота, через которые они должны были пройти, т. е. приемные испытания в военную академию, должны были дать обязательно беспристрастную оценку испытательных работ; без всякого лицеприятия, исключительно по качеству самих работ.

После трехлетнего пребывания в военной академии, из окончивших академию избиралось некоторое, ограниченное число лиц, казавшихся пригодными для приобщения их к служебным обязанностям в Генеральном Штабе.

Здесь оценивалась, главным образом, чисто военно-научная работа поскольку она была выдающейся. При этом, свойства характера и общее образование обязательно принимались во внимание. Можно спорить, насколько было правильно в таких решениях принимать во внимание манеры и внешний лоск.

Некоторые преимущества гвардии, затем кавалерии, которые имели место во многих отношениях, если они все таки выдвигались, вряд ли могут найти себе оправдание.

В Генеральном Штабе, в сущности говоря, каждый новичек приучался выполнять умственную работу, далеко превосходящую средний уровень, быть точным и всегда сознавать собственную, личную ответственность. Каждый офицер германского Генерального Штаба мог работать, как редко какой либо другой человек, независимо от происхождения.

С этим качествами связано было выдающееся тактическое образование и знание т. н. „Малой стратегии". Средний офицер Генерального Штаба был, таким образом, образцово подготовлен, как для роли будущего высшего войскового руководителя, от начальника отдельной части до строевого генерала, включительно, так и для службы в Генеральном Штабе при отдельных полевых управлениях, от дивизионного до корпусного и при Верховном Главнокомандовании.

Для занятия должностей начальника Генерального Штаба всей армии, высших войсковых руководителей, начальников Штабов армий и, наконец, начальников отделов при верховном главнокомандовании, всегда, кроме работоспособности, пунктуальности и хорошей тактической школы, требовалось еще нечто значительно большее.

В данном случае была необходима подготовка общеобразовательного характера, следовательно, широта взглядов на экономические культурно - и государственно-исторические, социально - политические, технические, психологические и др. вопросы.

На почве же серьезной осведомленности в военной истории и прекрасной тактической подготовки должен был развиваться гений, инстинкт, интуиция полководца для ведения большой операции. Индивидуаль-

ность должна была претвориться в сильное волею величие духа. Но в данном отношении постановка службы в Генеральном Штабе пред'являла много меньшие требования и способствовала этому в слабой степени.

Мелочность требований, пред'являемых отдельным исполнителям, что, например, в отделе военных сообщений превращалось положительно в однообразную трепку нервов, накладывала на еще дремлющий гений оковы, препятствовала уму углубляться и останавливала работу мозга. Для этого прежде всего не хватало досуга.

Однако, несмотря на это, Генеральный Штаб дал фронту громадное число даровитых руководителей.

Вместе с тем, рассматривая вопрос шире, можно положительно утверждать, что свойства оценивать сложную оперативную обстановку с широким кругозором, т. е. стратегически рассуждать, проявлялись не в такой мере, как обыкновенная ориентировка и способность овладевать инициативой в области тактики.

В этом отношении определенную цель преследовали задания для военной игры гр. Шлиффена с данными обстановки, над которой остряки из Генерального Штаба иронизировали, говоря, что она, допуская возникновение мирового пожара среди дюжины великих держав, в конце концов требовала лишь приказа по бригаде.

Только немногие, кроме старого графа, понимали это.

Прежде всего не было упражнений, из которых можно было бы уяснить все фактически возникающие на войне трения.

При полевых поездках офицеров Генерального Штаба исполнители ролей командующих армий и корпусов собирались тесным кольцом вокруг руководителя.

Действительно, чисто военные операции велись при этом так, что они соответствовали вероятным фактам на войне, однако трудности связи, а этим самым и корни высшего руководительства не проявлялись.

„Частичные упражнения“, близкие к действительной боевой обстановке, при которых, например, высшее командование находилось в Берлине, командующие армиями в Ганновере, Касселе, Вюрцбурге, причем ни при каких обстоятельствах не могли быть использованы другие средства связи и разведки, кроме тех, какие были возможны на войне, совершенно не были в ходу.

Они могли бы, вероятно, обнаружить, уже в мирное время, необходимость формирования армейских групп.

Чтобы оценить, насколько верно была организована работа Германского Генерального Штаба за прошедшие сорок четыре года мирного времени, полезно противопоставить качество высшего руководства в прошедших войнах 1866—1870 г.г. таковому же—в Мировую войну, и предварительно провести направляющие линии, по которым работала „школа“, основанная гениальными учителями Мольтке и Шлиффеном.

Эти линии ведут свое начало от сражения „с окружением“ 1-го сентября 1870 года, которое определяется графом Шлиффеном, в его остроумном исследовании, в качестве богатейшего переспективами типа „уничтожающей битвы“, выдержавшей в классической древности, в битве при Каннах, свое первое и блестящее испытание, чтобы, после

Фридриха Великого и Наполеона I, в „победителе при Седане", найти своего последнего и величайшего выразителя этой идеи.

Таким образом, сущность германской тактики и стратегии заключалась в идее полного окружения неприятеля.

Это должно было привести с самого начала к борьбе за фланги, так как и противник, с своей стороны, мог стремиться к тому же, или намеревался по крайней мере парировать задуманный против него охват.

В искусстве добиться успеха, вопреки всем противодействиям противника, путем основательных оперативных соображений, заключалось умственное наследство, которое Германский Генеральный Штаб получил к началу Мировой войны от своего учителя и руководителя, генерал-фельдмаршала графа Шлиффена.

В своем классическом труде „Канны", граф Шлиффен дает этой системе яркое выражение в следующих своих словах: „Неприятельский фронт не есть цель главнейшего наступления. Не против него нужно скоплять массы, выставлять резервы; главное—раздавить фланги. Их нужно искать не на крайних флангах фронта, а на всей глубине и на всем протяжении неприятельского расположения".

Или в другом месте: „Решительная победа возможна только тогда, когда целью нападения поставлен тыл или, по крайней мере, один из флангов противника".

Эти основные тезисы подтверждаются фактами из военной истории. Во всех сражениях, в которых посчастливилось Фридриху Великому, или, обратно, его постигла неудача, обнаруживается стремление с самого начала охватить фланг или даже тыл противника, по возможности прижать его к непроходимому препятствию и затем уничтожить путем охвата одного или двух флангов. Подобное намерение всегда выказывал и Наполеон.

Обходные движения, которые король осуществлял в непосредственной близости к противнику на поле сражения в течение нескольких часов, Корсиканец начинал за несколько дней или недель до самого боя и осуществлял их затем на широком фронте.

Это была сущность того, что военная история открыла такому человеку, который умел, говоря его же словами, читать в книге прошлого так, как никто другой.

И это откровение нашло свое отражение в сочинении: „Современная война". В нем изложена основная мысль Шлиффенской „школы" по поводу новейших операций: „Чтобы достичь решительного успеха требуется нападение с двух или трех сторон, т. е. с фронта и на один или на оба фланга.

Подобная операция, относительно, легко выполнима для того, кто располагает большой численностью. Но на такое превосходство сил трудно расчитывать при современных обстоятельствах.

Необходимые средства для сильной фланговой атаки можно получить только ослабив, по возможности, силы, направленные против неприятельского фронта".

А что на такое ослабление фронта, в виду ожидаемого контрнаступления, отважиться нелегко, на это указывает граф Шлиффен в том же сочинении, в котором он говорит; „С превосходными 144 орудиями,

вместо прежних 84, менее совершенных, и с 25000 отличных ружей, каждый корпус мог бы выполнить задачу, в 10 раз превосходящую ту, при которой заряжание происходило с дула".

Можно было бы на эти слова, вероятно, возразить, что и вооружение противника также улучшилось в той же мере; однако самый факт, что прогресс в технике оружия в обстоятельствах маневренной войны в большей мере благоприятствуют обороне, чем атаке, оправдывает взгляд графа Шлиффена на то, что можно ожидать от фронтального наступления.

Чтобы иметь ныне возможность судить, какое оказали влияние граф Шлиффен и вышедшие из его школы учителя на качество управления в Германской армии, было бы не лишним, как уже говорилось, рассмотреть действия прусско-германского руководства в походах 1866—1870 гг. под углом зрения Шлиффенской школы, чтобы в сравнении с германским управлением в Мировой войне 1914—18 гг. выяснить успехи, достигнутые за 44 года в подготовке мирного времени.

Так как такой успех мог иметь место только в духе идей учителя, то он лучше всего обнаруживается, если проследить ход мысли по военно-историческому сочинению самого графа Шлиффена.

Деятельность германского командования в войнах второй половины прошлого столетия была не особенно выдающейся.

Собственно говоря, командующие армиями и командиры корпусов делали с своей стороне, поистине, все, что было в их силах, чтобы тормазить широко задуманные операции Мольтке, за полетом мысли которого не могли следовать их умы, упрямо цеплявшиеся за старое.

Относительно кампании 1865 г. граф Шлиффен высказывается в следующих выражениях.

„Успех, который был достигнут с прусской стороны 28-го, после преодоления бесчисленных затруднений, ошибок и недоразумений, после многих движений туда и обратно, крайних напряжений и лишений и после проигрыша кровавого боя, мог иметь место уже 24, свободно, без трений и без кровопролития, если бы с самого начала были выполнены простые предложения Мольтке.

Но прусские генералы, сколь ни были они отменно выдающимися, не могли поставить себя в круг идей седовласого теоретика, который даже ротой не командовал.

Они твердо держались своих воззрений, которые черпали часто из неправильно понятых наполеоновских афоризмов и долголетнего маневренного опыта мирного времени. Но последний ничего не говорил им об уничтожающих боях, окружениях, преследованиях и подобных бреднях.

Один противник занимает позицию, другой, которому при этом для этого дается на 1—2 баталиона больше, атакует. Побежденный отходит. Победитель дает ему возможность отойти и обращается к задаче следующего маневренного дня".

Также и в Богемии Мольтке пришлось вести борьбу с ветряными мельницами. Первая армия вполне предусмотрительно была им по-

ставлена широким фронтом в направлении на Гичин (Схема 1). „Командование 1 армии предполагало тем не менее открыть поход „блистательным успехом“. С этой целью оно наметило себе противника, решившегося на упорное сопротивление при Рейхенберге“.

Чтобы его разбить, армия была быстро двинута для возсоединения у Рейхенберга. „Однако раньше чем она туда дошла, противник (три эскадрона) ушел. Только два отставшие гусара Радецкого могли быть представлены пред очи победителя.

Вся 1 армия, 93.000 человек, сосредоточилась на узком пространстве у Рейхенберга. „Бедствия от сосредоточения“, от которого Мольтке предостерегал, тем не менее дали себя почувствовать. Войска не могли быть расквартированы, снабжены пищей и сделаться подвижными“,

Отсутствие какой бы то ни было ориентировки привело к тому, что та же армия была вновь пущена в бой против несуществующего противника у Мюнхенгреца.

По Шлиффену, результат получился следующий: „Масса, состоявшая из одной кавалерийской и восьми пехотных дивизий, около 120.000 человек, была сосредоточена непосредственно в руках своего руководителя, но очень страдала от последствий крайнего сосредоточения“. Она была лишена самого необходимого, и ею трудно было маневрировать.

Граф Шлиффен правильно определяет сущность тогдашнего руководства, когда говорит: „Мысль уничтожить противника, которой Мольтке был совершенно полон, низшим руководителям была совершенно чужда. Они видели свою задачу лишь в соединении раз‘единенных армий.

В этом мнении они все были вполне солидарны с Мольтке. Только тот желал видеть противника окруженным соединенными армиями, в то время, как те хотели предоставить противнику возможность сконцентрировать свои силы в другом районе.

Если бы армии были развернуты на широком фронте, то можно было бы расчитывать, что сражение будет принято“.

Удивительная беспомощность в области техники марша привела к тому, что пехоте 1 армии потребовалось четыре дня для того, чтобы из своего сосредоточенного расположения у Рейхенберга выйти на переправы через Изер.

Вслед за исчезновением призрака „Мюнхенгреца“ появился новый призрак „Юнгбунцлау“, как выражение в третий раз „невинного“ самообмана, в результате чего организация марша привела к тому, что 1 и Эльбская армии 29 июля, в день Гичина, имели против неприятеля только две дивизии, остальные восемь находились еще далеко в тылу.

Так выполнило командование 1 армии план Мольтке, согласно которого передовые части пяти корпусов армии, занимая фронт в 25 километров, могли бы появиться на глубоком фланге противника Эльбской армии. Противник имел время избегнуть окружения. Вместо уничтожающей битвы, по замыслу Мольтке, получилась „ординарная победа“.

1 и 2 июля австрийская армия, как стадо баранов, сбилась в районе Тротина — Бенатека, Проблус — Кениггрец. Ее тыл примыкал к Эльбе. Широкой дугой, от Смидара через Гориц, Милетин. Кенигингоф до Штангендорфа стояли Эльбская, 1 и II армии.

Стоило только двинуться 1 армии на фронт Проблус—Бенатек, Эльбской—на фланг Кениггрец—Проблус, II армии на фланг Бенетек—Тротин и отдельным частям левее Эльбы,—чтобы австрийцы в течение дня 3 июля были совершенно окружены (Схема 2).

Вместо этого 1 армия стянула свои собственные силы и силы Эльбской армии к естественно—сильному фронту Проблус-Бенатек и таким образом освободила сразу неприятельский левый фланг.

На правом неприятельском фланге, где опять таки, вследствие недостатка сведений, у Иозефштадта предполагали присутствие сильного противника, II-ая армия назначила один корпус для демонстрации против этого города, оставив два другие в бездействии между Кенигингофом и Штангендорфом за Верхней Эльбой и только один двинула против правого неприятельского крыла.

Таким образом, и здесь уязвимый фланг противника был великодушно оставлен в покое.

Граф Шлиффен высказывается об этом иронически: Прусские успехи были до сих пор достигнуты „игольчатым ружьем“ и „обходом“.

Следовательно, при помощи сосредоточения масс и глубокого расчленения должно быть, по возможности, ограничено действие игольчатого ружья, а при помощи укорачивания фронта — парирован обход.

Путем настояний, Мольтке удалось все-таки продвинуть II-ую армию таким образом, чтобы она могла всеми силами оказаться против неприятельского правого фланга. Потеря времени все-таки не позволила продвинуться еще глубже на восток от Эльбы, как это первоначально было возможно и что могло бы открыть тыл противника. Вследствии медленной отдачи распоряжений уходят драгоценные часы, и противнику предоставляется свобода отхода; ему строят „золотой мост“.

Полное окружение сделались в силу этого совершенно невозможным. И против левого фланга Мольтке мог только с трудом заставить произвести наступление на оконечность его, но не ударить по открытому и глубоко расположенному флангу. И когда уже назрело окружение II-ой армией, тогда достаточно было незначительного кризиса в центре ее фронта, чтобы оттянуть, находящийся уже на пути отступления противника, VI армейский корпус к казавшемуся угрожаемым пункту, и без того обреченному на уничтожение, неприятельского фронта, чтобы этим самым предоставить ему спасительный путь отступления. Таким образом Эльбская, I-ая и II-ая армии были окончательно сжаты перед фронтом отступившего противника. Граф Шлиффен отзывается об управлении при Кениггреце с горьким сарказмом:

В этом чувствуется сонливость главнокомандующего. Три армии сосредоточены на тесном пространстве в общей компактной массе. Они могут подвигаться только сомкнутыми строями. Но в таком случае пруссакам противоставляется такой же ширины неприятельский фронт.

Наступление на фланг, в охват или обход, задуманное столь тщательно, оказывается неосуществимым. 200.000 человек, сосредоточенные на маленьком пространстве, представляют удивительное зре-

лище, которое однако вызывает у принца Фридриха Карла восклицание: „Многое бы я дал за то, чтобы мог здесь распорядиться и установить порядок“.

Никого не нашлось, кто бы взялся выполнить эту геркулесову работу в течение коротких остающихся вечерних часов, а затем эту массу или хотя бы часть ее двинуть для удара во фланг. На высоте Росбериц обсуждали все, кто только претендовал на звание стратега, вопрос, что теперь сделали бы Наполеон или Гнейзенау. Праздный вопрос, так как ни тот, ни другой из этих людей не поставили бы себя в подобное положение.

Наконец, из обмена взглядов выяснилось, что „на сегодня уже ничего больше нельзя предпринять“.

Идея уничтожающей битвы, как ее выдвинуло наличие поразительно благоприятствующих обстоятельств еще 2 июля и как ее понимал Мольтке, свободный от заскорузлости и обладавший выдающимся умом, была низведена к нулю, вследствии узкого кругозора представителей армейского и общего командования.

Подобно тому, как Наполеон при Грос-Гершене остановил находящийся в развитии двухсторонний обход и сбил свои войска перед неприятельским фронтом, точно так же поступил здесь и Командующий Эльбской армии, когда стянул к Неханицу впереди сильно укрепленного фронта свои расположенные широким фронтом дивизии, которые без этого содействия автоматически направились бы к левому флангу противника.

И подобно тому, как Наполеон при Ватерлоо словно бык набросился на английский фронт, таким же точно образом и в данном случае I армия стянула четыре дивизии в находящийся под сильным перекрестным огнем Холаский лес, где они могли лишь доказать бесполезную стойкость, 2-я же армия оттянула 1-й армейский корпус и вторую Гвардейскую дивизию от демонстративного и флангового удара, чтобы направить их против уже обреченного на гибель центра сопротивления неприятельского фронта.

Столь богатая примерами эпоха великого короля и французского императора была воспринята в кругах прусских руководителей лишь в части своих отрицательных уроков.

Когда после Кениггреца II армия получила задачу воспрепятствовать отходу к Вене, отступившей после Ольмюца австрийской северной армии, куда шли 1-ая и Эльбская армии, тогда главнокомандование составило свою директиву для марша-маневра таким образом, что получалась возможность захватить при Тобищау головной бригадой и кавалерийской дивизией части идущего к Вене тылового неприятельского корпуса. То обстоятельство, что Бенедек тем не менее был оттеснен в долину Вага, хотя назначенная для наблюдения за ним армия и давала ему возможность беспрепятственно двигаться, следует приписать вернее всего выдвижению 1-ой армии от Брюнна и Люнденбурга. И когда Бенедек, скрывшись в долину Вага, все еще имел открытой дорогу через Пресбург на Вену, тогда Мольтке хотел его отрезать под Пресбургом II армией, пустив ее для параллельного опережающего преследования в юго-восточном направлении.

Но он и в этом не встретил сочувствия. Удар в пустую в том направлении, где за день перед тем был противник, казался командующему II армии предпочтительнее.

Граф Шлиффен заключает свое исследование похода в Богемию словами: „Австрийцы дважды могли быть разбиты на голову". Но идея совершенного уничтожения была все-же слишком далека от прусских генералов, чтобы мог осуществиться простой, но искусный план Мольтке. Противник был только отброшен. При подобных обстоятельствах ни уничтожающий бой, ни уничтожающее преследование несмогли быть выполнены. Пришлось предоставить уже противнику придти к самоуничтожению.

Подобные же картины приходится наблюдать и в операциях 1870 г. (см. схему 3). Развернутые на фронте Трир—Майнц—Мангейм—Карлсруэ шестнадцать германских корпусов могли широким фронтом, между Мозелем и Рейном, концентрически двинуться на линию Нанси—Цаберн.

Находящиеся против них неприятельские силы были сосредоточены группой в 4 корпуса между Мерциг и Сааргемюнд и 2 корпуса между Бич и Верт. К последней группе мог еще присоединиться корпус, сосредоточенный в Верхнем Эльзасе. Оба крыла германских I-ой и II-ой армий значительно превосходили силы неприятельской группы у Мерциг—Сааргемюнд; равным образом фланг III-ей армии был сильнее частей французской армии, находившейся у Бич—Верт.

Численное превосходство на стороне германцев позволяло им перейти в наступление по всему фронту, не делая его слишком тонким, пористым и не подвергая его опасности поражения по частям.

Если бы, согласно плана Мольтке, начали движение на указанном широком фронте, то это привело бы к столкновению с противником где нибудь на участках I-ой, II-ой и III-ей армий.

Исход этих боев не мог повлиять решительным образом на течение операции, потому что правое крыло первой армии, левое—второй, правое и левое третьей армии, не встречая сколько нибудь значительного сопротивления, могли бы продолжать движение.

В лучшем случае, можно было бы достигнуть окружения французских главных сил еще восточнее Меца, а группы Мак—Магона в районе Бич—Цаберн; в менее благоприятном случае, обе неприятельские группы ушли бы в общем юго-западном направлении. Здравый смысл говорил, что им никогда не суждено было ни соединиться, ни выиграть пространство германских фланговых колонн, обходящих с обеих сторон.

Их участь решилась бы непременно несколькими милями южнее.

Граф Шлиффен рассуждает о возможности такой операции в следующих выражениях: „Неизвестно, в какой степени удалось бы окружение и уничтожение различных французских армий и корпусов. От разумного и неустанного преследования германскими армиями и корпусами зависела действительная величина успеха. Но если бы данной части сил противника удалось избегнуть уничтожения, тем не менее

то, что осталось бы французских армий, не было бы больше способно ни к каким сколько нибудь серьезным действиям.

Французская полевая армия, перестала бы существовать, в качестве главного фактора. Германцам оставалось бы только заняться Парижем и другими крепостями".

Очерчивая немногими словами действительное течение событий, граф Шлиффен далее продолжает: „Такой результат был предрешен первоначальными указаниями Мольтке—обнаружить противника на линии Мерциг—Сааргемюнд и разбить его. Но взгляды главнокомандования на сосредоточение сил, на соединение масс перед боем и сохранение слишком сильных резервов — были диаметрально противоположны изложенному.

I и II армии, не смотря на богато развитую сеть дорог, двинули четыре корпуса один за другим по одной дороге и оказали этим противнику с самого начала услугу, отказавшись от превосходства сил в бою. Затем, вместо того, чтобы наступать широким фронтом, значительно охватывающим противника между Мозелем и Сааром, они сбили свои войска на фронте почти в четверо меньшем и таким же, столь же предупредительным образом, как и против Бенедека у Кенигреца, позволили Рейнской французской армии ослабить охрану своих открытых флангов.

Соответствующая организация марш-маневра позволила бы при этом соединить шесть корпусов в направлении Саарбрюкена.

III армия предпочла, вместо того, чтобы использовать оперативное преимущество сильного крыла на фронте между Бичем и Рейном, сдвинуть свои шесть корпусов на фронт Вейсенбург — Лаутенбург шириною не свыше тридцать километров. Охват обоих флангов завершился бы решительным поражением; в действительности же столкновения с противником у Верта и Шпихерна привели поэтому только к фронтальному его оттеснению, причем предоставили ему возможность при отступлении соединиться.

Изречение, что энергичное преследование устраняет возможность нового боя, не находилось тогда еще в обиходе офицера генерального штаба. Равным образом было неудачно выбрано направление для движения кавалерии, чтобы поддерживать соприкосновение с противником.

Об отступлении на Мец северной группы противника нетрудно было догадаться; южная же—между тем скоро приняла сказочные формы, после того как не осуществилась надежда, что неприятель после боя при Верте, отступая, бросится в об'ятия II армии.

Тот факт, что французская Рейнская армия, в дальнейшем течении операции, вместо того, чтобы отойти на Шалон, была заперта в Меце, об'ясняется в достаточной мере колебаниями в руководстве и неизбежными замедлениями в движении, которые она испытала при прохождении крепости, но никак не последствиями мер, предпринятых для ее преследования".

Интересен очерк, в котором граф Шлиффен указывает, каким образом это окружение, по современным взглядам, могло быть безусловно произведено, если бы I и II армии, пересекающие около 8 августа десятью корпусами линию Релинген—Саарунион, следуя прямо

на запад, обтекая с севера и юга Мец,—могли бы между Мецом и Верденом сомкнуть свои фланги для смертоносного охвата.

Далее граф Шлиффен говорит: „Но переход германцев через Мозель по обе стороны Меца был в тогдашнее время невыполним. Командование армиями, которое в движении на Саар расположило четыре корпуса один за другим по одной дороге, а шесть сбило на участке в несколько километров, никакими директивами в мире нельзя было побудить занять по ту сторону реки десятью корпусами, при таком же количестве дорог, во всяком случае узкий, фронт от 40 до 50 километров.

Они хотели двигаться значительно более глубоким и сомкнутым порядком и главным образом не разделяясь, чтобы не предоставить противнику, ущемленному у Меца, кажущейся им возможности броситься соединенными силами на раз'единенные армии. Мольтке должен был учесть обще—распространенный тогда взгляд и отказаться от своего простого приема „обнаружить и ударить на врага", хотя бы при наличии громадного превосходства в силах он рано или поздно должен был привести к окружению и уничтожению противника. Т. к. обход обоих флангов казался слишком опасным, то Мольтке должен был удовлетвориться обходом только одного фланга и именно правого. Не следовало окружать противника левее Мозеля атакой с двух сторон, но надо было оттеснить его к северу, к Люксембургской и Бельгийской границам".

Что эту операцию Мольтке следует рассматривать как крайнее средство, как вынужденную вследствие ожидавшихся трений и противодействий со стороны низшего командования, явствует из того, что двухсторонний обхват, окружение, „Канны", сделались коньком графа Шлиффена, рядом с коим никакая другая операция не могла снискать его благоволение.

Сам собою план Мольтке, сводившийся к оттеснению Рейнской армии на нейтральную территорию, непосредственно достигал как раз этой самой цели.

Между тем, как раньше, так и теперь, командование II армии обнаружило мало внимания по отношению к директиве начальника Генерального Штаба, ибо, вместо того, чтобы итти влево, уступом впереди I армии, II армия потянулась за 1-ой на расстоянии одного перехода.

На этот раз,—отнюдь не вследствие несовершенства в технике движения и медленной отдачи приказаний, но в силу странного ожидания, что Рейнская армия откажется от дальнейшего движеиия на Шалон по политическим мотивам и попытается защищать Мец на известной Нидской позиции, восточнее города.

Граф Шлиффен по поводу подобного удивительного представления в главной квартире принца Фридриха Карла замечает: „Для высшего командования этой армии, движение к Мозелю стояло, конечно, теперь по своему значению на втором плане. В том, что противник занял сильную позицию, оно видело не столько оборонительную, сколько наступательную тенденцию, другими словами, намерение атаковать противника двойной силы. Такое наступление всегда было сопряжено с крайними затруднениями.

Не считая сказочных деяний древности, колониальных войн, Гогенлоэ и Рюхеля под Иеной, которые возвели в непоколебимый принцип всегда нападать первым, собственно говоря, только Фридрих Великий, практиковал нападение на противника двойного превосходства в силах и все-таки не всегда счастливо.

И вот, старый, больной человек, полководец-диллетант, с расстроенной уже армией, должен был отважиться на такое предприятие, которое даже после начального успеха не должно было привести к полному уничтожению его армии.

Несмотря на то, что Мольтке качал головой по поводу такой оценки положения, принц Фридрих Карл остался при своем мнении и намеревался отразить отчаянное нападение противника искусным применением принципа „стратегически наступать, тактически обороняться".

Шесть корпусов I и II армий на оборонительной позиции между Фалькенбергом и Больхеном были подставлены под ожидаемый лобовой удар, а остальные четыре, между Фалькенбергом и Ферни, заняли фланговую позицию, чтобы, опираясь на нее, нанести смертельный удар во фланг неприятельского наступления.

К вечеру 15 августа, должна была быть закончена подготовка позиции, начатая 11 августа. „Тогда как", далее говорит граф Шлиффен — „терпеливо ожидавший Наполеон мог бы 16 августа атаковать расположение Бальсен-Фалькенберг и быть уничтоженным фланговым нападением с линии Фалькенберг-Верни.

К сожалению он ничего не знал о готовившихся против него кознях. Не предполагая ничего об отведенной ему геройской роли, Наполеон отказался от оборонительного боя, как только показались в отдалении головы неприятельских колонн, и 12 августа перешел на новую позицию, непосредственно восточнее Меца.

Движения германцев 11 и 12 августа оказались бесполезными.

Между тем противник получил бы в дар драгоценное время, если бы своевременно отважился на единственно целесообразное движение к Шалону, ибо для того, чтобы пройти расстояние от Саара, южнее Саарбрюкена, до Мозеля, южнее Меца, в расстоянии вокруг 80 километров, II-й армии, вследствие ее стратегических измышлений, понадобилось бы целых девять дней.

Рейнская армия не могла однако решиться отступить к Шалону и болталась день за днем у Меца. Высланная, в виде исключения, для выяснения обстановки германская кавалерия, установила это до 15 августа, как несомненный факт.

Между тем, как с горечью замечает граф Шлиффен — „ошибочно думать, что на войне донесения кавалерии имеют значение, или по крайней мере только желательны.

Высший руководитель обыкновенно составляет себе представление об обстановке, при расценке которой желаемое направляет дальнейшую деятельность.

Если текущие донесения согласуются с этим представлением, то они с чувством удовлетворения принимаются в соображение, если же противоречат, то как совершенно ложные, отбрасываются в сторону, подтверждая окончательный приговор, что кавалерия и на этот раз совершенно провалилась".

Высшее командование II армии после сновидения при Фалькенберге и Больхене составило себе новую картину по образцу графа Шлиффена и на этот раз стратегически впало в другую крайность. Если еще 11 и 12 августа оно верило в возможность бессмысленного нападения слабейшего противника, то теперь приписало ему роль беглеца, притом обладающего прямо сверх'естественной быстротой движения.

Укрепившиеся у Вионвилля и восточнее его силы французов могли быть только арьергардом, Войска Рейнской армии находились вдоль Мааса или далее за ним. План Мольтке оттеснить их к Люксембургу сделался таким образом безпредметным.

Оставалось продолжать движение против Рейнской армии, стоявшей согласно утверждению II армии, южнее Вердена.

16 августа войска армии были таким образом брошены в пустое пространство в направлении на С.-Михель.

С „арьергардами", стоявщими западнее Меца, должны были разделаться два корпуса и затем следовать за главными силами. Таким образом II армия сделала то, что из десяти корпусов на поле сражения было на лицо два и создала кризис, который могли преодолеть только несравненное геройство войск и остатки здравого смысла у некоторых лиц, занимающих менее высокие посты.

На следующий день, II армия дала противнику еще раз возможность, в своем преступном бездействии, уйти на Бри-Конфланс. Позабыли подготовиться к приуроченному на 18 августа наступлению в то время, как уже в этот день заходящий левый фланг II армии дошел до района Конфланс. Этим путем можно было бы значительно ускорить кризис, в действительности назревший лишь поздно вечером 18 августа, и тем самым избежать тяжелых жертв в центре наступления.

Наконец, высшее командование постаралось насколько возможно ослабить угрожающее значение этого фланга, тем что совершенно не воспользовалось двумя корпусами (III и X), за день до этого бывшими в сражении. По тогдашним понятиям это было более того, что можно требовать от войск, и потому являлось черною неблагодарностью. Вследствие этого общий фронт армии сделался уже, ударное крыло более не выступало и к довершению всего кинулось фронтально против сильного французского северного крыла.

Без сомнения, на этот раз не было сознательного уклонения от флангового действия, как, напр., при Кенигреце; просто, высшее командование, также как и Большая Главная квартира, искали неприятельский фланг у Ля-Фоли и Монтиньи-ля-Гранж, в действительности находившийся у С-Прива. Непостижимо неудовлетворительная разведка привела к тому, что одна лишь южная половина неприятельского фронта была принята за целое.

Сверх того, ошибочно предполагали противника находящимся в отступлении через Бриэ, Подобная предвзятая мысль обязана своим появлением только отсутствию какой бы то ни было разведки.

Это обстоятельство повлекло за собой даже тактические ошибки. По словам графа Шлиффена; „Командир IX корпуса (ф. Манштейн), должен был после перехода через Рейн последовать за другими кор-

пусами и стать в резерве. До него дошел слух о победах, которые были одержаны другими вдали от него.

Теперь, наконец, и он был впереди, полный стремления захватить свою часть добычи в сражении и стать участником победы. Главнокомандование указало, что противник—частью в Меце, частью в отступлении на северо-запад. Нельзя было терять ни минуты. Когда командир корпуса, запыхавшись от быстрой езды, достиг вершины западнее Верневилля и в свою зрительную трубу увидел белые палатки французского лагеря у Монтиньи-ля Гранж, то воскликнул, исполненный удовлетворения: „Не все еще ушли! для них дорога еще не свободна; теперь они попались!".

Это, стало быть, был противник, отступавший на Бриэ, насколько он вообще был достижим. Во всяком случае, IX корпус должен был, сколь возможно быстро, вцепиться, удержать и уничтожить противника, попавшегося ему в руки.

Два авангардные баталиона 18 дивизии были оставлены на продолжении пути его движения на Ля-Фоли; артиллерия дивизии и корпуса тем не менее была быстро видвинута вперед и развернута по-батарейно справа налево, вдоль возвышенности, спускающейся от Аманвейлера к Верневиллю. Батареи, частью замешкавшиеся и недостаточно быстро выезжавшие галопом на измученных лошадях,— подгоняются крепкими словцами. Противник у Монтиньи и южнее не заставляет себя долго ждать со своим огнем. Это бы надо было предвидеть.

Но поразительно то, что также и французские батареи, расположенные юго-западнее Аманвельера, под конец, не далее как с дистанции 600 метров, в свою очередь открывают огонь.., Что крайние левые германские батареи повернуты кругом, пользы не много. Облитая спереди, слева и отчасти с тыла, не только страшнейшим гранатным, шрапнельным и картечным огнем, но также и убийственным беглым огнем большого количества стрелков, артиллерия несет с самого начала неслыханные потери.

Но высшее командование, не взирая на сопротивление противника, оказанное севернее атакованного фланга и не входившее в программу, продолжает упорствовать на своем мнении, что французы отступают на Бриэ. Все происходившее севернее Монтиньи ля-Гранж было об'яснено временными переменами фронта движущихся колонн; серьезное значение признали только за южнее стоявшими силами. Поэтому развертывание лево-фланговых корпусов (гвардейского и XII) было оттянуто высшим командованием настолько к югу, что, в конце концов, для решительного охвата оставалась еще целая бригада, 48-ая, XII корпуса. И то, что должно было случиться не левом крыле, было предоставлено собственной инициативе дивизий, даже бригад", говорит граф Шлиффен.

В результате, вместо операции, получилось неуклюжее нападение, движение напролом против неприятельского огневого фронта. Окончательный успех имел место, благодаря превосходству сил и самопожертвованию войск; заслуга командования свелась исключительно к тому, чтобы поднять столь высоко, сколь это было возможно, в целях достижения успеха, способность войск нести кровавые жертвы.

Органы общего командования неизменно в том же смысле. дополняли действия высшего командования

Так, генерал ф. Манштейн двинул 3 гвардейскую бригаду против двух засевших в окопах французских дивизий при Аманвейлере, без какой бы то ни было артиллерийской поддержки. Генерал ф. Штейнман, льстя себя надеждой, после оттеснения передовых неприятельских отрядов, обратить в бегство противника, послал через узкий проход ущелья Гравелот—Ст. Губер пехоту, артиллерию и даже кавалерию, для преследования неприятеля, на извергающие огонь окопы главного французского расположения.

При сказочных потерях, успех привел к такому смешению войск II, VIII и VII корпусов, что этот невероятный беспорядок продолжался и с наступлением ночи. Если бы противник не имел против каждой точки своего положения громадного превосходства в силах, то здесь могла бы произойти небывалая катастрофа.

В последующих операциях, которые привели к Седану, только однажды, при Бомоне, выдался случай сделать тактические распоряжения.

Высшее командование Мааской армии и здесь твердо придерживалось освященного стариной основного положения, рекомендующего об'единять силы перед самым столкновением с противником. Поэтому то оно и двинуло через линию Бомон—ферма Варнифоре, на фронте в 4 килом. шириною, три корпуса против противника, которого расчитывали настигнуть у Бомона.

Мысль—двинуться вперед с одним корпусом восточнее Мааса на Мутон, чтобы отрезать противнику путь отступления,—была, должно быть, слишком нелепа, чтобы найти восприятие в ходе идей тогдашнего армейского командования.

Поэтому и здесь пришлось обратиться к давно усвоенному выводу, что, при фронтальном столкновении, одна сторона уступает другой вследствие превосходства сил, но не по причинам более искусного у той руководства.

Дальнейшее движение на Седан было произведено много более узким фронтом, насколько то допускали наличные силы, из которых ко всему тому, еще до сражения, один корпус (VI) и одну кавалерийскую дивизию отослали назад.

В течение 31 августа, для решительного противника все таки еще была возможность спасения в направлении на Мезьер, так как уже в растоянии около 10 километров к западу от Седана, на полпути до Мезьера, он мог пройти мимо германской фланговой колонны, расположенной много западнее и притом силой только в одну дивизию. Эта последняя могла появиться на фланге его походных колонн никак не раньше вечера 31. августа.

Так как Мак-Магон предпочел стянуться к Седану и там покорно ожидать своей участи, то это обстоятельство не могло в дальнейшем повлиять на развитие дел.

Только Мааская армия нашла еще случай, по старому обычаю, сначала стянуть два корпуса на фронте в два километра перед неприятельским левым крылом и с этими силами начать движение несколькими часами позднее правого крыла соседней армии, притом опять

таки своим правофланговым гвардейским корпусом позже левого фланга.

Таким образом раз'единенные силы южной группы, (XII и IV корпуса), выдвинувшись вперед, очутились бы, при малейшей французской попытке к прорыву, перед значительною опасностью быть смятыми и отброшенными вправо на Хиерс.

Когда же гвардейский корпус вступил в бой, то его фронт развертывания, вследствии густого массирования южных сил, был настолько оттянут к югу, что автоматически охватывался французским северным крылом и подвергался опасности фланговой атаки.

Не нужно забывать, что многое из этих тактических неудач, до известной степени, об'ясняется неуверенностью и незнанием, которые на войне входят в правило. Никто и не помышлял о том, чтобы соответствующими мерами разведки, по возможности, ограничить неизбежное зло; это составляло главную ошибку тогдашней тактики.

Однако и смягчающие вину обстоятельства невыясненной обстановки не могут извинить все неправильные мероприятия. Существовало два источника ошибок: во-первых, руководство боем высокомерно обесценивало значение огня, по сравнению с сокрушающим натиском пехотной атаки. Когда Федор ф. Кеппен, воспевает, говоря о пехоте великого короля. „Железный клин, проходя через части фронта, низвергал в прах, все что неуспевало спастись", то думали, что перед этим заветом, как евангелием, можно преклоняться вечные времена, несмотря на все успехи техники оружия.

Глубоко вкоренившийся в прусской армии консерватизм, заскорузлая приверженность к устарелым традициям, склонность лишать все новое подобающей ценности, вот корни роковых заблуждений.

Во вторых, в области стратегической мысли не хватало признания необходимости изучать военную историю. Граф Шлиффен по поводу этого говорит:

„Поколение 1870 г. жило наполеоновскими преданиями. Свое стратегическое сокровище оно заимствовало из походов великого мастера войны, но этот дар был взят им не из периода его великих побед от Маренго до Фридланда, но из времен упадка его гения, следовавшего за походом в Россию.

Что Ульмская операция была выиграна искусным обходом, Иена— широким охватом с флангов, Аустерлиц и Фридланд атакой на один, а Маренго—ударом на оба фланга, все это осталось незамеченным. Напротив того, сила воображения была чрезмерно воспламенена могучей атакой под Лейпцигом 16. X. 1813 года на неприятельский центр и повторенной при Ватерлоо попыткой прорвать английский фронт. Что эти атаки именно не удались и повлекли за собою трагический конец корсиканского героя, об этом, подавленные их величием, как то забыли.

С тех пор сосредоточение масс перед боем считалось непререкаемым условием победы. Армия должна была двигаться густыми и глубокими колоннами, сдавленными на узком фронте. С этой наполеоновской тактикой масс германцы вышли на Саар и Мозель. В методичном, напряженном бою они должны были, удар за ударом, подтачивать неприятельское расположение. Германская армия попыталась проделать нечто подобное под Гравелотом и понесла полнейшее

поражение. Но у С. Прива глубокие колонны неожиданно для себя натыкаются на длинные линии, к которым однако они не могут подойти. В результате, в короткое время опять восстановлена, хотя и в грубой форме, линейная тактика пехоты и артиллерии, осужденная еще со времен Иены. Линия сражается против линии, и в этом бою побеждает та, которая, как более длинная, может охватить неприятельский фланг.

Бессознательно вернулись к старым формам боя, которые Фридрих Великий рекомендовал словами: „Атакуйте храбро, обстреливая картечью из наших тяжелых пушек, и после того выигрывайте фланг".

Военная история указывает на слабые стороны атаки и обороны Но, думается, что Мольтке был единственным человеком Прусского Генерального Штаба, который их понял и сделал из этого правильные выводы. Однако его положение не представляло ему определенной возможности влиять на те или иные мероприятия, предпринимаемые армиями, в форме категорического приказа; у подчиненных же не хватало достаточной сознательности для выполнения его намерений.

Так, мы видим—как тонко соображенные бои на окружение при Гориц-Иозефштадте, под Кениггрецом, в Лотарингии и при Бич—Цаберне да, наконец, основанные на одностороннем обходе бои от 16 до 18 августа, превратились в неискусные столкновения. Гений гаснет под тяжестью затхлой отсталости и невежества.

Каждый раз исход один и тот же. Вместо окончательного уничтожения австрийской армии в колене Эльбы—необходимость продолжать операции против отходящих частей, которые могли образовать кадр новой армии. Вместо последнего решительного боя при Бич—Цаберне,—уход Мак-Магона с поля сражения у Верта на Шалон. Потребовались новые бои, чтобы его обезвредить.

Рейнская армия, вместо того, чтобы быть оттесненной от Меца к Люксембургу и к границам Бельгии, где ее вынудили бы сойти со сцены, оказалась лишь отброшенной на Мец и приковала 200 тыс. человек, отсутствие которых впоследствии при операциях было весьма чувствительно. После каждого боя, который мог бы кончить войну одним ударом, выяснялась потребность нового пути, длину которого нельзя было предвидеть.

Если сравнить общий уровень тактических способностей Германского Генерального Штаба и вышедших из него войсковых руководителей к 1914 г., с таковыми же 1866 и 1870 г.г., то можно сказать, что среди трех главнейших слабых мест последнего периода,—в основе лежит приверженность к глубокой стратегии и чрезмерная компактность построений в бою. Этим обстоятельством обуславливался отказ от действий на флангах; затем, недостатки в организации разведки и, наконец, пренебрежение со стороны тактики к технике и местности. Ошибки первой категории постепенно затушевывались, хотя неоценимые указания, преподанные Мольтке и Шлиффеном, не принесли тех плодов, которые можно было бы ожидать.

Многое из того, что создало оперативное руководство в течении Мировой войны, вряд ли выдержало бы критику старого практика.

Тезис Шлиффена, гласящий, что при следовании колонн рядом не может быть оказано непосредственно никакой действительной поддержки атакованному, или наткнувшемуся на упорное сопротивление соседу, иначе, как продолжением движения в прежнем направлении, создавая таким образом угрозу флангу или даже тылу противника своего соседа, ставя его в опасное положение, этот тезис упускался из виду и взамен этого обыкновенно шли на „пушечные выстрелы".

Тактическим упущениям соответствовали стратегические результаты.

Так, III армия, 23 августа 1914 г., допустила вовлечь себя в тактическую поддержку II армии и через то лишилась возможности выполнить операцию.

И когда, 29 августа, до III армии опять донесся призыв о помощи, справа от II армии, слева от IV армии, в форме непосредственного наступления западнее Гирзона, т. е. западнее Седана, то командование III армии долго колебалось—какому из призывов о помощи отдать предпочтение и, наконец, решилось на поддержку IV армии.

Между тем единственно правильным было бы, не слушая никого, двигаться форсированным маршем прямо на Реймс. Тогда бы армия заняла положение уступом вперед, что уничтожило бы корни сопротивления противника, стоявшего против обоих соседей а затем могла бы представиться возможность катастрофического удара в тыл того или другого противника, в зависимости от требований общей обстановки.

Но командующий III армии отклонился от учения Шлиффена, широко проповедывавшегося им в мирное время.

Преследование на перерез путей не состоялось. Противник ушел неуязвимым. Опять одержали еще раз „ординарную" победу.

Однако примеры того, как войсковое руководство в неведении обстановки предпринимало меры, которые прямо противоречили планам высшего руководительства, в Мировой войне весьма редки, если только вообще их можно найти.

Основная идея стратегии Мольтке и Шлиффена: стремиться к охвату в процессе развертывания, перенося центр тяжести в пункт для решения сделалась общим достоянием командования и была разумно применяема.

Огромная созидательная работа этих людей резко бросается в глаза; серьезная научная работа Германского Генерального Штаба в области большой операции принесла свои плоды.

Второе слабое место тактики в 1866 и 1870 гг., недостаточная разведывательная деятельность, была также совершенно устранена. Да, здесь успех был вне сомнения. Сознание необходимости разведки стало не только общим достоянием высшего руководства, но и всей армии.

Однако, на ряду с этим, не удалось искоренить третьего недуга прежней тактики, именно управления боем на основании устарелых догматов.

Оценка данных факторов, в особенности касавшихся техники и психологии, как и в 1870 г., страдала от наследственного зла в прусско-германском военном деле, от консерватизма, который ставил традиций выше, чем они этого бесспорно заслуживали.

По этому поводу в другом месте говорится несколько подробнее; по правде говоря, это было не в духе Шлиффена. Однако его ученье упало в данном случае на такую почву, в которой приверженность к старине, развившаяся в прусском офицерском корпусе до размеров священного культа предков, разъела основательнейшим образом чахлые зародыши новых идей.

Еще одно слабое место; оно касается внутренней стороны германской армии, которое, впрочем, является общим для большинства армий и не может здесь быть обойдено молчанием, хотя Генеральный Штаб—по крайней мере для мирного времени—нельзя признать ответственным в нем. Речь идет об известной склонности к прикрашиванию. Ни один строевой офицер не будет этого оспаривать. Она выражалось в стремлении по возможности скрывать недостатки, показывать деятельность войск при всех обстоятельствах и неизменно в наивыгоднейшем освещении.

Зло несомненно коренилось в карьеризме, у некоторых лиц в в побуждениях личного характера, в материальной заинтересованности офицеров действительной службы или в стремлении выслужить более значительную пенсию.

Останавливаться на сущности данного вопроса, значило бы выйти из рамок сочинения. Генеральный Штаб должен был касаться этих явлений постольку, поскольку они могли причинить ущерб качествам военного механизма. Это без сомнения так и было.

Оставив в стороне менее вредную разновидность „втирания очков", что, в погоне за красивой смотровой картиной, заставляло войска прибегать к попыткам, хотя и редким, но все же имевшим место,—„corriger la fortune" те же явления при стрельбе в боевой обстановке и им подобных упражнениях, которые должны были служить основой для тактического обучения, необходимо осудить, ибо нагромождение неправдоподобностей ради картинности влекло с собой тяжелые тактические заблуждения.

О вреде, который принесли несоответствующие боевым условиям упражнения мирного времени, будет сказано подробнее в другом месте. Генеральный Штаб должен был признать этот вред и стремиться его устранить.

В особенности эта система должна была раз навсегда подвергнуться строгому осуждению во время войны. Но то, что вошло в привычку в течение долгого мирного времени, не может быть совершенно искоренено на театре войны и притом в одно мгновенье. Правда, здесь не было никакого „втирания очков", благосклонного созерцания и преследования личных выгод, тем не менее стремление выявить собственную личность в наивыгоднейшем свете нашло себе другую область.

Требовавшиеся Верховным Главнокомандованием периодические отчеты о боевых качествах дивизий ставили некоторых командиров перед соблазном обрисовать все в красках, более светлых, чем то подсказывала суровая действительность. И где это испытание было сознательно преодолено, там проскальзывало, безсознательно выработавшееся в течении долгих годов, стремление не слишком уж сгущать краски, но кое-что представить так, чтобы оно оказалось в самой постановке вопроса, так сказать, „исчерпанным" на длинном пути.

отчета, пока донесение проследует от дивизии и через штаб командующего армией и группой к Верх. Главнокомандованию.

В результате, Верховное Главнокомандование лишено было одного из элементарнейших оснований для управления боевыми оперициями в реальной обстановке, а именно абсолютной истины о состоянии войск, как бы она ни была горька и тяжела для доносящего.

Беспощадное преследование в каждом данном случае сокрытия истины, пока это было своевременно, застраховало бы Генеральный Штаб от гибельных заблуждений, которыми особенно богат роковой 1918 год.

ГЛАВА 4.

Германская тактика мирного времени и боевая подготовка войск.

Действие собственного, а также неприятельского оружия и значение моральных факторов являются, как сказано выше, направляющими линиями для основных тактических положений и вместе с этим для боевой подготовки войск.

Так как действительность оружия вместе с разрушительностью связана с сильным моральным эффектом, то обе эти величины находятся между собою в тесном взаимодействии.

Моральная ценность войск зависит от качества пополнений и рациональной постановки солдатского воспитания. Поэтому, армия, на дух которой не оказывают растлевающего влияния внешние события (политические перевороты и т. д.), в течении мирного времени представляет, приблизительно, постоянную величину.

Совершенно иначе стоит вопрос о действительности оружия в связи с успехами техники, обозначая таким образом постоянное возрастание влияний в материальном и моральном отношениях, получающих неизменно новые формы выражения.

Вследствии этого, последующее развитие тактических взглядов и основных положений зависит в первую очередь от развития техники оружия. Хороший техник среди Генерального Штаба не будет ее умалять, хороший же психолог не станет превозносить силу противодействия моральных факторов в борьбе с материальным действием оружия.

Преобладающее влияние непрерывно возрастающей величины по сравнению с более постоянной данной должно быть признано и оценено.

В германской армии этот взгляд не получил достаточно резкого выражения. Это были очевидные последствия двух войн, явивших ряд беспримерных побед.

Приподнятое чувство победителя отвлекает его разум слишком легко от действительности. Моральная сторона получает более серьезную оценку, чем это следовало бы.

Если же в вышеприведенном расчете первенствующая роль присваивается неменяющейся, сравнительно, данной, то естественное следствие отсюда—излишнее преклонение перед пережитками. Тогда то и наблюдается опасный консерватизм в военном деле.

Этот консерватизм и в германской армии приобрел довольно заметное господство. Если граф Шлиффен говорит: „Поколение 1870 г. жило Наполеоновскими преданиями", то, до известной степени, можно сказать про поколение 1914 г., что оно питалась в свою очередь заветами 1870 г.

Лавры давно прошедшего боевого искуса не по праву превратились в венок из иммортелей.

Генерал Людендорф сам признает этот консерватизм, говоря: „Упорство армии велико. Так было в мирное время, так останется оно и на войне. Упорство это проявлялось в мирное время не только в войсках, но пустило очень глубокие корни в мозгу их руководителей и учителей".

Граф Шлиффен, который слишком ясно видел такой консерватизм, сам на себе испытал силу его тормазов, когда должен был проводить уже упоминавшийся вопрос о создании тяжелой артиллерии полевой армии.

Но и он не мог преобороть его живучести, укоренившейся на плодоносной почве богатых победами традиций.

Ирония заключалась в том, что известные круги германской армии, особенно сильно приверженные к старине, рассматривали себя именно в качестве носителей фридриховских заветов. Между тем дух Фридриха Великого более не существовал, хотя на него часто и ссылались. Новатор, король—полководец, который накануне семилетней войны на замечание Саксонского курфюрста, что его требование не имеет за собою никакого исторического прецедента, возразил с остроумным сарказмом: „Не знаю, известно ли вам, что я стараюсь быть несколько оригинальным",—король должен был перевернуться в гробу, если бы мог знать сколь часто и упорно цеплялись за нечто несоответствующее времени, относя это на счет его духа.

Умаление техники в пользу будто бы непреодолимого нравственного элемента войск отражалось на всем германском офицерском корпусе. Среди офицерского состава нигде не было столь мало желающих сделать доклад, как в военно-технической Академии.

Прозвище „слесарная академия" отображает взгляд германского офицера, который в техническо-научном стремлении не видел ничего соответствующего своему общественному положению. И те войска, специальность которых требовала соприкосновения с техникой, не редко чувствовали себя неловко от полупрезрительной снисходительности офицера „боевого оружия", как себя охотно называла пехота и кавалерия. Особенно настойчиво открещивался от звания техника полевой артиллерист.

Одна из казарменных острот, в которых зачастую скрывается ядро истины, утверждала, что в артиллерии „за крупом коренной лошади оружие просто не приличествует".

Тот факт, что в широких массах офицерского корпуса технике не было оказываемо должного уважения, лучше всего свидетельствует о том, что и руководящие верхи армии разделяли этот пренебрежительный взгляд.

В противном случае, они подготовили бы в войсках соответствующий ее значению прием. Да и разного рода инструкции повсюду

проникнуты несколько смутным представлением в области техники, как об этом говорится ниже.

Как неизбежное следствие узости технических взглядов—несоответствующая расценка действительности оружия. Само собой разумеется, что это должно было сказаться резко отрицательным образом при определении действительной силы противника. Уже в 1870 г. германская тактика пехоты страдала от подобного самообмана; только упоение победой глушило осознание собственных ошибок.

Поучительный пример в этом отношении дает атака первой гвардейской пехотной бригады при Ст. Прива, 18 августа. Граф Шлиффен описывает ее следующим образом:

„Бригада стояла раньше укрытой в овраге Гомекур, но затем для колоритности и красочности была поставлена на высоты под дальний огонь ружей Шасспо. Здесь люди распластались по земле и представили собою совершенно ясные списки потерь.

Команда к под'ему, выступлению и движению вправо была подана как освобождение от невыносимого положения после двухчасового лежания. Для последующей атаки из глубины выдвинулись: узкая линия стрелков, четыре ротных колонны, два полубаталиона, четыре полубаталиона для второго и два баталиона для третьего удара.

Как только была достигнута восточная окраина С.-Мари, эти части, повернув в пол-оборота налево, почти налево кругом, переходят глубокие шоссейные канавы, и, чтобы не зайти в тыл четвертой бригаде, продвигаются еще немного вперед, затем по-баталионно или поротно поворачиваются направо.

Потери, которые были относительно малы в течение двухчасового привала, увеличиваются как только бригада двинулась; они достигают ужасающих размеров при переходе шоссе и почти не ослабевают в течение всего флангового продвижения.

Огромное облако пыли окутывает колонны, которые справа непрерывно обстреливают ея убийственным беглым огонем, а белые облачки разрывающихся шрапнелей выбрасывают их содержимое в парадных солдат Потсдамского увеселительного сада, которые, не поддаваясь обуявшему их страху, продолжают маршировать „левой", „правой", не меняя ритма.

„Вперед, вперед", все твердит бригадный командир генерал фон-Кессель, „вперед!", бьют барабаны, трубят гарнисты и вперед устремляются гренадеры.

Досадно, что вследствие продолжающегося падения людей, создаются непрерывные остановки, требуется постоянная замена головных и дозоров. Атака была предпринята без единого выстрела артиллерийской подготовки".

Болезнь 1870 г. не исчезла и в 1914 г. Многие атаки, в особенности позднею осенью 1914 г. на Изере, указывают на тот же источник ошибок, как и во время атаки 18 августа 1870 года: ошибочную оценку действительности огня и незна ние границ, в которых может протекать пехотная атака.

Дух фельдмаршала ф. Мелендорфа, который при Ауэрштедте подгонял слабую прусскую пехоту на превосходящего силами противника

безсмысленной фразой „свежая рыба, хорошая рыба“, по прежнему еще чувствуется в 1914 г.

Недостаточная оценка действительности неприятельского оружия обусловила происхождение в германском пехотном уставе густых стрелковых линий.

Намерение, которое лежало в основе их создания, достигнуть в стрелковом бою огневого превосходства, указывает, с другой стороны, на переоценку действительности собственного оружия.

Корень и тех, и других заблуждений лежит в недостатке технического понимания действительности пехотного огня по целям различной величины.

Расплата в 1914 г. была та же, что и в 1870 г. Только потому, что тогда война пришла к концу после трех четвертей года, последствия этих потерь при большом превосходстве сил не сделались сколько нибудь заметными. В Мировой же войне за последние годы чувствовался недостаток цвета лучших сил армии, которые были принесены в жертву консерватизму устаревшей тактикой.

Стратегическая обстановка предстоящей войны требовала от германской армии быстрого и полного сил наступательного образа действий, как об этом будет сказано ниже.

Естественно, она должна была быть воспитанной в духе чрезвычайно развитых наступательных стремлений. Однако, излишне указывать, что в этом стремлении можно было, что называется, хватить через край; в таком случае требование сбережения накопленных сил было бы отодвинуто слишком далеко на задний план.

Умаление значения действительности оружия расширило границы, которые оно могло поставить ликующему тевтонскому неистовству в его неудержимом стремлении „вперед“.

Неизбежными результатами столь ложного вывода были и ошибочные воспитательно-психологические заключения. Чего нехватало, в смысле приспособляемости, германцу—честно стремившемуся вперед, тем обладал лукавый француз. За то у последнего отсутствовало удальство.

Если бы тактические воззрения отдавали должное действительности оружия, то это привело бы к тому, что воспитание германского пехотинца, одновременно с развитием в нем наступательного порыва, сообщило бы недостающее ему по причинам расовой психологии.

Германец от природы обладает наступательным духом. Но самодеятельность приходилось всетаки воспитывать в каждом отдельном человеке для того, чтобы во всех случаях он мог быть предоставлен самому себе.

Искусство французов в применении к местности, в разведывательной службе являлось тем, чего не хватало немцам и что нужно было восполнить воспитанием. С искусной пехотой куда легче вести беззаветное наступление.

Довод, будто тактика пехоты, направленная исключительно на наступление, т. е. на движение вперед, обусловлена стратегической необходимостью,—не основателен.

Приемы атаки германской пехоты весною 1918 г. вполне ясно показывают, что цели стратегическсго наступления на основах тактики, которая согласует стремление вперед с возможностями действия оружием, достигаются столь же хорошо и даже еще лучше, если прини-

мается во внимание сохранение сил, чем при помощи той тактики, для которой остроумие военной академии придумало название „дикий кабан“.

То обстоятельство, что в вышеприведенных примерах, атаки не доводились до конца, обуславливается вовсе не недостатком тактической энергии, как то торжественно утверждают приверженцы старины, но силою других причин, о чем говорится в главе „ведение операций“.

Но так как в германской армии, наряду со взглядом, что будущие войны потребуют энергичных стратегических операций, жила бессознательная вера и в тактику под С-Прива, будто бы по прежнему безусловно ведущую к победе, хотя бы и кровавым путем, то этот символ веры, естественно, устанавливал центр тяжести воспитания войск в том, чтобы предоставить командованию лишь безусловно послушный аппарат.

Вместо боевого воспитания получился род боевой муштры, хотя официальные приказы и требовали настоятельно воспитания в целях развития самодеятельности. Армия стала удивительной боевой машиной, которая без трений, при всяких условиях, до тех пор пока имела над собой руководство, выполняла свое назначение или же умирала.

Всегдашнее ожидание приказа приучало солдата и низший командный состав быть всегда наготове, и таким образом углубляло расово-психологический недостаток, вместо того, чтобы его вовсе устранить.

Психология в германской тактике расценивалась недостаточно серьезно. То обстоятельство, что ее влияниям не придавали особенного значения, обусловливалось неправильным представлением о действии оружия. Одна ошибка влекла за собою другую.

Посягательство на эти заблуждения было бы настоящей катастрофой. Умаление действительности неприятельского оружия привело к тому, что уставные указания по поводу того, как собратия пехоты по оружию, и прежде всего артиллерия, должны прокладывать ей дорогу к победе, звучали без отклика.

Значение взаимодействия родов войск, т. е. то, что французы называют la liaison d'armes, у нас было не вполне осознано. Результатом этого было, естественно, то, что проявление такого взаимодействия обнаруживалось не в должной мере, какая требовалась.

Мы думали, что подобное взаимодействие можно обеспечить приказом командующего. В трудностях достижения этого взаимодействия пришлось убедиться в серьезных случаях. А насколько эти затруднения были велики, иллюстрациями могут послужить постоянные жалобы пехоты на недостаточную поддержку артиллерией.

При упражнениях мирного времени лишь изредка пытались установить, осуществляется ли, в действительности, необходимое взаимодействие отдельных родов войск.

Результатом явилась работа отдельных родов войск, лишь рядом, друг возле друга. Не хватало основного условия взаимодействия, а именно взаимного ознакомления. Высшие начальники, вышедшие главным образом из пехоты, постоянно в своем собственном незнании артиллерии, напирали на то, что последняя должна руководствоваться потребностями пехоты.

Не принималось во внимание то обстоятельство, что пехота со своей стороны, должна считаться с предельной работоспособностью артиллерии. Куда там! Для командира пехотного полка артиллерия

была ведь таинственным цехом. Он никогда не задумывался над тем, имела ли артиллерия при его наступательном порыве вообще время для поддержки, и, вернее всего, не оставили ли ее попросту его же собственные войска.

О занятии артиллерией позиции, о приготовлениях к стрельбе, о возможных для нее задачах—пехотный генерал по большей части имел очень смутное представление. Именно, он больше других имел право называться „специалистом".

По поводу вошедшего в обиход с 1886 года включения артиллерии в походную колонну, граф Шлиффен иронизирует в следующих выражениях: „Бои решаются сильной артиллерией. Чтобы не расходовать это драгоценное средство победы слишком рано, резервная артиллерия располагалась в походной колонне далеко позади. Не дурно также было и для руководителя, если ему по возможности позже приходилось применять незнакомый вспомогательный род войск".

Кто не вспомнит, прочитав эти слова, о панацее прежних пехотинцев, у которых каждый боевой приказ указывал артиллерии, раз навсегда, подавление огня неприятельских батарей, а саперам—разведку расположения мостов. Этим самым на долгое время и с пользой для дела отвлекался столь чуждый вспомогательный люд, бой же, в собственном смысле, лучше всего было вести одной пехоте.

Взаимное отчуждение глубоко вклинились между главными родами войск германской армии. К его устранению мало что предпринимали, так как оно считалось не весьма опасным злом.

Участие офицеров других родов войск в качестве зрителей на смотрах являлось главнейшим средством взаимного ознакомления.

Французы, которые поняли значение „liaison d'armes" и необходимые для осуществления этого условия, избрали простейший путь, чтобы переплести в одно тактическое целое жизнь пехоты и артиллерии, с их характерными особенностями. Они перемещали офицеров из одного рода войск в другой, до достижения ими такого служебного положения, с коим было сопряжено тактическое управление. Французы создали, таким образом, однородный, до известной степени, офицерский корпус и с корнем вырвали зло взаимного непонимания. Такая мера в германской армии была бы невозможна, потому что она противоречила традициям. У нас, как раз наоборот, вновь разобщили офицерский корпус полевой и пешей артиллерии, до того времени единый.

Однако, преимущества французских мероприятий чувствовались, старались их перенять, но только в таком виде, чтобы они не противоречили требованиям традиции. Безусловно при этом терялась сущность французской системы, и она обращалась в бездушное подражение.

Распоряжением начальства отдельные офицеры главных родов войск попеременно командировались для несения службы. Основное отличие от французской системы самоочевидно. Французский пехотный офицер, который, например, прикомандировывался к артиллерии, становился членом новой части, неся ту же ответственность в своей служебной деятельности, и вступал в ту же линию дальнейшего служебного движения, как и всякий коренной артиллерист. Таким образом

он действительно познавал новый род войск, его работу и его особенности.

В Германии же, прикомандированный к артиллерийской части какой нибудь пехотный поручик смотрел на свою командировку, как на замаскированный отпуск. Лезть из кожи ему не нужно было ни в каком случае, потому что он все таки являлся гостем, с которым следовало обращаться вежливо. Хорошая служебная аттестация была ему таким образом обеспечена. И командир батареи, заботам которого он был поручен, искренно радовался, если гость не был особенно ревностен к службе и выражал желание, например, отвести взвод или даже заняться сменной ездой. Он все бы провалил, испортил-бы „картину" батареи. Ему давали под верх старого россинанта, которому уже не было вредно, если ездок ставил его на колени. Он гарцовал рядом, как гость на маневрах. На смотрах, его, естественно, представляли начальству, но он получал в качестве суфлера ловкого унтер-офицеры, и так как смотровые кунштюки были известны, то все сходило гладко. Командировка протекала к общему удовольствию, но и без большой пользы.

Война вскрыла недостаточность совместной работы родов войск. Между тем еще в мирное время это обстоятельство не ускользнуло бы от взоров Генерального Штаба, если бы последнему были знакомы трудности пехотной атаки в условиях современной техники.

Интересно сопоставить наставления для ведения боя в германской и французской армиях в течении времени, предшествовавшего войне, и сравнить оценку ими технических и моральных факторов, и также способы, коими предполагалось обеспечить взаимодействие отдельных родов войск.

О моральном действии упоминается только во французском артиллерийском уставе, в котором говорится: „артиллерия своими громовыми раскатами и видом разрывающихся среди противника снарядов оказывает пехоте моральную поддержку, которая ей необходима, чтобы получить импульс для движения вперед или силу сопротивления на месте".

Далее, подполковник Паллок в своем сочинении „L'artillerie de campagne" учитывает моральное влияние, когда на ряду с материальным препятствием, которое ставит неприятельский огонь пехотной атаке, говорит об „obstacle peur" *). „Тут раньше чем ввязаться в бой, пехота испытывает ощущение, что пространство, находящееся под неприятельским огнем, слишком опасно, чтобы рискнуть его преодолевать; колеблясь, она останавливается, ища укрытия раньше, чем начать нести потери".

Следовательно, моральное действие артиллерийского огня должно успокоить нервную систему собственной пехоты. Вместе с тем он должен помешать неприятельской пехоте в развитии ее наступательной деятельности.

По этому поводу подполковник Паллок говорит: „Та артиллерия, которая, мапример, своим огнем удерживает в закрытиях защитников

*) La, l'infenterie éprouve avant de s'y engager le sentiment, que le terrain à parcourir balayé pat les feux ennemis ct trop dangereux pour qu'on passe s'y aventure; elle s'arrête hésitante et s'abrite avant d'avoir souffert.

укрепленной позиции и тем мешает им стрелять, выполняет свою задачу самым действительным образом. Она не причиняет противнику никаких потерь, потому что он укрыт; но ее шрапнельный огонь нанес бы неприятелю тяжелые потери, если бы он покинул закрытия. Боязнь этого, „peur de shrapnel" удерживает его самого от действия".

Последний вывод подполковника Паллок составляет уже сущность огневой завесы Нивелля. Верность его вывода оправдалась событиями.

У нас до войны его не признавали и ставили ему в упрек, что он имеет в виду морально мало-стойкую пехоту. Такой взгляд мог быть пригоден для высокоценного материала германской пехоты 1914 г. но никоим образом не для частей среднего качества, какие появились в течение длительной войны.

Причину, почему Франция придерживалась в этом случае более скептического, и, как показывает опыт войны, более правильного взгляда, нужно искать еще в том, что в 1870 году французская армия на собственной спине испытала моральное действие меткого артиллерийского огня (напр. Буа-де-ля-Гарен, у Седана).

Германской армии не хватало в этом отношении собственного опыта, а он то, именно, и самый ценный.

В технической области, устав германской полевой артиллерии обнаруживал некоторое нежелание пользоваться всеми возможностями, которые дают технические преимущества оружия.

И в этом случае война преподала жестокие уроки. К закрытым позициям прибегали крайне неохотно. Ими ведь можно пользоваться лишь короткое время и они требуют особой организации наблюдения.

И далее, „чтобы достигнуть результатов в пехотном бою, полевая артиллерия должна отказываться от выгод закрытых позиций, стрелять всегда с почти открытых или маскированных.

„Даже при обороне, необходимость обстреливания подвижных целей пехотной атаки требует своевременного оставления закрытой позиции". Недостаток „технического чутья" вызвал в данном случае недоверие к услугам техники.

В противоположность этому, французский устав полевой артиллерии вменял в обязанность артиллерийским руководителям всестороннее использование технических свойств оружия, чтобы, по возможности, сберегать войска, говоря: „артиллерия занимает преимущественно закрытые позиции".

Ход войны выдвинул преимущества французской артиллерийской тактики и заставил нас принять таковую. Германский артиллерист поневоле стал техником.

В отделах, касающихся собственно боя, было больше сходства во взглядах на вопрос с обеих сторон. Взгляды на сущность и возможности артиллерийского боя излагались одинаково.

Французский устав подчеркивает необходимость взаимодействия, как долга самих войск: „чтобы быть действительною, поддержка пехоты артиллерией должна происходить в точно определенные моменты, которые может усмотреть только атакующий, и в строго определенных пунктах, выбор которых, с одной стороны, находится в руках

атакующего, но которые, с другой—обусловливаются поведением противника.

Отсюда вытекает необходимость во всех случаях возможно тесной связи между пехотой и артиллерией".

Германский же устав предоставлял это усмотрению войскового руководителя. Германский взгляд на сущность современного боя, преуменьшая значение действия оружием в пользу „Furor teutonicus" („тевтонского неистовства") вместе с тем и переоценивал это действие.

Так, наставление для атаки укрепленной полевой позиции не принимало во внимание силы пулеметного огня, ожидая, с другой стороны, от подготовительного огня собственной артиллерии слишком непосильной работы.

Эти ложные выводы коренились в неясных представлениях о технических возможностях действия современного огнестрельного оружия, в реальных боевых условиях против действительных боевых целей.

Связанные с этим заблуждения психологического порядка приписывали германской пехоте чрезмерно бо́льшую силу удара, что не допускало возможности поставить на надлежащее место принцип соответствующей поддержки ее другими родами войск.

Вышеприведенное сравнение могло бы вызвать предположение, будто вообще следовало бы установить превосходство французской тактики над германской.

Это, однако, совершенно не так и притом не составляет цели предложенного труда. Поставленная задача сводится лишь к открытому признанию того что у противников было лучше, чем у нас. А это „лучшее" состояло в осознании значения техники и психологических факторов, откуда вытекала более умеренная оценка того, что могла сделать пехота своими собственными силами.

В общем же, подготовка органов управления и частей германской армии были значительно выше, чем у всех ее противников, несмотря на указанные недостатки.

Французское командование все еще придерживалось правил Наполеоновской школы: „on s'engage partout et on voit". Завязывание боя по всему фронту должно было указать слабое место на стороне противника; на него то и направляется удар резервов „troupes de manoeuvre".

Знакомая французскому Генеральному Штабу германская тактика охвата породила преувеличенные надежды на тонкий фронт, на удачу прорыва, вопреки всем предостережениям Наполеоновской эпохи, которые граф Шлиффен удачно характеризует следующими словами. „Когда бы можно было только знать, где легче всего прорвать неприятельскую линию, где находится слабое место, куда нужно поставить таран! Никто не может этого сказать. Полководец колеблется относительно направления своих резервов. Если он думает, что может применить их там, где предполагает найти у противника слабое место,— то это полнейшая иллюзия. Ему остается лишь выбор: либо не пользоваться резервами вовсе, либо употребить их на усиление фронтальной атаки. Между тем возникает опасность потерять слишком много времени на отыскание наивыгоднейшего пункта для прорыва,

отчего, наконец, ход атаки, как чисто фронтальное наступление, при нынешнем действии оружия, весьма замедлится, и таким образом решающий акт может и даже должен наступить лишь тогда, когда фланг окажется уже в смертельных тисках, а все остальное ушло от них.—Опасность останется невыясненною или не будет оценена надлежащим образом. Это не свидетельствует о ясности оценки существующих факторов, каковы нерешительность командования, трудности фронтальной атаки и т. д.". Кроме того, рассматриваемая система была измышлена для отражения угрозы немецкого охвата и, следовательно, уже на половину являлась отказом от инициативы. Она не свидетельствует о сознании французами своей силы, когда, не ожидая, можно решиться идти своим собственным путем, видя высшую цель ведения войны в том, чтобы подчинить действия противника своей воле и затем загнать его в оперативный роковой тупик". Германский Генеральный Штаб определенно стремился к этой цели, благодаря воспитанию, воспринятому им от его учителей. Поэтому то, несмотря на отдельные ошибки Германского Генерального Штаба в выборе средств, его деятельность сильно возвышается над работою врагов, из коих лучший, Франция, и на самом деле проявил малодушное смирение.

ГЛАВА 5.

Германская тактика на войне и поддержание боеспособности войск.

Задача сохранения боеспособности войска на войне требует, с одной стороны, поддержания и развития тактической, а с другой— сохранения моральной их ценности. Первое достигается постоянным совершенствованием способов ведения боя на основании указаний, выведенных из сущности последнего боя со всеми ее техническими и прочими эволюционными возможностями, а также путем обеспечения достаточными по численности комплектованиями. Второе обусловливается поддержанием дисциплины и настроения войск, а также морально-безупречным комплектованием. Вопросы комплектования затрагиваются в другой главе („организация"). Здесь же будет рассмотрена работа с трех остальных точек зрения.

Настроение войск на фронте имеет своим источником родину. В этом отношении, Генеральный Штаб в течение продолжительной войны мог иметь лишь посредственное влияние в той мере, в какой ему удавалось убедить тыловых начальников в необходимости вести моральное воспитание в указанном им смысле. Непосредственное же влияние его на абсолютное состояние этого настроения должно было оказывать общее положение на войне, стремление обеспечить в действительности снабжение фронтового солдата продовольствием и прочими предметами первой необходимости. Главным же образом, у фронтового солдата должно было быть сознание, что его служба найдет соответствующую справедливую оценку у высшего начальства, по сравнению с работою прочих участников войны.

В этом отношении командование полевой армией, начиная с Верховного Германского Главнокомандования, до начальников дивизий, развивало весьма полезную деятельность. Тут, невозможно, разумеется перечислить все отдельные пути подхода к сердцу фронтового солдата и об'яснить более или менее целесообразное их применение.

Можно остановиться лишь на тех из них, которые кладутся в основу настоящего труда и которые преимущественно открыты для деятельности Генерального Штаба.

В своей работе, в области удовлетворения всех потребностей войны, Генеральный Штаб имел возможность лишь посильно способствовать улучшению положения фронтового солдата в отношении продовольствия.

Вообще же, положение продовольственного вопроса на родине, почти совершенно блокированной для иностранного ввоза, было, без сомнения, весьма плачевно. Тем более следует оценить то, что было сделано в этой области.

В смысле ограничений—славу тонких знатоков этого дела Германский Генеральный Штаб должен, по справедливости, разделить с начальниками полевых управлений. В своем законном желании видеть справедливое отношение к военно-служащим, сообразно их боевой деятельности и понесенным жертвам, чувство простого солдата было сильно задето в двух основных пунктах: в отношении масштаба, который применялся при пожаловании боевых знаков отличия, и звания „защитника родины":

То и другое касаются сфер, которые, собственно, не входят в круг ведения Генерального Штаба. Однако, в первом случае от него можно было ожидать поддержки.

Что же касается второго вопроса, то в данном случае ему надлежало резко выказать свое отрицательное отношение к постоянным виновникам.

Это именно послужило бы предпосылкой нравственного порядка, которая могла бы повысить уже неоднократно упоминавшееся психологическое чувство в Генеральном Штабе, если бы оно охватывало достаточно широкие круги его.

При раздаче боевых знаков отличия весьма удобно руководствоваться и ограничиваться лишь указаниями законоположений, на основании которых присуждался Железный Крест. На этот знак солдат смотрел, как на исключительно боевое отличие. Даже больше того, он видел в нем знак отличия за храброе поведение перед противником, вопреки фактическим узаконениям, которые рассматривали заслуги на войне в самом широком смысле, в качестве общего основания для награждения. Но армия уже имела свои простые чувства, которые не могли регламентироваться и создаваться точными указаниями различных законоположений.

И чтобы поддержать моральную ценность армии, можно было пожертвовать остальными интересами. Законоположения в отношении награждения Железным Крестом в том виде, в каком они существовали, и при том свободном их толковании, с коим они применялись, оскорбляли чувства строевого бойца. При награждении

иными пестрыми орденами, знаками отличия отдельных союзных государств, подобная забота являлась излишнею.

Коменданты железнодорожных станций и представители тыла, декорированные „иконостасом“ за храбрость и прочие мужские добродетели, не огорчали „окопного человека“. Он добродушно подсмеивался над ними и не завидовал владельцам этих безделушек.

Таким образом для вознаграждения заслуг, оказанных не перед неприятельским фронтом, являлись неограниченные возможности, нисколько не расходившиеся с чувствами фронтового солдата. Но когда он видел,—как высший для него почетный знак „Железный Крест первого класса“ появлялся на груди у чинов в высших штабах, хотя бы они никогда и не были на фронте, или находились там разве лишь в период затишья, и становился каким то корпоративным значком, когда коменданты различных главных квартир, этапные офицеры разнообразных степеней, высокопоставленные лица и т. д., носили драгоценность, которая для него была недоступной и после полдюжины, сопряженных с жертвами больших боев, у него, естественно, разливалась желчь. И вполне справедливо.

Ошибки крылись здесь не только в законоположениях относительно награждения этим знаком отличия, сколько, зачастую, во взглядах лиц, на это уполномоченных.

Находились начальники-автократы, которые раздавали Железный Крест как знак личного благоволения, не сознавая того, что в этом вопросе они были лишь уполномоченными высшего военначальника и что подобный образ действий ущерблял его авторитет.

Всем подобным начальникам помогали, в свою очередь, и офицеры Генерального Штаба.

От их проникновения в психологические особенности человеческой души можно было ожидать, что они поймут громадный вред такого отношения к данному вопросу для настроения войска и поэтому постараются употребить все свое, поистине не совсем незначительное во время войны, влияние на то, чтобы устранить такой порядок вещей. Это часто и бывало, но еще чаще вовсе не имело места.

В виду важности вопроса, Начальник Генерального Штаба с самого начала войны должен был бы урегулировать общий темп награждения почетным отличием. Без сомнения, перед ним было бесконечно много более важного, но ведь он все-таки оставался душою всего дела.

Если вспомнить, что в 1870 г. Мольтке получил Железный Крест первого класса только после боя под Седаном, то раздача Железного Креста в Мировую войну 1914—1918 г.г. протекала процессом скоротечной чахотки.

Что же касается лиц, освобожденных от службы на фронте по каким нибудь причинам как не способных носить оружие, то в этом отношении чувствам фронтового солдата был нанесен еще более сильный удар.

Вопрос о „забронированных“ представляет невеселую главу в истории войны. Он без сомнения был тесно связан, главным образом, с кругом деятельности гражданских чиновников и местного военного начальства. Его обострили при выработке закона о вспомогательной

службе Рейхстаг совершенно извратил идею законопроекта, причем принцип всеобщей воинской повинности, с оружием ли, на фронте, или в работах на оборону в области промышленности, от него окончательно отпал. Результатом этого у строевого солдата явилось острое раздражение. Генеральный Штаб искренно старался устранить такое явление и отнюдь не заблуждался относительно его вредного влияния.

Генерал Людендорф в своем сочинении дает взглядам, существовавшим на этот счет, красноречивое выражение.

Таким образом, если Генеральный Штаб не мог помешать искажению закона, было бы разумно, с психологической точки зрения, как нибудь выяснить фронту, что сам то он лично самым решительным и бесповоротным образом отклоняет свое духовное родство с этим подкидышем, хотя бы подобное выступление было сопряжено с опасностью внести некоторое нежелательное разногласие между высшим командованием и правительством. Взамен этого генеральный путь приобрел бы несравненно больший удельный вес, стяжав славу защитника интересов армии, хотя бы защита и не имела успеха. Доверие солдата к своим вождям, благодаря этому, неизмеримо возвысилось бы.

Наряду с общим настроением полевой армии дисциплина являлась другим устоем ее моральной ценности.

Германская армия мирного времени славилась своей превосходнейшей дисциплиной. У наших противников в этом направлении господствовали менее строгие требования. На войне поддержание дисциплины у нас, с одной стороны, и, с другой, у наших противников направлялось к противоположным полосам. В то время, как у неприятеля она блюлась строже, у нас она явно падала. Из драконовских наказаний, предусмотренных германскими военными законами, лишь немногие находили себе применение уже в течение второго года войны. Снисходительность усиливалась в той же мере, в какой пониженные качества новых комплектований требовали усиления строгости. Такое послабление оказало свое опасное влияние. Взыскание за проступки стало спасением для фронтового труса. Дезертирство нашло себе еще один путь. Статистика дисциплинарных поступков указывает, что в день рождения императора и в другие дни, связанные с общей амнистией, число таковых увеличивалось настолько, что наводило на размышления.

Тяжелый вред, причиненный этой слабостью прежде всего организму армии, а затем и настроению лучших элементов ее, достаточно известен. Вопросы военного права также составляли одну из тех областей, которые были изъяты из непосредственного ведения Генерального Штаба. Они входили в круг военного министерства. Когда ф. Штейн говорит: „давно известно явление, что мятеж всегда является результатом снисходительности в применении наказаний. Лишь самая суровая рука карающей власти, со времен римских консулов до маршала Фоша, является средством, наиболее действительным против них", то этими словами он выражает мнение высшего командования. Фактические же шаги Военного Министерства в этой области никоим образом не удовлетворяли высшее командование. В какой мере некоронованные короли Рейхстага и в этом вопросе посеяли зерно

разложения, мы здесь не будем рассматривать. Не выходя из установленных рамок предлагаемого труда, достаточно установить, что Генеральный Штаб в данном жизненном вопросе сделал все, чтобы его урегулировать, но безуспешно.

Рассмотрев деятельность Генерального Штаба в направлении утверждения моральной ценности полевой армии, обратимся к главнейшей его задаче, имевшей целью создание и усовершенствование тактических достоинств армии.

Наряду с обеспечением укомплектованиями, что являлось обязанностью Военного Министерства, основная задача Генерального Штаба была выполнена, как уже упомянуто, прежде всего соответствующим развитием тактических приемов и способов ведения боя. В этом вопросе мы вновь входим в круг непосредственного ведения Генерального Штаба.

Главнейшим, в тактическом и в других военных отношениях, в течение всей войны оставался Западный театр войны. Здесь общее положение принуждало германскую армию пребывать в течение 1915—1917 г. г. в состоянии обороны. Естественно поэтому, что эти годы германская армия совершенствовалась лишь в развитии тактики обороны.

Первое боевое испытание той германской оборонительной тактики, с которою Германия вступила в войну, произошло в 1915 году. Французские весенние наступления 1915 года, известные под именем „Зимний бой в Шампани" и „Майское наступление у Арраса", застали наши войска на позициях, построенных и оборудованных согласно существовавших в этом отношении перед войною взглядов. Фортификационной основой обороны служил один сплошной окоп, который являлся боевым укрытием и вместе с тем помещением для жилья, стесняя всю массу пехоты на узком пространстве. Линейное расположение обуславливалось преимущественно требованием хорошего обстрела. Закрытия от неприятельского огня расчитывались, вообще, в зависимости от ожидаемой в полевой войне его силы.

Боевые задачи, ставившиеся войскам, сводились лишь к безусловной стойкости—до последнего человека, до последнего патрона, цепляясь за окоп, в отчаянной борьбе за каждую ничтожную его пядь.

При обсуждении поставленной задачи или в случае утраты отдельных участков позиции, руководствовались не их тактическим значением или обороноспособностью, а исключительно моральной точкой зрения на то, что военная честь войсковой части не позволяет уступить противнику ни одного фута вверенного ему пространства.

Войска, обученные вести бой по этим правилам, во время упомянутых выше весенних наступлений 1915 г., впервые попали под сосредоточенное действие превосходящего артиллерийского огня, невиданной еще до сих пор силы и породившего новое понятие об „ураганном огне". Ограниченность цели одним единственным окопом облегчала неприятелю ведение борьбы. И результаты получились соответствующие. Мужественная германская пехота, пробывшая в своем окопе до печального конца, в течение артиллерийской подготовки была почти совершенно уничтожена.

Французская пехота после бесплодного наступления в Шампани, проникла у Арраса на восемь километров по фронту и до трех километров в глубину. Неприятельское командование получило свободный путь к развитию операции, так как многочисленные германские резервы не оказались на месте. Сгруппированные в первом окопе позиционные войска после прорыва совершенно исчезли с лица земли. Неспособность неприятельского командования использовать тактический успех обнаружилась здесь впервые, идя затем под уклон в последующие три года.

Несмотря на то, что неприятельский успех не имел стратегических последствий, этот факт сам по себе служил для германского высшего командования серьезнейшим указанием на необходимость проверки своих методов ведения боя. Возникало требование защитить пехоту от неприятельского артиллерийского огня.

С одной стороны, это было достигнуто сооружением усиленных бетонированных закрытий и применением минных колодцев, а с другой, распылением неприятельского артиллерийского огня. Путь в этом направлении показало германское крепостное строительство, переходом от отдельных верков к групповым укреплениям. С этой целью, позади уже имевшегося окопа, располагался второй. Для своих,— этот второй окоп тактически являлся только „жилым" окопом, „боевым" же, как и прежде, оставался первый. В нем войска должны были вести бой.

Таким образом, помощь пока пришла лишь по техническо-строительному, но не по тактическому пути.

Метод ведения боя, как такового,—бой только в одном окопе, упорное отстаивание каждого, даже незначительного участка окопа, не вызванное какими нибудь особыми тактическими обстоятельствами, все это осталось неприкосновенным. При консерватизме германской армии нечего было и удивляться переоценке морального фактора.

Осенние наступления Антанты германская армия встретила на позициях, предоставлявших пехоте именно такого рода усиленные укрытия. В Шампани, маршал Жоффр готовился к решительному удару; у Арраса впервые выступила на сцену армия лорда Китченера.

Противники подняли свою артиллерийскую подготовку, по сравнению с весенними атаками, не настолько высоко, насколько германские позиции выиграли в силе сопротивления, благодаря их техническому совершенствованию.

У англичан это проистекало, преимущественно, вследствии слабого развития военной промышленности, с чем до сих пор тщетно боролся маршал Френч.

В отношении тактики пехоты, их атакующие войска были сконцентрированы на узком фронте (около 25 километров), в форме глубоких ударных масс.

Вредные последствия сказались тотчас же. В лабиринте окопов и заграждений наполеоновская ударная колонна потеряла гибкость; довольно скоро прошла лишь разреженная линия.

Таким образом результат наступления Антанты осенью 1915 г. свелся к нулю. Германское высшее командование приняло это за доказательство того, что его способы ведения боя, с которым оно

вступило в войну, сами по себе были правильны и лишь требовали соответствующих позиционно-технических условий, чтобы исключить возможность обратных ударов, как это было весной.

Осталось невыясненным, следовало ли приписать отражение неприятельского наступления исключительно ошибкам атакующего. Между тем отход Жоффра и Френча должны были бы на это намекнуть.

В 1916 году Западная германская армия выступила первоначально в роли атакующего. Ее тактика, кроме усиления артиллерийской подготовки, что, впрочем, обусловливалось здесь тем, что у Вердена происходило наступление на крепость, мало отличалась от тактики 1914 г., почему и требовала дальнейшего обсуждения.

1-го июля того же года, бои на Сомме снова вернули германскую армию к роли обороняющегося. Тактика Антанты, примененная ею в Соммском бою, возвращается уже к тактике первых позиционных боев войск Антанты на Эне в октябре 1914 года.

Маршал Френч сам описывает, как, наблюдая однажды неудачную французскую атаку на высоту у Нуврона, он впервые вынес впечатление, что в будущих боях решительное значение будет принадлежать технике, машине, ибо война на Западе, как наступление на западный фронт крепости „Германия", переносит особенности позиционной войны из области стратегии также и на тактику.

После неудач кратковременного опыта 1915 г. в рамках крепостной войны, это понятие стало правилом. Западные державы несравненно скорее и охотнее применились к требованиям техники, чем германская армия при своем консерватизме. Отныне они неуклонно и систематически шли по пути широкой замены людей сталью и железом. Средствами техники, они хотели, при тщательном сбережении сил собственных людей, раздавить германский фронт, чтобы потом еще свежую пехоту пустить по пути к победе, который ей расчистят технические средства борьбы.

Такое заключение явилось тактически правильным следствием знания особенностей новейшего позиционного боя и руководящей роли техники.

Но в области стратегии не было принято во внимание того, что разгром обороняющегося происходит тем скорее, чем больше фронт, на котором совершается разрущительная работа.

Этого взгляда и придерживался маршал Фош для 1918 г. После неудач непродолжительного опыта, Антанта перешла к правильной осаде, и наступление встретило пред собою противника, который вначале никоим образом не находился на высоте такого именно способа борьбы. Опираясь на свой, приобретенный при обороне Вердена, опыт, утверждавший силу полевых укреплений новейшей постройки, западные державы установили правило—производить систематическую артиллерийскую подготовку, обстреливая каждый квадратный метр неприятельской позиции.

Чрезвычайное превосходство воздушных сил позволяло им доводить действие увеличенной в несколько раз наступательной артиллерии до наивысшей силы. Пехота, снабженная многочисленными пулеметами, продвигалась вперед скачками, под прикрытием огня артиллерии. Первые танки были их таранами.

Таким образом, Соммский бой явился первым „материальным боем". Правильность изложенных выше основ подтвердилась тактическим успехом. На фронте в 30 километров атакующему удалось прорваться на глубину до 12 километров.

Причина, почему тактический успех не повлек за собою стратегического прорыва, заключается в исконной ошибке неприятельской артиллерии. Тем не менее, однако, Верховное Германское Главнокомандование не могло уже дольше не признавать того, что его метод ведения боя устарел, по сравнению с достижениями техники новейшего времени. Подобное сознание могло бы созреть уже весной 1915 г. у Арраса.

В позиционном строительстве, германский консерватизм еще раз нашел средство для продления существования милых сердцу пережитков. Но это было лишь кратковременною отсрочкою. В боях на Сомме столь долго непризнаваемая техника окончательно победила консерватизм. Для германской армии было счастьем, что в это критически-трудное время организаторский гений генерала Людендорфа заставил германское верховное командование проникнуться духом прогресса. Несовременность существовавшей до сих пор тактики лучше всего характеризуется следующими словами того же Людендорфа: „Передовые окопы были тогда еще густо заняты. Убежища и блиндажи заполнялись под неприятельским артиллерийским огнем. Неприятель, наступавший под прикрытием ураганного огня, проникал в окопы или в селения быстрее, чем гарнизон успевал вылезти из своих подземных нор. Глубокие укрытия и блиндажи часто превращались в роковые ловушки".

Пехота была слишком стеснена и дралась упорно, стойко цепляясь за территорию; отсюда большие потери. Расход физических и духовных сил был невообразимый; часто дивизии могли держаться на позиции лишь несколько дней. Кроме того, германские войска страдали еще от подавляющего недостатка всяких технических средств. В то время, как противники с успехом пользовались для сбережения людей всякого рода машинами, германская оборона держалась почти исключительно на живой силе.

Устранение этого последнего дефекта было задачей тыловых организаций. Всё то, что создавали в этой области плодотворные замыслы нового главы германского высшего командования в соединении с производительностью отечественной промышленности, достаточно известно под именем „программы Гинденбурга".

Устранение несоответствий в тактическом отношении стало исключительной задачей Генерального Штаба. Прежде всего нужно было раз навсегда покончить с существовавшими до сих пор взглядами. Надо было считаться с необходимостью сбережения человеческого материала; для этого приходилось уклоняться, если удержание позиции под неприятельским огнем сопровождалось слишком большими потерями.

Само собою разумеется, что такое уклонение могло быть только временным и должно было продолжаться лишь до тех пор, пока действовал слишком сильный неприятельский огонь. В крайнем случае, это могло продолжаться до начала пехотной атаки. Последующий

затем бой обороняющийся должен был вновь вести на прежней позиции. Вместо боя в первом окопе наступал бой за первый окоп. С психологической точки зрения, нужно отметить, что подобная тактика возвращения добровольно отданной территории предполагает на стороне пехоты высокий дух. В то время он еще имелся в необходимой степени; позднее, когда подвижность обороны влекла за собою еще большее уклонение в глубину, а дух войск понизился, формальное право—не принимать боя, дало нежелательные результаты.

Тем не менее приходилось брать во внимание возможность прорыва, основанного на моще технических вспомогательных средств.

Предупредить его можно было лишь при условии, что оборона обладала соответствующей глубиной и не только исключительно в смысле подвижности своего управления, но и во всем своем построении. Чем глубже проникал неприятельский клин, тем сильнее и энергичнее должно было быть сопротивление, на которое ему предстояло наткнуться. Таким образом оборона должна была получить расчление в глубину, постепенно уплотняющееся в направлении тыла.

Новая тактика группировки сил, выраженная графически, представляла поэтому полную противоположность существовавшему до сих пор правилу, по которому вся масса пехоты теснилась в передовых окопах. Вместо линии обороны появилась полоса обороны. И на ней должна была вестись борьба, руководимая той идеей, что главная тяжесть потерь людьми должна быть предоставлена атакующему.

Прежний боевой порядок. Новая группировка.

Передовая боевая линия перед наступлением неприятеля.

Безусловное обладание территорией не вводилось в абсолютное требование. Удерживание территории оправдывалось только в том случае, если бы переход ее в неприятельские руки на продолжительное время принес германской армии больше вреда, как, например, при захвате командующих наблюдательных пунктов,—чем в том случае, если бы противник мог его причинить при захвате, а обороняющийся—при отстаивании данной местности.

Разумеется, это правило имело лишь общее значение. В каждом же отдельном случае решение зависело от командования. Важен был, однако, отказ от правила безусловно отстаивать позицию, как того требовала старая школа, по причинам морального свойства. Далее, нужно было стремиться к сбережению собственных и, обратно, к сокрушению неприятельских сил путем применения в большом масштабе машинного оружия. Таковым перед началом неприятельского наступления являлась артиллерийская машина, артиллерийское орудие, главный фактор обороны, который в наступательном огневом состязании устремлялся на людской материал атакующего, пока собственно и его машины находились в действии. Образовалось понятие „уничтожающего огня“. С началом пехотной атаки, главная роль в обороне, все

еще связанной с артиллерией, переходила к пехотному машинному оружию, пулемету. Расположенные в глубину в шахматном порядке пулеметные гнезда старательно укрывались на позиции. Из всевозможных углов и закоулков местности должен был изливаться на неприятельский прорыв свинцовый дождь и ослаблять его. Окончательное решение, по неизмененному закону, все таки зависело от человека. По ослаблении атаки орудиями обороняющегося пехота контр-ударом отбрасывала атакующего. Машина могла только задерживать и устанавливать пределы; отнимать мог только человек. Новые взгляды наложили свой отпечаток и на вопросе о сооружении позиций. Головокружительная скорострельность пулемета отодвинула назад требование глубокого обстрела; его достаточно было иметь на протяжении нескольких десятков шагов.

Благодаря этому, расположение окопов на переднем скате возвышенностей, для получения возможно более широкого кругозора, сделалось излишним. Такое расположение страдает вообще крупными недостатками, ибо кто хочет видеть,—тот сам себя обнаруживает, следовательно, позиции на передних скатах открыты для наблюдения неприятельской артиллерии и потому обречены на разгром. Подобный недостаток слишком говорил за себя, чтобы не применять расположения позиций на задних скатах. Раз, на основе подобной точки зрения, были выработаны тактические положения для боевой деятельности войск, то приходилось снабдить местное командование руководящими указаниями. Наставление для ведения обороны, основываясь на опытах на Сомме, предвидело возможность, при большом наступлении, занятия неприятельской первой линии фронта. В то время, как неприятель проходит сквозь первую линию позиции, естественно, он должен быть ослаблен потерями и неизбежными трениями и к тому же находится под давлением обстановки; наставление требовало встречать неприятеля контр-ударом свежих войск, чтобы отбросить его на прежнее место.

Эти войска, или „ударная дивизия“, должны были быть для этого своевременно подготовлены. Но именно в „своевременности“ и заключалась вся трудность. Прежде всего весьма спорным являлся вопрос, как далеко можно было пустить атакующего и до каких пор ожидать расстройство его рядов, чтобы встретить контрударом. Одни требовали возможно немедленных действий, пока неприятель еще не выпутался из лабиринта окопов и заграждений позиций. Другие, напротив, предлагали пресловутую „контр-атаку из глубины“ которая издалека должна была ударить во фланг прорыва и с тыла. Правильность последнего предположения заключалась в том, что контр-атака, веденная во фланг, является наиболее действительной, но место, откуда должно было начинаться такое фланкирование, находилось уж слишком далеко позади. Контр-удар должен был начинаться в такой близости к очагу боя, чтобы, разразившись в собственной схватке, он мог зацепиться за первую линию позиции и таким образом сразу поставить неприятеля в стесненное, во всех отношениях, положение. Начинаясь от дальней, позади лежащей базы, он должен опоздать, как это и доказал августовский бой 1917 года под Верденом.

Своевременно обнаруженные и обстрелянные, уже в течение своего предварительного передвижения, „ударные дивизии“ наткнулись здесь на противника, который после первого натиска имел достаточно времени, чтобы оправиться и привести себя в порядок, и который поэтому, расположившись глубоким оборонительным порядком с пулеметами и подтянутыми батареями, ожидал контр-атаки.

Контр-атака, являясь в сущности звеном текущих боевых действий, могла быть подготовлена и сопровождаема только коротким огневым ударом. Для расстройства обороняющегося, развернувшегося для защиты, она редко являлась достаточною.

Таким образом „ударные дивизии“, выведенные из глубины для контр-атаки, сознательно или в силу независящих от них обстоятельств, большей частью с большими потерями, оставались на высоте отброшенных назад остатков передовых защитников.

Наставление для ведения обороны в таких вопросах действительно предоставляло местному командованию обширную свободу действий. Новый метод оборонительного боя, после необходимого его применения при английском и весеннем наступлении 1917 г. у Арраса, блестяще оправдал себя в оборонительном бою в Шампани, в апреле 1917 г. Оборона при помощи машинного оружия разстреляла атакующие массы настолько основательно, что это повело за собою крах, не только самой атаки, но и падение ее руководителя Нивелля, „кровопийцы“ („buveur de sang“), как прозвали его французы.

В следующих больших боях противник уже применился, со своей стороны, к новому способу обороны. Контр-атаки резервов, от резервной, до ударной дивизий, веденные с постоянно возраставшим искусством, не допускали прорыва „с налета“. Атакующему приходилось стремиться к тому, чтобы не позже того, когда ожидались наиболее жестокие контр-атаки, т. е. после прорыва через первую позицию, вновь перейти на роль готового к обороне позиционного бойца. Таким образом, его атаки должны были совершаться в виде коротких прыжков. Эти соображения именно и привели к возникновению наступлений „с ограниченною целью“. О такие наступления снова разбивались контр-атаки наших ударных дивизий, как то показал вышеупомянутый пример Вердена в 1917 г. и вторая половина фландрского боя в 1917 г.

Английская тактика в боях во Фландрии вновь несколько изменила германский способ обороны. Мысль отказаться от окопов, обороняя площади, в ее чистейшей форме, возникла во Фландрии. Здесь, жестокая действительность указала, во первых, что хотя от разорвавшихся снарядов на лишенном окопов, покрытом воронками поле защитнику жить до крайности было неудобно, зато в той же мере он подвергался сосредоточенному обстрелу. Для атакующей артиллерии пехота оказывалась как бы проглоченною полем воронок. С высоты птичьего полета видна была лишь зерновидная, будто покрытая песком земная поверхность, с которой как бы выскоблены были все выступающие предметы, поселки, леса, дворы и т. д. Где кончилась позиции и начиналось расположение,—решить было трудно. И уже совершенно невозможно было установить, если бы даже, к счастью, и удалось найти эту разграничительную линию, где неприятель засел

густо, а где редко. Вследствии этого значительно ослаблялась планомерность обстрела. И так как на воронкообразном поле не было никаких укрытий, около которых могли группироваться роты, то расчленение в глубину осуществлялось само собой.

Тут впервые возникло то, что впоследствии называли „предпольем“ и что составляло ближайший к неприятелю участок поля, кое-где занятый группами пулеметов. Эта часть позиции должна была поглощать энергию неприятельского наступления, почему первоначально гарнизон и называл ее во Фландрии „губкой“.

В следующей полосе скрывались резервы для контр-атаки. Они должны были бить во фланг наступлению, расстроенному невидимым в предполье противником, используя свободные промежутки, образовавшиеся вследствии искажения фронта. Применение „ударных дивизий“ было оставлено. Вместо этого гарнизон позиции эшелонировался расположением дивизий второй линии, боевыми группами позади собственно „позиционных“ дивизий.

Все, созданное во Фландрии инстинктом войск, с установлением различия между „предпольем“ и главной линией сопротивления было введено в систему особым наставлением. Те позиции, которые вследствии особо неблагоприятных условий вообще негодились для продолжительной обороны, считались „зонами предполья“, т. е. участками, которые в спокойное время защищались только от поисков разведчиков, но при большом наступлении должны были оставляться. Сопротивление полагалось оказывать лишь на позади лежащей „зоне главного боя“, которая первоначально была второй линией позиций. В отдельных случаях, как, например, на позиции „Мертвый Человек“ (Toter mann) и на высоте 304 северо-западнее Вердена этот способ годился, но был не всегда удобен, вскрывая слишком большие практические затруднения. Прежде всего, легко было сказать, но бесконечно труднее решить, происходят ли еще поиски разведчиков, или же началась общая атака против этого предполья и, следовательно, нужно ли еще продолжать и удерживать их, или необходимо добровольно отдать. В обоих случаях, как это было в особенности при ноябрьских атаках англичан у Камбре, происходил сильный, но короткий огневой удар. Тот злополучный капитан, перед которым, как командиром баталиона предполья, стояло это трудное решение (ибо получить таковое от бригады или дивизии вряд ли было бы время) в подобном случае поступил бы, наверное, наоборот. Поэтому, чтобы устранить возможность легкого оставления позиции в случае таких неприятельских предприятий, которые ошибочно принимались за главную атаку, верховное командование приказало, чтобы все сказанное относилось только к командованию, зона же главного боя для частей будет там, где они непосредственно находятся.

Это было правильно, но делало всю систему призрачною, ибо у инстанции, компетенции которой принадлежало право решения, т. е. обычно у командования армией,—создавалось в потребном случае определенное решение и пока воспринималось на пути к фронту, там либо уже было покончено с предприятием разведочных отрядов, либо общее наступление перекидывались через слабо занятую первую линию позиции (для командования „зону предполья“).

Были изобретены самые замысловатые системы правильного, а, главное, быстрого решения этого трудного вопроса при отсутствии подготовки неприятеля к наступлению, как это было у Камбре, и для возможности равным образом быстрого очищения, без подготовки, передовой полосы.

Хорошо, что не пришлось их испытывать на практике, так как для Германии конец войны прошел в наступлениях и отступлениях с маневрированием.

Итак, германской тактике, наконец, снова пришлось вернуться к идее наступления. Зимой 1917—1918 г. г. командование, обратившееся в одностороннего специалиста по обороне, и, с другой стороны, войска пришлось настраивать на наступательный метод.

Пехота вынуждена была порвать со взглядами, служившими раньше основою ее действий. Техника постепенно вырывала источники огня из рук отдельных стрелков и передавала их машине. Главным фактором обороны сделался пулемет. Достичь огневого превосходства над ним в стрелковом бою, согласно прежнего наставления, пехота не была больше в состоянии. Дальний огневой бой перешел, в большей или меньшей степени, от отдельных пехотинцев к вспомогательному оружию. Сам пехотинец сделался бойцом ближнего боя, по своим силам он был способен к борьбе лишь против людей. Машинам он мог противопоставить, главным образом, лищь геройскую стойкость. Говоря словами старого устава, „путь к победе“ должна была ему пробить сначала артиллерийская подготовка. Против прежнего, она чрезвычайно возросла по силе и в густоте, как об этом говорится ниже.

Все таки было установлено, что огневая подготовка, которая не растягивается на недели, что запрещало требование внезапности, не может прекратить всякую жизнь у обороняющегося. Было оставлено несколько отдельных пулеметов, о сгущенный огонь которых должна была разбиваться пехотная атака, или, по меньшей мере, нести большие жертвы. Этому учили наступления противника.

Таким образом, артиллерийский огонь должен был, до тех пор, пока он был связан с безопасностью своей пехоты, держать обороняющего в закрытии. Отсюда возник употребляемый противником с 1916 года „огневой вал“ в понятии сопроводительного огня пехотной атакн. Но даже и при „прочесывании“ этой волной неприятельских позиций, все же могли остаться нетронутыми некоторые опорные пункты, пулеметные окопы или выдвинутые вперед орудия.

Панацея тактикн мирного времени, „Furor teutonicus“, утратила свой кредит. Атакующий стрелок лежал против опорных пунктов почти беспомощным. Чтобы разделаться с ними, пришлось придавать батареи сопровождения. Еще удобнее были легкие минометы и тяжелые баталионные пулеметы. Их огонь должен был с близких дистанций погаеить хрупкую жизнь оборонительных центров. С ручными гранатами стрелок и сам мог оказывать содействие атаке. Только после этого, как все эти виды оружия, во всем своем разнообразии и дополняя друг друга, сметали на пути очаги уничтожающего огня, боец ближнего боя получал возможность занять очищенную местность.

К требованиям современного боя, развиваемого помощью машин, должна была применяться и тактическая форма пехотного столкно-

вения. Люди уже не могли более оказывать сопротивление чисто оборонительного характера. Удар густой стрелковой цепи при атаке холодным оружием становился, следовательно, уже ненужным. Так исчезла эта форма наступления. Остались лишь редкие стрелковые цепи, представляющие, по возможности, слабую цель, да и они позднее разбились на отдельные группы. Возможность со стороны обороняющегося оказать значительное сопротивление людьми могла иметь, преимущественно, место лишь в наступательной форме обороны, т. е. в контр-ударах. Она временно ставила самого атакующего в роль обороняющегося, которому приходилось удерживать свои приобретения. Такая задача требовала, следовательно, от наступавших бойцов ближнего боя—способности к сильному развитию своего огня. Поэтому им приходилось иметь при себе главный фактор обороны. Таким образом, передовые части уже снабжались легкими пулеметами. Соответственно необходимости быть готовым к отражению во всякое время контр-удара или контр атаки, наступление должно было продвигаться вперед, в виде подвижного оборонительного порядка, сохраняя все свое глубокое расчленение. Это представлялось возможным, вместе с отказом от требования, сообщать наступающей пехоте еще и энергию живой силы. Двигавшиеся вперед внутри такого, отнюдь не устойчивого, а подвижного глубоко расчлененного порядка, сопроводительные батареи, минометы, взводы тяжелых пулеметов имели, естественно, целью сгущение оборонительного огня передних волн в тот момент, когда обозначался контр-удар.

Свою подготовительную задачу артиллерия должна была решить с сохранением внезапности. Поэтому она не должна была ни обнаруживать своих наступательных намерений устройством позиций, пристрелкой, ни давать противнику времени для принятия мер против чрезмерного продолжительного огня. Первое—требовало возможно более позднего расположения на позиции и полного отказа от всяких земляных работ. Неизбежными оставались лишь укрытия от воздушного наблюдения. Затем, особые подготовительные работы по определению данных стрельбы должны были заменить пристрелку.

Наряду с совершенно надежным картографическим материалом, это требовало производства известных вычислений для определения того угла возвышения, который давал бы желаемую дальность; принимались во внимание переменные баллистические факторы, как то плотность воздуха (температура, влажность, высота над уровнем моря), воздушные течения, а также постоянные источники ошибок в отдельных орудиях, например: величина зарядной камеры, изнашивание ствола, ошибка в угле возвышения вследствии подпрыгивания лафета при выстреле, т. е. угол вылета и т. д.

Прежде всего эти научные методы встретили, как и следовало ожидать, сопротивление со стороны враждебно настроенных ко всякой технике и цепко державшихся за старину матерых полевых артиллеристов. Затем неступила трудная работа—быстро сделать новый метод общим достоянием войск. Второе требование,—сводившееся к ограничению вренени подготовки штурма неприятельских позиций, указывало на то, что приведение к молчанию артиллерии обороны было невозможно и что достаточно было ослабить лишь ее действие

на ближайщие часы. Поражение на значительном пространстве помощью газов казалось делом, наиболее подходящим. Вследствии этого атака оказалась, вообще, в неприятной зависимости от погоды; последняя не всегда благоприятствовала действиям.

Разумеется, те части позиции, по которым приходилось сначала идти собственной пехоте (пехотные позиции) нельзя было отравлять газами, а нужно было их закидывать бризантными снарядами так, чтобы в момент штурма они не в состоянии были оказать сопротивление.

Принимая во внимание незначительное количество времени, имевшегося в распоряжении, все это требовало значительно превосходящей по численности наступательной артиллерии. В этом отношении шли настолько далеко, насколько вообще местность допускала возможность расположения артиллерии. Плотность артиллерии достигла 40 батарей на погонном километре фронте атаки.

С началом наступления пехоты только часть, так называемых, „ака-батарей" („Artillerie kampfbatterien") батарей артиллерийской борьбы продолжали действовать против неприятелькой артиллерии; „ика-батареи" (Infanteriebekämffbatterien) батареи уничтожения пехоты и часть „фака-батарей" (Fernkampfbatterien) батареи дальней борьбы сосредоточивали свой огонь по передовой неприятельской линии ввиде огневой завесы. Трудно было установить взаимодействие между огневой завесой и пехотной атакой. По тактическим соображениям сама по себе атака должна была подвигаться вперед насколько возможно быстро. Огневая завеса не должна была, следовательно, задерживать пехоты, но, с другой стороны—она не должна была от нее и удаляться. Иначе пехота натолкнулась бы на оправившегося, готового к защите противника и остановилась бы.

Таким образом, учет времени принадлежал пехоте и зависел от условий проходимости местности, изрытой воронками, окопами, проволочными заграждениями, от сопротивления противника, и т. д.

Многочисленные попытки поставить артиллерию в известность относительно продвижения пехоты путем наблюдения, или при помощи сигналов, доказали несостоятельность этих вспомогательных средств.

Приходилось, следовательно, разворачивать огневую завесу, как часовую пружину; решились при установлении ее темпа допустить наименьшее зло, т. е. пойти на крайнюю медленность. В час она должна была проходить от одного до двух километров. С увеличением глубины захваченной территории, огневая завеса редела, вследствии выключения более мелких калибров. Наконец, она совершенно исчезала. К этому моменту должны уже были быть готовы сильные артиллерийские части с большим запасом патронов, чтобы, состоя в подчинении у дивизий, действовать совместно с пехотой по правилам чисто маневренной войны. Все это должно было быть предварительно подготовлено. Переход изрытой воронками позиционной полосы требовал обширной работы.

Специальное обучение летчиков в боевых отрядах и бомбометных эскадрильях, наряду со службой разведывания и корректирования приобрело усиленное значение.

Подобный способ ведения боя представлял логическое следствие опытов „материального" боя. В основе было стремление сохранить

собственную живую силу т. е. пехоту, от действия неприятельских машин, вместе с тем при помощи технических средств или тех же машин облегчить ее кровавый путь.

К сожалению, почти ничем не могла быть заменена одна из удачнейших неприятельских боевых машин—танк. Об этом говорится подробнее в другом месте. Основная оперативная мысль ярко выражалась в требовании, во имя решения операции в первые часы и дни, произвести смелый и сильный прорыв.

Этим тактическим уровнем охватывается боевая деятельность Германского Генерального Штаба в области создания боеспособной армии. Он является последним мазком в общей картине, обрисовывающей очевидное преимущество германской тактики над неприятельской и все превосходство Германского Генерального Штаба над его противниками после того, как он в огне боев освободился от ложных выводов мирного времени. (Пиерeффе „Три года в Большой Главной квартире“, французское иллюстрированное издание) сам подтверждает это, говоря: „равным образом приходится констатировать, что наши контр-атаки оказались не в состоянии сметать перед собою все, как это удавалось делать атакам противника“.

ГЛАВА 6.

Вопросы вооружения в мирное время.

В период, предшествовавший войне, вооружение пехоты еще не представляло того многообразия, которое оно обнаружило в течение всей войны.

Пехотинец был вооружен только ружьем и штыком (ножом). Это оружие в виде магазинных винтовок у всех великих держав было доведено до наибольшей высоты технического совершенства. Значительное усиление действия отдельного выстрела при тогдашнем состоянии пороходелия оказалось невозможным без особого повышения веса оружия, т. е. при соблюдении удобства вооружения отдельного человека. Иначе, это было бы уже не ружье.

Оставалось, таким образом, только повысить скорострельность. Этой последней нельзя было однако достичь путем существовавших до тех пор способов конструирования. Ее можно было получить только путем перехода к полуавтоматическому или всецело автоматическому оружию.

Здесь, однако, не место разбирать вопрос, насколько опыт войны впоследствии оправдал бы введение автоматического оружия, против чего упорствовали почти все великие державы, из боязни слишком большого расхода боевых припасов. Тактическо-техническая эволюция на войне шла вообще совершенно непредвиденными путями, существенно умалив значение пехотного огня при решении боевых задач.

Понятие об огневом превосходстве в стрелковом бою, как основе атаки, само собою исчезло. Войска ближнего боя, т. е. пехота, только в отдельные моменты боя, за исключением службы в разведке, в сто-

рожевом охранении и проч. нуждалась в собственном огне, в дополнение к огню своих вспомогательных частей.

В остальных случаях путь для нее должен был расчищаться пулеметным и орудийным огнем; он же служил ей и завесою, способствовавшей отражению неприятельских атак. Малокалиберное огнестрельное оружие, как источник огня, решающего бой, перешло от формы, обслуживаемой единолично одним человеком, к форме, обслуживаемой одновременно несколькими людьми.

Вследствии такой эволюции, вопрос о техническом совершенствовании пехотного оружия значительно потерял в своем весе, по сравнению с прежним временем. Вопрос о том, не было ли целесообразнее уклониться от введения автоматического оружия, является академически-спорным, не имеющим значения для фактического его развития, поэтому то ему нет места в рамках этого сочинения. Достаточно сказать, что германская пехота при начале войны обладала оружием, которое отвечало всем тем требованиям, которые пред'являлись к такому именно оружию тогдашними тактическими взглядами. Основной догмат германской пехотной тактики—стремление вперед. наложило на него свой отпечаток, так как в противоположность французам, главное внимание было обращено на хорошее баллистическое действие на близких дистанциях, в условиях отказа от расчетов на меткость при стрельбе на средние и дальние дистанции. И это было совершенно правильно. Пехотный огонь на дистанциях свыше тысячи метров знаменует собою напрасную трату патронов.

Главнейшее и в то же время единственное дополняющее оружие пехоты, пулемет, находилось в первые годы войны еще в стадии опыта. Германские военные круги относились к нему, как к произведению техники, с обычным скептицизмом, несмотря на то, что данные русско-японской войны настойчиво подчеркивали значение этого оружия.

Таким образом, формирование пулеметных частей с самого начала не было поставлено на широкие основания, указываемые технической оценкой опытов войны.

Но и другие великие державы разделяли ту же ошибку, так что собственно для Германии, при начале войны, она не оказала вредных последствий. В чисто техническом отношении нужно было сделать выбор между образцом облегченного пулемета, охлаждаемого воздухом, и тяжелого, охлаждаемого водой.

Германское недоверие к техническим средствам склонялось в пользу более тяжелых конструкций и на этот раз было право в своей осторожности. Германский тяжелый пулемет в течение всей Мировой войны был один из самых надежных. И много успешных отражений атак обязано его надежному действию.

Среди конструктивных данных оружия, вес системы, т. е. ее подвижность, и баллистические качества находятся между собою в обратном соотношении.

Несмотря на свою краткость, формула эта является неизменным законом до тех пор, пока не удастся развести породу лошадей удвоенной силы или сконструировать пригодную для поля механическую тягу. Поэтому военному управлению предстояла задача, взвесить надлежащим образом значение числителя „работа“ и знаменателя „вес“,

чтобы найти наибольшее тактическое значение дроби, соответствующее развитию тактики.

В германской полевой артиллерии довоенного времени конная тяга играла преобладающую роль; войска свыклись с нею. Под'ехав лихим галопом и снявшись с передков, германская полевая артиллерия смело отказывалась от укрытия для того, чтобы своей пехоте проложить путь к победе.

В конце концов время заставило прибегнуть к закрытым артиллерийским позициям вопреки сопротивлению старых полевых артиллеристов, заседавших в разных комиссиях и об'являвших такие позиции, равно, как и щитовое прикрытие, ослаблением морального элемента. Однако, вовсе отказаться от „картинности действия артиллерии" не желали.

Когда дело доходило до принятия решения, тогда исчезали все технические измышления. Это обозначало „вперед на врага, открытая позиция и галоп".

Следовательно, возможность выезда на позиции галопом должна была остаться в полной неприкосновенности. Это ограничение связывало конструктора по рукам и ногам, и для него оно значило: снятое с передков орудие не может весить более тысячи килограммов. Такой предел веса был поставлен в 1873 году после войны 1870 года, когда полевая артиллерия стреляла еще на четыре тысячи шагов и только с открытых позиций, причем командир, с обнаженной шашкой верхом на коне находился между своими орудиями и ими командовал.

Тот же предел веса был оставлен и для компрессорного орудия с оптическим прицелом, снабженным независимой линией прицеливания, орудия, защищенного щитом, стреляющего на дистанцию до девяти тысяч метров.

И это—невзирая на то, что другие великие державы, в том числе и Франция, отказались от галопа после того, как усовершенствование прицельного приспособления дало возможность принять за правило—стрельбу с закрытой позиции, вследствии чего достигли, при посредстве повышения предельного веса системы, увеличения дальности почти на три километра.

Несмотря на то, что в собственной (германской) артиллерии многие из числа компетентных артиллеристов, как, например, генерал Роне указывали на ошибочность подобных конструктивных взглядов, не смотря на то, что Манчжурская и Балканская войны подтвердили их мнения, предельный вес продолжал оставаться прежний.

Только новая конструкция легкой полевой гаубицы 1909 года нарушила священные до сих пор границы. В оружейной технике, германский скептицизм, настроенный против всякой техники, со своим лозунгом „на войне неприменимо", зашел решительно далеко.

Компрессору, орудийным щитам, оптическому прицелу пришлось преодолеть стойкое противодействие. Независимая линия прицеливания, механизм воспламенения и другие детали, которые органически срослись с понятием „скорострельного" орудия, не встретили никакого сочувствия. Конечно, размер имевшихся финансовых средств также создавал немалые затруднения, но тем более армия должна была оказать технике законное содействие.

К сожалению, этого не произошло. Горькая ирония заключается приэтом в самом факте, что ни одна военная держава не только Европы, но даже всего мира, не располагала оружейными заводами со столь широкой производительностью, какие имела Германия в лице Круппа и Эргардта.

Вместе с тем, ни в каком ином государстве мира новейшим произведениям этого рода промышленности не приходилось претерпевать таких превращений, какие совершала над ними в Германии деятельность государственных техников при артиллерийской испытательной комиссии. Так, германская полевая артиллерия должна была выйти на войну с пушкой, которая по действию стояла далеко позади орудий всех противников, но которая зато допускала выезд бешенным галопом на виду у неприятельской артиллерии. Введенная незадолго до войны легкая полевая гаубица 08/09 г. в техническом отношении вовсе не была законным детищем артиллерийской приемной комиссии, к тому же она была слишком тяжела и ее конструкция являлась слишком прогрессивной. Вернее, это был продукт подлинной крупповской работы.

Однако, незначительное количество таких гаубиц не могло компенсировать несовершенство ее многочисленных сестер. Хотя вооружение армии формально входило в обязанность военного министерства, тем не менее Генеральный Штаб был в этом важном вопросе все же ответствен, потому что, хотя бы в определении минимума требуемого действия, он должен был иметь веский голос.

Поэтому в вопросе вооружения перед войной германской полевой ездящей артиллерии, Германский Генеральный Штаб не может быть освобожден от обвинения. Повидимому, и от него укрылось значение больших дальностей, иначе он с'умел бы осуществить перевооружение артиллерии или вообще повлиять тем или иным образом на установление иных конструктивных данных орудия.

Всякие энергичные представления подобного характера до сих пор постоянно проходили в рейхстаге. Очевидно, Генеральный Штаб находился в уверенности, что от хорошо дисциплинированной артиллерии, как и от пехоты, следовало требовать приближения к противнику на дистанции хорошего действия. То обстоятельство, что это должно было в маневренной войне привести к постоянным, болезненно ощущаемым пехотой, перерывам в огневой деятельности, вследствие слишком частых продвижений, а в позиционной, зачастую, вообще к невозможности действительно нащупать неприятельскую артиллерию, повидимо, не было совершенно учтено.

Недостаточно проведенное, при упражнениях мирного времени, „liaison d'armes“ принесло здесь свои плоды.

Дело обстояло значительно лучше в отношении пешей или армейской артиллерии. Главным образом, это следовало приписать тому обстоятельству, что в данном случае господствовала иная оценка техники, чем в полевой артиллерии. Вследствии этого и вышедшие из нее руководители компетентных управлений не чуждались технического прогресса. Материальная часть тяжелой артиллерии была образцовою. Ее большая численность, которая в начале войны давала перевес в решительных боях, была делом рук лично графа Шлиффена.

Достойно внимания в техническом отношении тяготение немцев к навесной стрельбе (тяжелые полевые гаубицы, мортиры), в то время, как во Франции центр тяжести лежал в выработке тяжелых образцов настильного огня.

Развитие вооружения на войне шло преимущественно в направлении последней системы. Повидимому, взгляды немцев в этом случае основывались на тех же данных, как и при конструировании ружья и полевой пушки. Для открытия огня войска должны были подойти на дистанцию хорошего действительного выстрела. В предположении, что это всегда удастся и не повлечет с собой никаких иных невыгод (частая перемена позиций), большая меткость отдельных выстрелов без сомнения должна была дать перевес навесному огню.

Вследствии недостатка в данном вопросе военного опыта и психолог не мог бы ничего сказать по этому поводу. В противном случае значительно повысившееся моральное действие прицельного огня по отношению к навесному, заставило бы оказывать большее предпочтение первому. Так называемые „трещоточные батареи" „Ratsch-ratsh Batterien" французов с их быстрою подачею снарядов были гораздо более страшны и много сильнее изматывали нервную систему войск, чем „незлобивые тележки" навесного огня.

Вообще можно сказать, что, за исключением вооружения полевой артиллерии, германская армия вышла в бой с превосходным пехотным и пулеметным вооружением и выдающейся тяжелой артиллерией; конечно, если рассматривать вопрос в масштабе времени, предшествовавшего началу Мировой войны.

ГЛАВА 7.

Вопросы вооружения на войне.

Как изложено в 6-ой главе, пехотное ружье, в качестве предмета дальнейшей технической разработки, стояло на заднем плане. То обстоятельство, что вместе с тем оно было включено в снаряжение солдата, являлось крупной ошибкой, о которой здесь вообще говорить не приходится. Однако, для техника пехоты представлялись задачи в других областях.

В боях на Сомме многочисленные пулеметы атакующей пехоты развивали такую силу огня при отражении контр-атак обороняющегося, какой она никогда не могла достигнуть с одним ружьем и какую тяжелые пулеметы с их малою подвижностью могли бы представить не во всех боевых положениях. Германская пехота силою обстоятельств, вначале также призванная к обороне, нуждалась именно в таком оружии. Тяжелый пулемет в окопе вблизи противника был слишком неудобен для достаточно быстрого изготовления его к огню при приближении огневой завесы, когда была дорогá каждая секунда, пока еще противник не проник в окоп. Кроме того тяжелый образец требовал, равным образом, слишком сильных фортификационных работ, чтобы найти себе применение в предполье или в передовом окопе.

В легких пулеметах 08/15 и затем 08/18 германская ружейная техника представила образец превосходного оружия. В отношении оружия ближнего боя пехотинца, т. е. ручной гранаты, германская пехота была впереди своих противников; напротив того, после введения ружейной гранаты, она осталась позади.

Наибольшего значения техника оружия достигла в артиллерийской области. Тут, германская полевая артиллерия вскоре получила такие орудия, как полевая пушка 16 г. и легкая полевая гаубица 16 г., которые по действию были одинаковы с неприятельскими, однако еще превосходили их в отношении веса.

Необходимость же орудий для сообщения пехоте устойчивости вызвала изготовление особого пехотного орудия, которое опять таки превзошло в подвижности старую полевую пушку. В тяжелой артиллерии боевой опыт неоднократно указывал на необходимость увеличения дальности. Одновременно с усилением действия настильного огня, путем введения калибров в 10, 13 и 15 см., удалось достигнуть увеличения дальности и в орудиях навесного боя посредством удлинения ствола. Длинная полевая тяжелая гаубица и длинная мортира являются, таким образом, порождением войны. Чисто в техническом отношении, германское оружейное производство, как и в области конструирования наиболее тяжелых орудий прицельной стрельбы на расстояния до 120 километров, должно быть признано выдающимся.

В вопросе производства снарядов оправдалась старая формула, утверждающая, что всякая война ставит гранату неизменно на первый план. Шрапнель постепенно исчезала, частью потому, что позиционная война давала ей мало благодарных целей, частью же вследствие того, что дистанционная стрельба была слишком сложна для большинства молодых батарейных командиров, да и выделка дистанционных трубок в условиях военного времени слишком теряла в точности.

Граната с чрезвычайно чувствительным взрывателем заменила шрапнель при поражении открытых живых целей, не обладая ее недостатками.

В области применения газов германская артиллерия всегда превосходила своего противника в смысле развития этого дела и в отношении действительности газового удара. С технической стороны, она исправила таким образом свои недочеты мирного времени.

Однако, эта импровизация военного времени вызвала крайнюю пестрсту, и вот здесь то и нужно было компетентным военным управлениям, а также Генеральному Штабу, поставить технике известные границы. Когда полевой артиллерии пришлось в конце концов работать с четырьмя типами орудий и, приблизительно, с 30 сортами снарядов, то это представлялось „неприемлемым для войны“, но на этот раз уже в смысле, обратном тому, которому следовала в мирное время артиллерийская испытательная комиссия.

В отношении производства окопных боевых средств германская техника также доросла до неприятельской, если не превзошла ее по качеству выработанных образцов.

Но что касается новейшего технического средства борьбы, танка, или штурмовой повозки, то в этом отношении приходится констатировать

темное пятно в деле вооружения германской армии. Вина, — говорю заранее,—была не на стороне германской промышленности.

Сначала, танк долго рассматривался Верховным Германским Главнокомандованием в качестве технической игрушки или пугала, которое, после разоблачения его морального действия, сделалось бы безопасным чудовищем, с которым крепкий нервами германский солдат с'умел бы расправиться подобно своим предкам—древним германцам, которые на близком расстоянии убивали дрекольями львов, выпущенных на них римлянами. Все успехи этого средства борьбы, прямо таки решающего боевого значения, о котором твердит и друг, и недруг, получили стереотипное об'яснение „страх перед танками" еще летом 1918 г. Это было ни более ни менее, как пагубный рецидив отрицания техники, не изжитого со времени, предшествовавшего войне.

Еще весной 1918 года, когда германские боевые повозки, действительно очень неудачно сконструированные,—были предложены впервые Верховному Германскому Главнокомандованию, последнее пожелало видеть в них скорее бронированные перевозочные средства с боевыми средствами, чем броневую батарею сопровождения или бронированное пулеметное гнездо, как это было у наших противников.

Раз форма боевого порядка, применявшаяся в германской оборонительной тактике 1917 года, показала, что никакое сколько нибудь могущественное артиллерийское средство атакующей пехоты не может смести с дороги каждый неприятельский пулемет, но что, напротив того, при усилении огня этого последнего оружия, пехотная атака должна нести тягчайшие потери и получить затяжной характер, тогда здравая неприятельская техника поняла, что оружие, которое нельзя уничтожить, надо обезвредить иным путем.

И если нельзя было его победить наступлением, то следовало защитить себя от его смертоносного действия оборонительным способом. Если нельзя было уничтожить германский пулемет, то приходилось забронировать передовые атакующие волны от его пуль.

Таким образом, пулемет породил танк. Он сделался настоящим средством атаки. Итак, до тех пор, пока верховное германское главнокомандование не имело в виду, с своей стороны, предпринимать на Западе какое либо наступление, оно еще имело кое какие оправдания, когда обратило большее внимание на способ обороны против танка, чем на самое устройство его. Когда же, в середине 1917 года возросла возможность собственной наступательной операции, то создание группы боевых повозок должно было повестись с наибольшей энергией, тем более, что, как показал ноябрьский бой у Камбре, это средство борьбы почти совершенно избавляет атакующего от необходимости артиллерийской подготовки и, таким образом, дает идеал внезапной атаки.

Противник почти захватил Камбре; это показали бои 18 июля и 8 августа 1918 года. Германское высшее командование упорно продолжало держаться низкого мнения о новом оружии. Иначе, можно было бы создать противовес подобному боевому средству, почти равноценному воздушному оружию, которое также впервые появилось во время войны. Вследствие непризнания за новым оружием надлежащего значения, план снабжения, выработанный верховным германским главно-

командованием, не принял во внимание конструктивной силы, таившейся в германской промышленности.

Вместо того, чтобы привлечь все изобретательные умы соответствующей промышленности, конструирование германской боевой повозки было передано в отделение опытов военных сообщений, следовательно, в руки людей, которые во время своей государственной службы естественно не могли выработать в себе ни того опыта, ни того искусства конструирования, какие имелись у конструктивных бюро больших заводов механической тяги.

Когда же эти заводы, с значительным опозданием, были, наконец привлечены к конструированию, то в образцах „Верхний Шлезвиг“ и „Тиссен“ вскоре появились отличные штурмовые повозки. Уже в 1919 году они могли действовать в поле. Если бы что нибудь подобное случилось годом раньше, то германское наступление на Западе приняло бы другой оборот.

Часто приходится слышать в качестве оправдания, что заводы, изготовлявшие боевые припасы и верфи морского ведомства поглотили всю сталь, и поэтому не хватало материала для постройки штурмовых повозок. Но это заявление лишено всякого основания. Потребность морского ведомства следовало ограничить лишь постройкой подводных лодок. Крупные боевые суда вряд ли были столь важны, как последние.

Из того количества стали, которое еще в 1917 году пошло на постройку судов „Бавария“, „Гинденбург“ и „Макензен“ можно было бы построить сотни боевых повозок. Будто бы непригодный для этого материал получил бы несомненно лучшее применение, вместо того, чтобы при первом же испытании быть интернированным в Скапа Флоу.

Принимая во внимание энергию и организационный талант генерала Людендорфа, умевшего вообще устранять с пути величайшие затруднения, нельзя сомневаться в том, что в штурмовых повозках можно было бы достигнуть большего, если бы верховное германское главнокомандование своевременно убедилось в их значении.

Так как этого не произошло, то животрепещущий вопрос был передан одному из военно-технических управлений, которое создало в свою очень мало полезного. Если сравнить штурмовую повозку германской постройки, так называемую „повозку A. F. V.“, или же беспомощное чудовище „К-повозки“ весом в 150.000 килограмм для бронированной батареи в четыре полевых орудия, с быстрым поворотливым, маленьким Уайпетс у англичан, или крошечным Рено у французов, то приходится задаться вопросом, почему германская армия, несмотря на несравненную германскую промышленность, разрешилась в столь важном вопросе таким пустячком. Единственным об‘яснением этого обстоятельства может послужить лишь то, что не доставало понимания всей значительности нового средства борьбы.

ГЛАВА 8.

Организационные вопросы в мирное время.

Область организации армии настолько многостороння, что цели настоящего сочинения позволяют рассмотреть лишь главнейшие условия, имеющие отношение к военной подготовке.

При этом, преимущественно, затрагиваются вопросы касающиеся в определенном понятии „вооруженного народа", который в случае войны мог быть выставлен в поле Германией, а также организации, на основе которой могло быть обеспечено пополнение подобной миллионной армии людьми и снабжение этой армии всякого рода военными припасами.

Обязанностью Генерального Штаба было, в первом случае, обеспечить возможность развития постоянной армии до штатов военного времени, озаботиться наличием в складах в необходимом количестве оружия, и, как следствие этого, определить наименьшую численность войсковых частей мирного времени и офицерских должностей, войдя по всем этим вопросам с соответствующими представлениями в Рейхстаг.

Затем необходимо было разработать известного рода хозяйственный план применения на войне офицерского корпуса мирного времени, этой составной части армии, пополнение убыли которой не может быть произведено в том же об'еме, как укомплектование солдат.

Во втором случае Генеральный Штаб должен был представить ряд соображений о расходе предметов снабжения и о прочих потребностях армии, ожидаемых на основании последних боевых опытов. Вне вопросов по созданию армии мирного времени, правильная деятельность в остальных направлениях должна была бы покоиться на соображениях о предполагаемой длительности войны.

В этом смысле старейший из обоих творцов нынешнего Генерального Штаба, генерал-фельдмаршал граф Мольтке, 14 мая 1890 года, выразился следующим образом: „Если разрешится эта война, которая вот уже более десяти лет, как Дамоклов меч, висит над нашими головами, то нельзя будет предвидеть ни ее продолжительности, ни ее конца. Она может оказаться семилетней, но также и тридцатилетней".

Его гениальный наследник, генерал-фельдмаршал граф Шлиффен, стал на прямо противоположную точку зрения, говоря: „Долго длящиеся войны в настоящее время, когда существование наций основано на непрерывном прогрессе торговли и промышленности, невозможны; быстрым решением остановленный ход должен быть вновь возобновлен".

Одновременно с этим обоснованием по поводу невероятности продолжительной войны, вытекающим из доводов экономического порядка, выдвигалось еще чисто военное соображение, утверждавшее, что действие современного оружия исключает в дальнейшем возможность таковой войны вследствие быстрого истощения борющихся сил.

Граф Шлиффен все таки не поддался этому ложному заключе-

ния, которое могло получиться только вследствие незнакомства германского офицерского корпуса с техникой: „ежедневные потери в боях в Восточно-азиатскую войну достигали только 2—3% против 40—50% в наполеоновские и фридриховские времена. 14 дней Мукдена стоили русским и японцам меньше, чем короткие часы Марс-ля-Тура германцам и французам".

Таким образом, вероятность продолжительной войны, с чисто военной стороны, граф Шлиффен, как начальник Генерального Штаба, учитывал достаточно солидно. Сильно повысившаяся сопротивляемость и длительность обороны, основанная на усилении действия оружия и на защите полевых укреплений, не осталась для него тайной.

Однако, Восточно-азиатская война рассматривалась в германском Генеральном Штабе, по крайней мере в отношении России—как колониальная война. Поэтому жизненные процессы государства не были связаны с ней столь тесно, как это имело бы место во время войны на метрополии.

Этот взгляд также безусловно правилен. Можно лишь согласиться с тем, что о влиянии европейской войны на участвующие в ней государства нельзя было умозаключать из явлений Восточно-азиатской войны и следовавшей затем балканской. Для того, чтобы в этом отношении составить себе полное представление, нужно было подробно рассмотреть все экономические вопросы при участии дипломатических агентов и специалистов по экономике.

Такое беспристрастное обсуждение очевидно не имело места. В мирное время Генеральный Штаб поддерживал только незначительные прямые сношения с гражданскими управлениями и должностными лицами.

Это и сказалось в данном серьезном вопросе. Возможность продолжительной европейской войны, сама по себе находившаяся в абсолютной связи с чисто военными условиями, начисто отрицалась Начальником Генерального Штаба по причинам экономического характера. Тут должна была проявиться воля творца идеи.

Конечно, германской армии нужно было стремиться к возможно скорому решению оружием, если уже она взялась за меч. Ее превосходство в общей боевой подготовке и внутреннем содержании к началу войны было несомненно выдающимся.

С течением войны расход сил подводил боевую ценность всех ее участников к одному среднему уровню. Перевес должен был перейти на сторону численности и, конечно, не в пользу Германии.

Исходя из этих соображений, для германской армии становилось жизненно-необходимым добиться быстрого решения, иначе вероятность победить значительно понижалась; в лучшем случае, к окончаниию войны последняя могла бы привести к изнурению обеих сторон.

Однако, из того соображения, что для Германии нужно было закончить войну как можно скорее, не должна была вытекать склонность не придавать значения фактам, которые говорили за бо́льшую продолжительность войны, или по крайней мере, не доискиваться таковых.

В действительности же было именно так. Германский Генеральный Штаб не готовился к длительной войне. Этим самым он по-

ставил на карту все, на карту неудержимого стремления к победе германской армии во всем ее превосходстве духа, знаний, боевой подготовки и командования. Рассчет был построен на зыбкой почве.

Те факторы боевого качества, которые можно было учесть, были в общем оценены без предубеждения и правильно. Но в достоинстве руководства выдающуюся роль играла, как было упомянуто выше, не допускающая учета индивидуальность руководителей. А на ней то как раз и зиждились упования германского Генерального Штаба на скорую победу, как у азартного игрока—надежда на счастливую карту.

Сознание, что рассчет содержит в себе иррациональную величину, должно было бы повлечь за собою представшую в ярком освещении необходимость, по крайней мере, подготовки к войне длительного характера. Так как этого не случилось, то не состоялось и распределение офицерского корпуса действительной службой, который послужил бы закваской для новых развертываний. Ущерб, нанесенный слишком преждевременным израсходованием во время войны именно таких офицеров, представляет факт общеизвестный и не требует дальнейших пояснений. Подобным же образом не было заготовлено на случай войны хоть сколько нибудь достаточного количества боевых припасов. Этому способствовало неполное использование опыта Восточно-азиатской войны и незнакомство с техническими возможностями в области новейшего вооружения. Впрочем, эти ошибки в подобных рассчетах одинаково имели место и у противников.

Военный Министр ф. Штейн, в качестве представителя наиболее близкой к этому делу инстанции, сообщает. „На основании опыта русско-японской войны нормы снабжения были, правда, увеличены, но все же в границах, обуславливаемых возможностью их хранения, а также освежения, в зависимости от потребности мирного времени. Никто не предвидел, что расход примет и мог принять такие неожиданные размеры, ибо не ожидали и того, что орудия выдержат такой расход".

Тут наталкиваемся еще раз на коренное заблуждение в вопросах оружейной техники. Этих ошибок можно было бы избежать или по крайней мере последствия их значительно уменьшить, если бы упражнения мирного времени производились фактически в масштабе войны. Предварительную прочность ствола орудия определить было не трудно. а потребность в боевых припасах можно было бы вычислить, хотя бы приблизительно. Для этого, без сомнения, необходимо было установить, чтобы боевая стрельба производилась абсолютно в обстановке действительного боя. Стреляющий должен был бы подходить к целям, что в особенности важно на местности, где предполагается стрельба, в условиях неподготовительности к ней, как это и бывает на войне. Нельзя было ее организовывать на хорошо знакомом военном поле, перед целями, которые раставлялись всегда на одних и тех же местах и с которыми он мог ознакомиться иногда еще накануне.

Кроме того, следовало продолжать поражение этих целей до тех пор, пока нельзя будет их не признать пораженными. Вместо этого, считали цель стрельбы достигнутою, если найдены пристрелочные данные для действительной стрельбы; последняя же по экономическим соображениям почти никогда не проводилась.

По той же причине ведение огня по совершенно закрытым целям являлось редкостью. Результаты таких упражнений никогда не доводились до конца, что вело к неясности взглядов на боевые нормы снабжения, причем не только в среде войск, но и у высшего командного состава армии, как это ясно выступает из признаний генерала ф. Штейна.

В вопросе численности армии мирного времени, как основы будущей полевой армии, Генеральный Штаб должен был считаться с предначертаниями военного министерства и Рейхстага.

И в этой области руководящей нитью должно было быть положение, что для Германии успех войны зависел от действий в течение первых месяцев. Ей нужно было опередить противников не только в подготовке операций, но и в вооружении всех народных сил. Относительно того, какие силы требовались для большого наступления, генерал Фрейтаг—фон Лоринговен дает оценку в следующих выражениях: „По поводу этого в действительности нужно признать, что при современных условиях противник, опирающийся на народную армию, даже и слабо сплоченную, может быть опрокинут только тогда, когда вся организованная народная сила нападающего оттеснит части, составляющие первую линию.

Германское командование во второй половине войны 1870—1871 г.г. в конце концов, чувствовало не меньше, чем в свое время многократно ощущал Наполеон, уменьшающуюся силу наступления, значительно проникнувшего в неприятельскую территорию, несмотря на первоначальное большое превосходство сил, которым оно обладало“...

Таким образом, дабы обеспечить германской армии на первое время войны превосходство в численности, нужно было, чтобы все предусмотренные на случай мобилизации новые формирования подвозились к перволинейным корпусам настолько быстро, насколько это позволял транспорт. Они должны были впервые появиться на поле сражения не у Изера и не в зимнем бою в районе Мазурских озерах, а в составе осадных корпусов у Антверпена и Мобежа, а также в виде необходимых подкреплений на Восточном фронте. Это, без сомнения, вытекало из предположения, что новые формирования могли быть составлены из обученных уже людей и что, следовательно, армия мирного времени тем или иным способом—увеличением ли числа войсковых частей, или сокращением срока службы, в состоянии провести через свои ряды всех способных носить оружие людей.

Чрезвычайно большое число добровольцев летом 1914 г. служит красноречивым показателем тогдашнего духа германского народа и в тоже время свидетельствует о неудовлетворительности войсковой организации и ее творцов.

Наиболее воинственные из них поняли зло и бросились на помощь ввиду все более сгущавшегося политического горизонта. Но „страусовая“ политика министерства иностранных дел, которое, следуя наказу, „не терплю пессимистов“ могло рисовать себе только розовые картины мира, не придало этим военным заявлениям перед Рейхстагом надлежащего веса. И слишком неудобные просители получили на голову холодный душ, так же, как и генерал Людендорф в качестве творца проекта государственной обороны в 1913 году.

Таким образом, близорукий Рейхстаг остался свободным от моральной ответственности, когда в ослепленном самоуничтожении сократил требования по усилению армии. Его вина в исходе Мировой войны вследствие этого хотя и уменьшается, но все таки не устраняется.

Генерал Фрейтаг фон-Лоринггофен произнес свой приговор по этому вопросу „Рейхстаг, как и всякий иной парламент, является виновником, когда в угоду избирателю закрывает уши перед неоспоримою истиною, которую однажды высказал великий Наполеон, а именно, что будучи в меньшинстве можно выиграть сражение, но никак не кампанию. Для этого требуются только сильные баталионы“...

Отсюда ясно, что основное заблуждение Германского Генерального Штаба относительно возможностей продолжительной войны привело к тому, что приготовления к войне были слишком незначительны и что, с другой стороны, осталось невыполненным основное условие, которое могло бы компенсировать указанное ошибочное заключение и привести к быстрой победе, т. е. возможно более полное использование оборонительных сил государства.

ГЛАВА 9.

Организационные вопросы в военное время.

В вопросе внутреннего устройства полевой армии речь шла о новых формированиях, которые необходимо выдвигались опытом войны, и о преобразовании прежних организационных форм.

Из новшеств первого рода, созданных войною, развитие германских воздухоплавательных частей представляет, положительно, неподражаемое проявление промышленно—организационной деятельности.

Те и другие вспомогательные войска, как-то: части воздушной обороны, войска снабжений и средства связи также вписали страницу славы в военную историю германской армии. Относительно переформирований вообще, можно согласиться с уменьшением числа орудий в полевых батареях с шести на четыре, между тем, как ослабление состава пехотных дивизий с двенадцати до девяти баталионов и с двенадцати до 9 батарей, неоднократно давало себя знать как чрезмерное понижение силы этой боевой единицы.

Постоянно возраставшая потребность пехоты в пополнениях, невозможность применять в позиционной войне кавалерию в конном строю привели к переформированию ее в стрелковые кавалерийские полки. Освободившийся конский состав значительно уравновесил крупный недостаток в лошадях у других родов войск, а пехота получила в высшей степени ценное укомплектование, главным образом, в качественном отношении. Однако, в виду предстоящих наступательных задач, на Западе пошли в этом отношении слишком далеко, допустив потерю почти всей с‘езженной кавалерии. В наступательных боях 1918 года сильно сказалось отсутствие армейской конницы, когда выдвинулось требование быстро использовать тактический успех. На-

сколько широкие возможности открылись бы перед ней при этом, в особенности при совместном действии с броневиками, на этот счет существует достаточно указаний.

Длительное однообразие позиционной войны, очевидно, заставило в этом вопросе и организатора германской наступательной армии забыть всю многосторонность тактики довоенного времени.

Обеспечение полевой армии всеми необходимыми предметами боевого снабжения являлось второй существенной задачей организации во время войны. На первом месте в данном случае стоит вопрос о боевых припасах.

Как упомянуто в 8-й главе, организация мирного времени в этом отношении не дала всего необходимого. Тем менее извинительно, если отсталость в снабжении боевыми припасами продолжалась затем еще в течение двух первых лет войны. Еще в 1917 году наличие их было столь незначительно, что наступление не Верден исчерпало ее почти совершенно, и весь бой на Сомме вследствии катастрофического недостатка в припасах делал серьезность положения подавляющей. В этом случае недостаточность снабжения не может быть оправдана отсутствием военного опыта, как это можно было допустить для мирного времени.

Ипрские осенние бои 1914 года и действия французской артиллерии в 1915 г. выдвинули красноречивые данные относительно действительных размеров потребности в боевых припасах. Верховное Германское Главнокомандование в 1915 году и в первой половине 1916 года вряд ли может быть свободно от упрека в упущениях в этом вопросе. Только вмешательство генерала Людендорфа окончательно устранило хронический недостаток боевых припасов. Вопрос обстоял одинаково как с боевыми припасами, так и с изготовлением всех прочих военных потребностей. Сам генерал Людендорф по этому поводу говорит следующее:... „генерал-фельдмаршал и я должны были считаться с тем что мы нашли, а это была недостаточность снабжения армии боевыми средствами, несмотря на присутствие военного министра в Большой Главной квартире и на то, что весь мир твердил об этом...“

Выражение: „программа Гинденбурга“ охватывает все, что сумел начертать изобретательный гений великого организатора Людендорфа с его бьющей ключем энергией. Подавляющая зависимость германской армии в вопросе снабжения боевыми припасами, однако, была связана с нею навсегда; не могли же мы идти вровень с неприятельской военною промышленностью всего земного шара, вместе с его неисчерпаемыми запасами; некоторые цифры рисуют яркую картину, давая, вообще, понятие о боевых потребностях современной массовой армии.

В продолжительном бою на Сомме британская артиллерия произвела около 4.000.000 выстрелов; в бою в Витшетской излучине (1917 г.) в несколько дней она же сделала 2.753.000 выстрелов. Американская армия в бою у С.-Михель (1918 г.) в течение четырех часов подготовки выпустила по германским позициям 1.200.217 снарядов. И когда во время греманского весеннего наступления в 1918 году британская армия, между прочим, потеряла около 1000 орудий и 200 танков, то всю убыль орудий она восполнила в течение четырнадцати дней и вместо 200 потерянных танков выдвинула 700 новых.

III. Подготовка непосредственно к военным действиям.

ГЛАВА 10-ая.

План мобилизации.

В данном случае нужно различать военную и промышленно-экономическую мобилизацию.

Первая—в германской армии может быть без оговорок признана образцовою.

Мобилизация армии мирного состава, перевозки и сосредоточение ее, благодаря тщательным подготовительным работам,—осуществились, как это само собою понятно, без всяких трений, с точностью часового механизма. Мысль о необходимости мобилизации промышленности в свое время обсуждалась в Генеральном Штабе, но не быле признана бесспорно необходимою, и кроме того ее не защищали соответственным образом.

Ошибочная уверенность в кратковременности войны в данном случае в свою очередь также создала тормаз.

Генерал фон Штейн пишет по этому поводу: „В качестве начальника отделения Генерального Штаба я в течение нескольких лет подряд вносил предложение учесть количество жизненных средств до и после урожая в предположении, что Германия блокирована со всех сторон. Предложение было отклонено, так как соответствующие ведомства не имели для этого достаточно средств, расходы были бы слишком велики. Совершенно не верили в возможность такого положения страны"....

Подобное же предложение, исходившее из недр невоенных кругов в лице любекского сенатора Посселя, встретило в 1912 году сочувствие лишь в Генеральном Штабе. Напротив того, его предложение учредить „экономический Генеральный Штаб", который разработал бы план германского военного хозяйства в предположении блокады, не встретило серьезного внимания ни у военного министра, ни у министра внутренних дел, ни, наконец, у имперского канцлера.

Влияние биржи, которая опасалась, что созданные таким образом государственные склады жизненных припасов при неурожае в мирное время могут ограничить ввоз, а вместе с тем и барыши торговцев, конечно, содействовало отклонению подобного проекта.

ГЛАВА 11-ая.

Оперативный план.

Рамки оперативного плана определяются политически возможной и вероятной комбинацией государств при возникновении военных осложнений.

Эти основания Германский Генеральный Штаб должен был почерпнуть из сношений с министерством иностранных дел.

После победоносной войны 1870—1871 г.г. долгое время существовала возможность новых осложнений лишь с Францией и Россией. Оперативный план тогдашнего Начальника Генерального Штаба графа Мольтке по отношению к западному противнику первоначально носил оборонительный характер. Затем, с началом нового столетия стала выясняться та именно группировка сил, в которой Мировая война и застала Европу.

Современные войны ведутся преимущественно по причинам экономического порядка. Ибо и разногласия в европейской политике, в конце концов влекущие за собою войну, также относятся, главным образом, к области экономической политики. Быстро развивавшаяся, в качестве великой державы, Германия, настоятельно нуждалась в расширении области своего политическо-экономического влияния, дабы поставить ввоз сырья и сбыт собственных продуктов на столь прочный путь, который не зависел бы от благоусмотрения государства, господствовавшего на море.

Линия такого влияния проходила через Дунайскую монархию, юго-восточную Европу и Малую Азию в Мессопотамию и нашла свое выражение в проекте соединения помощью железнодорожной колеи Берлина с Багдадом. В этом развитии основного стремлени прежде всего таилась неизбежность соперничества с Россией, историческая линия влияния которой шла через Дарданеллы, славянские и балканские земли к теплым берегам Адриатики. Идея панславизма была только маской экономических целей империи царя.

Конечные устремления германских и русских интересов сходились в Константинополе.

Затем далее, такая экономическая политика Германии приводила к столкновению со второй великой державой. Кьеллен говорит по этому поводу: „Дело в том, что связь с Малой Азией существенно усилила бы конкуренцию Германии, поэтому Англия не могла не стремиться воспрепятствовать этому; ее задача в этом отношении носила отрицательный характер: Мессопотамия и Аравия были ей нужны не сами по себе, а лишь потому, что таким путем для Германии закрывался источник сил.

Если бы можно было, при помощи большого союза или посредством „длительных“ переговоров, склонить Германию к уступчивости, то это разумеется явилось бы самым лучшим. Но так как развитие

событий уже клонило к войне, к которой Россия и Франция были готовы, то Англия не могла пройти мимо такого небывало благоприятного стечения обстоятельств; ее судовые орудия сами собою должны были заговорить"...

Этим самым, в союз, в качестве третьего члена, вошла и Франция, которая была втянута в войну не по экономическим причинам, но из за политики сочувствия.

Сохранение самого существования Австро-Венгрии, первого звена в цепи между Берлином и Багдадом, было органическим требованием германо-малоазиатской программы. Но в то же время здесь то и скрывался очаг взрыва. Так как трения между Германией и Россией в Константинополе имели сначала, по преимуществу, закулисный характер, то несогласия между Россией и Австро-Венгрией вели непосредственно к конфликту.

Границы будущей Мировой войны, таким образом были ясны. Генерал-фельдмаршал граф Шлиффен так обрисовывает положение: „...Этим устанавливается военное положение Европы. По середине открыто стоят Германия и Австрия, а вокруг, за валами и окопами, расположены остальные державы. Военному положению соответствует и политическое. Между окружающими и окруженными державами существуют трудно устранимые противоречия.

Франция с 1871 года остается заклятым мстительным врагом. Призвав идеей реванша к оружию всю Европу, она вместе с тем является и центром общей политики. Значительный под'ем промышленности и торговли в Германии только усилил непримиримое враждебное чувство со стороны Франции. Ненависть к конкуренту, к которому чувствовалось ранее пренебрежение, не может быть ни ослаблена уверениями в истинной дружбе и сердечной симпатии, ни обострена едким словом. Неприятель определяется не побуждениями чувства, но размерами дебета и кредита. Россия связана со старым союзником наследственной антипатией славян к германцам и симпатией к романцам, а также надобностью в займах и ныне в свою очередь бросается в об'ятия того государства, которое может ей больше всего повредить. Италия, не имея никакой возможности распространяться в сторону запада, считает, что вытеснение тех, которые некогда спускались через Альпы в плодородные поля Ломбардии, еще не закончено. Она не желает терпеть их ни на южных склонах гор, ни на берегах Адриатического моря"... Общее положение определено чрезвычайно метко. Ни в отношении нейтралитета Англии, ни в отношении союзной верности Италии, Генеральный Штаб не предавался обманчивым иллюзиям, в чем его часто несправедливо обвиняют.

Таким образом, будущая война должна была стать для Германии войною на два фронта. Если бы Германия с самого начала отказалась от победы, то она могла бы тогда выжидать, пребывая в пассивной обороне, пока или не истощатся наступательная сила противников, или ее собственные оборонительные средства. В этом случае ей представлялись возможность, приблизительно равномерно, поделить свои силы между Восточным и Западным фронтами.

Таким образом, обратившись к обороне, Германия с самого начала обрекала себя на падение, кратковременную только отсрочку.

которою могла бы дать борьба. Сохранить свое существование ей удалось бы лишь при наступательном образе действий. Еще Фридрих Великий, в начале семилетней войны, пришел к тому же заключению. Он также избрал наступление.

При разрешении задачи опрокинуть помощью наступления последовательно обоих противников, Германии приходилось руководствоваться стратегической характеристикой различной оперативной готовности, с одной стороны, густо населенной Францией с ее развитой сетью железных и грунтовых дорог большой провозоспособности, а с другой, отсталой, широко раскинувшейся Россией, обладавщей ничтожными средствами сообщений.

Это создало для Франции в начале войны, едва не завершившееся кризисом, состояние изолированности, продолжавшееся до тех пор, пока не сделалось чувствительным влияние медлительного союзника. В этом были согласны и все военные авторитеты Франции. Для Германии было очевидно, что энергичное использование первых недель войны являлось единственно обещающим успех средством— помешать намерению противников раздавить Германию напором с двух сторон. Следовало разбить западного противника раньше, чем подкатится русская паровая трамбовка. Другая возможность,—броситься всеми силами, прикрываясь со стороны Франции, на Россию—не обещала никаких шансов на возможность решительного успеха. Достигнув, в лучшем случае, ликвидации русского наступления в Польше, этот удар должен был далее разразиться в пустую; в безбрежных далях русского царства Германия дала бы лишь время назреть новому наступлению из внутри России. Но этот промежуток времени мог быть использован только для наступления на Францию. Очевидно, что этой задаче войны, которая и сама по себе являлась труднейшей, так как Франция в военном отношении была для нас серьезнейшим противником, нельзя было придавать теперь то значение, которое она имела бы если бы на ее выполнение была употреблена вся мощь еще нетронутой в начале войны германской армии. Кроме того, потребность обеспечить обладание рейнско-вестфальской промышленной областью, источником военной силы во время наступления на Восток, от захвата западным противником, не вызвало бы необходимости оставления больших сил у западной границы, а равно, возможно, что и частичного удара на Бельгию и Люксембург, с целью создания стратегического „предполья“.

Напротив того, Германия могла бы придать и начальному удару на западе значительно большую силу, так как восточная граница, в виду наличия австро-венгерской армии и медлительности тамошнего противника, могла долгое время оставаться обнаженной. Вооруженные силы западных держав являлись, таким образом, ближайшей оперативной целью германской армии.

Удар по западным державам в виду назревания, как уже было сказано, русской опасности, должен был иметь пред собою быстрое решение. „Уничтожающая“ битва по Шлиффену диктовалась на этот раз повелительною необходимостью. Поэтому единственной оперативной целью были неприятельские армии.

Мнение отдельных лиц, в особенности принадлежащих к морским

кругам, что вероятность иметь Англию в качестве врага должна была выдвинуть вопрос о захвате французского берега канала, как первой оперативной цели, дабы этим затруднить Англии участие в сухопутной войне, в стратегическом отношении недостаточно обосновано. Если бы разразился такой „уничтожающий“ бой между Парижем, Марною и Рейном, притом закончившийся успешно для Германии, то последняя получила бы свободный доступ на территорию Франции. Тогда можно было бы стать и на ту точку зрения, что Англия является душой неприятельского сопротивления, заняв во исполнение требования морской войны, французский берег.

Но при ударе на Кале, до момента уничтожения французской армии, пришлось бы отказаться от решительной битвы, так как для выполнения обеих задач не хватило бы сил. Подобная операция следовательно знаменовала бы собою покорность судьбе, признание того обстоятельства, что для смелого плана—одним ударом расчистить себе на Западе место—не имеется достаточного количества сил.

В этом случае Германии пришлось бы удовольствоваться только созданием для себя лучших условий, для неизбежной все же позиционной войны на Западе, но от наступления пришлось бы на том же фронте бесповоротно отказаться. Но в таком случае главный удар пришлось бы направить на Восток, ибо где нибудь да нужно же ей было искать решения. Стратегическая оборона на обоих фронтах была, как выше указано, делом неподходящим, так как все шансы счастливого исхода борьбы передавала в руки противников. Это предложение было вызвано происшедшими событиями и внушено их фактическим ходом. Оно принимает эти события как непреложный закон, не будучи в состоянии ясно оценить создавшееся при начале войны положение со всеми его возможностями, которые должны были привести к стремлению достигнуть, прежде всего на Западе, уничтожения противника.

Теперь спрашивается, — каким оперативным путем достигалось уничтожение сил западного противника быстрее и надежнее всего?

В начале войны оперативную цель нужно было искать между бельгийским Маасом и германо-французско-швейцарским углом. Граф Шлиффен стремился к охвату, если возможно обоих флангов,—на худой конец хотя бы одного крыла. Вогезы и примыкающая к ним с севера перехваченная крепостями местность на восточной французской границе заставила избрать в качестве главенствующего фланга—северный.

Указанное выше требование: с самого начала обеспечить рейнско-вестфальскую-промышленную область от посягательств противника, так же направляло внимание на этот фланг. Пока северный французский фланг можно было полагать в южном углу Люксембурга, существовала возможность прямым движением южнее оконечности Маастрихта перейти с фронта развертывания к охвату. Если бы неприятельский боевой порядок простирался, как это было вероятно, до южной Бельгии, то это дало бы германскому решающему флангу возможность при первом же столкновении произвести охват фланга, из которого затем, в случае благоприятной тактической обстановки и вследствие выпуклости французского расположения, мог развиться фланговый и тыльный удары. Общее положение, раз уже карты сданы, должно было стать таким, при котором

Германии предстояло использовать каждый час, чтобы добиться решения на Западе. Вторжение в Бельгию не терпело никакого промедления, если Германия желала козырнуть единственным имевшимся у нее козырем,—превосходством собственных сил над французскими, пока оно еще существовало. Моральный ущерб, который брала на себя Германия при нарушении бельгийского нейтралитета, неоспорим, но так как вторжение в Бельгию являлось не больше и не меньше, как жизненно-военным вопросом, то в этом случае направление внешней политики должно было идти рука об руку с требованиями войны. Раз конфликт был уже неизбежен, то делом тонкой дипломатии было установить, что Германия являлась атакованной стороной. Если бы это не удалось, то в бельгийском вопросе Германии пришлось бы, подобно великому королю в 1856 году в споре о Саксонии, выбрать между двумя возможностями. Или надо было сохранить политическое „лицо" и пренебречь вторжением, не разрывая тем естественного круга заговорщиков, с давних пор связанных родственными целями. Тогда ей пришлось бы выступить навстречу вторгшемуся противнику в одежде „незапятнанной невинности" в неизмеримо худших условиях военного положения.

Или же, опираясь на то, что противники имеют лишнее средство пропаганды, получить основание для быстрого и решительного успеха, перед роковым значением которого смолкнул бы, исполненный предчувствия, военный клич человечества, поднятый Антантой за право и свободу, как то сделал в 1866 году Наполеон III, а в 1870 году Австро-Венгрия. Победителя не судят. Фридрих Великий своим вторжением в Саксонию также вызвал негодование всей Европы. Карлейль сказал: „На величину его деяния стали тогда смотреть, как на нечто такое, что превосходит все предположения и клеймит его, как общего врага человечества, которого нужно было давить, дробить и уничтожать". Но король остался победителем, и право осталось на его стороне.

Германская армия в 1914 году не могла не обогатиться заслуженной победой, поэтому ненависть к ней, как к нарушителю мира, должна была стать неизбежностью. Сила вместе с тем является также и правом. Когда враги применяют эту силу, то в этическом отношении это низко, но в политическом—умно. Когда к порицанию присоединяются германские голоса, то это или служит признаком единомыслия с противником и тогда само собою понятно или является показателем полнейшей политической и исторической наивности, почему и не заслуживает серьезных возражений.

План графа Шлиффена был построен таким образом на том, что массы германской армии с молниеносной быстротою всею своею тяжестью навалятся на французского противника, как пророчески предостерегал один известный французский военный писатель: „они бросятся на нас прыжком пантеры". В строгой последовательности, гр. Шлиффен учел стратегическое требование быть сильными в решительный момент на решительном пункте. Между Люксембургом и Швейцарией предусматривалась лишь усиленная пограничная охрана с расположенной позади оперативной группой, общей силою в $2^1/_2$ корпуса и 3 кавалерийские дивизии. Главная масса германской армии должна была сосредоточиться в центре и на правом фланге в виде

ударных армий. Принимая в расчет обнаженность своих флангов, она должна была подвигаться вперед глубоким уступным порядком. В имперских землях пограничной охране надлежало перед неприятельским натиском, который на основании полученных сведений был весьма вероятен, отступить на линию Мец—Страсбург—Брейштальская позиция, верхне-рейнский укрепленный район, а затем, прорвавшись своим оперативным резервом между Мец—Страсбургом, ударить во фланг противнику. Правое крыло захождения должно было полным ходом двигаться через Бельгию и северную Францию для того, чтобы произвести охват, еще более стеснить и без того вытянутый фронт французской армии, отрезать ее от Парижа и принудить к генеральному сражению тылом к Рейну и Швейцарской Юре. Такой план требовал многого. Его удача зависела от образования могущественного центра тяжести на решающем северном германском крыле.

Классическая строгость, с которой в чрезвычайной последовательности было бы проведено, по замыслу графа Шлиффена, соединение сил на решающем фланге в наступлении и операции, сгладилась скоро стараниями его преемников. Сильное обнажение фронта между Люксембургом и Швейцарией в пользу решительности операции— создавало опасность неприятельского вторжения в имперские владения или даже в южную Германию. Этой возможности противилось патриотическое чувство императора, который, по словам генерала фон-Штейна, защищал точку зрения, что „южная Германия должна была быть безусловно обеспечена от неприятельского нашествия". Напротив, граф Шлиффен был того мнения, что южная Германия должна нести тяжесть войны в такой же мере, как и всякая другая германская область. В ясности своего мышления он решительно не допускал возможности руководствоваться при выборе операционного направления каким-нибудь иным побуждением, кроме чисто оперативного. С его великим предшественником произошло нечто подобное.

Первоначально задуманное фельдмаршалом Мольтке (схема 1-ая) для похода 1866 года против Австрии движение II-ой армии в обход Ландсгута, откуда достигалась оперативная связь с наступавшими между Торгау и Горлиц Эльбской и 7-ой армиями, из за опасения открыть Верхнюю Силезию для австрийского вторжения — было отнесено далеко влево, в район Нейссе. Туда же, кроме того, были затем посланы два корпуса 1-ой армии. Этим самым концентрическое наступление в Богемию было поставлено под сомнение, так как совершалось двумя оторванными друг от друга, приблизительно на 200 километров, группами, которые, в особенности более слабая, стоявшая у Нейссе, были подвержены опасности отдельного поражения.

Сам граф Шлиффен пишет по этому поводу: „Эту невыгоду положения Мольтке не мог отвратить. Вопрос обеспечения Силезии был представлен королю в свете патриотического долга. Доводы Мольтке, что этот „долг" мог быть выполнен очень удачно наступлением через Богемию и очень скверно, или совершенно невыполнен обороною в Силезии, показались недостаточно убедительными"... Во всех своих оперативных совещаниях граф Шлиффен неизменно всегда резко порицал всякие колебания, препятствовавшие находить твердый стратегический путь. Равным образом, он сурово критикует прусское наступ-

ление 1757 года против Австрии и России. „То обстоятельство, что король привлек из Померании только 8500 человек, оставив усиленную до 33.000 человек армию Левальда в Восточной Пруссии, должно было стать роковым. 33.000 не удержали ему этой провинции, не уберегли ее от разграбления и опустошения, в Богемии же, несомненно, обеспечили бы ему верную победу и быстрое возвращение утерянной Восточной Пруссии"...

Граф Шлиффен приводит по этому поводу собственные слова великого короля, которыми последний сам характеризует свою ошибку: „Итак, пожертвовав в этом случае одной провинцией, следует всеми силами прочно занять другие, принудить противника принять сражение и употребить все усилия, чтобы его уничтожить".

Этой стратегической мудрости гениального полководца Шлиффен и следовал в своем проекте наступления.

Его преемники упустили из виду огромную опасность, которая лежала в перемещении или ослаблении оперативного центра тяжести; но если они это и знали, то не сумели убедить других в неизбежных последствиях. В течение года, на угрожаемой германо-французской границе, вместо предусмотренной графом Шлиффеном пограничной обороны, разреженной до пределов возможного, болталась поочередно то VI-ая, то VII-ая армия.

Преемник графа Шлиффена не мог, как и Наполеон в 1813 г. под Лейпцигом, решиться на то, чтобы „добиться не многих, но только одной единственной победы". Так как увеличение армии не было предпринято своевременно, то силы для этих новых группировок пришлось взять с других участков. Главнейшим поставщиком этих сил явилось правое крыло, от чего глубина его уступного расположения, несомненно, уменьшилась. Вследствие этого, выражаясь техническим языком, часть машины смелой конструкции, подверженная наибольшим напряжениям, слишком потеряла в своем поперечном сечении; от этого она должна была либо прогнуться, либо сломаться. То возражение, что миллионная армия, подобно германской, при данной провозоспособности железно-дорожной сети, могла двигаться со всею быстротою и всею своею массою только при условии, что все пространство Страсбург—Эрефельд будет занято приблизительно с одинаковою силою— не убедительно. Второй уступ за правым крылом армии мог, разумеется, начать движение несколько позже, когда первая линия уже шла вперед. Двигаясь с соответственною скоростью, он успел бы прийти в надлежащий пункт до момента решительных действий.

С другой стороны, движение более значительных сил в имперских землях шло прямо в разрез с решительной операцией. Для главного решения, именно, было бы рациональнее, чтобы I и II французские армии вторглись по возможности глубже на восток, за непроходимые вогезские леса и находились бы подальше от предстоявшей развязки в Северной Франции.

Чем раньше они остановились бы, тем скорее их силы,—если бы французское руководительство армией предугадало судьбу, могли быть противопоставлены германскому охвату, что в действительности и случилось в августе 1914 г.

Таким образом, наступление потеряло весь свой глубокий смысл.

Половинчатость мысли могла дать только половинчатость осуществления.

Остается еще вкратце рассмотреть французский оперативный план, в пределы которого входило содействие бельгийских и британских войск. С 1871 года и до последнего времени перед войною, французский Генеральный Штаб предвидел оборонительные действия от Бельфора до моря. В 1912 году, когда уверенность в помощи оружием со стороны Англии и реорганизация бельгийской армии улучшили общее положение Франции, возникла мысль отнять у противника инициативу собственным наступлением.

Сопротивляемость Бельгии при значительном усилении крепостей ее показалась французскому Генеральному Штабу достаточной, чтобы известный план охвата немцев ограничить пространством южнее линии Маас—Самбра.

Германское правое крыло ожидали, таким образом, видеть (схема 4) выступающим у Мезьера или из Арденн, в крайнем случае в направлении на Гирзон. Для встречи его казались достаточными силы расположенной между Верденом и Мезьером V-ой армии и группы Валабрегга у Гирзона, имея именно в виду содействие англичан со стороны Кале.

Первые четыре армии были приготовлены к нанесению сильного удара на Эльзас-Лотарингию и Люксембург. Фланговое и фронтальное наступления должны были парировать окружение.

Уверенность в невозможности германского продвижения севернее Мааса и Самбры было легкомыслием, за которое последовало возмездие и которое указывало на оперативную отсталость Франции. Французский депутат Ангеран шлет по этому поводу горькие упреки по адресу своего генерального штаба: „Ничто не произошло так, как предполагал Генеральный Штаб и ничего не случилось из того, что он ожидал. Расчитывали на наступление между Бельфором и Мезьером, а неприятель произвел таковое между Мезьером и Лиллем".

IV. Ведение операций.

ГЛАВА 12.

Операции на западе до сражения на Марне.

Развертывание и бой в Лотарингии.

Движение обоих противников на Западном фронте совершалось планомерно. В середине августа могли уже начаться операции. Обе стороны построили свой план на одной и той же неизвестной данной— силе сопротивления бельгийской армии, опиравшейся на свои пограничные крепости. (схема 4).

В районе Верден—Мец, двигаясь по направлению обратно часовой стрелке, должны были столкнуться фронты обеих армий, с центром

тяжести на правом крыле. Вопрос заключался в том, кто из противников опередит в оперативном отношении.

Для этого, в интересах Франции требовалось, наряду с быстрыми и удачными действиями против германских сил в Лотарингии, с одной стороны, скорое падение Меца, с другой, успешная фланговая оборона бельгийскими пограничными заслонами. Наоборот, германские операции выигрывали при условии, что оборона в Лотарингии даст соответствующий выигрыш во времени, а бельгийское сопротивление будет быстро сломлено.

Из двух центров действия, южный — в Лотарингии и западнее Меца обнаруживал большую устойчивость.

Силы обоих противников в поле были сначала приблизительно одинаковы.

Оборона укрепленных линий, как решающий фактор, выступила на первый план только с окончанием такого положения воюющих сторон. Для того, чтобы навсегда порвать оперативные оковы, французская ударная группа должна была преодолеть здесь две предварительные стадии. На бельгийской же границе не было и речи о боевом решении в поле, настолько превосходство германских сил подавляло бельгийскую армию. Тут удача и гибель оперативных планов обоих враждебных сторон таилась исключительно в силе сопротивлении бельгийских крепостей Люттиха и Намюра, и здесь стрелка весов должна была отклониться раньше, чем в Эльзасе и Лотарингии.

Таким образом, неизвестной величиной огромной ценности в стратегических разсчетах обоих противников была, собственно, сила сопротивления бельгийских крепостей. Результат показал правильность германских рачетов и их слагаемых: оценки оборонительной силы бельгийской армии и крепости Люттих, в предположении, что оборона не имела времени на усиление. Приходилось поэтому порвать с рутиной.

Нельзя было медлить ни с общим наступлением, ни с мобилизацией войсковых частей, назначенных для действий против крепостей. Удар должен был получить характер, бывшего до сих пор не в чести, отдельного предприятия, и его необходимо было произвести в первые часы войны. И Люттих пал.

Через открытый проход полились корпуса I-ой и II-ой германских армий. Неспособность бельгийской полевой армии к контр-наступлению позволила беспрепятственно осуществить довольно трудную операцию подтягивания и перестроения вправо I-й армии. 18-го августа, заходящий фланг германских армий шел полным ходом вокруг оси своего вращения—Меца, имея впереди себя открытое пространство чуть ли не до линии Самбра—Маас. В тот же день впервые выступила французская ударная группа, с одной стороны, на Мюльгаузен—Саарбург—Мерхинген, а с другой, на Люксембург—Нефшато. Ей еще предстояло сломить сопротивление германской полевой армии и крепостей. Для Германии создалось несомненное оперативное преимущество.

Французское высшее командование не осмелилось скрыть это горькое разочарование. Оно же вывело отсюда и необходимое заключение. Решительно оставив свой, в самом же начале рушившийся оперативный план, оно лихорадочно пустилось изыскивать способы

перемещения центра тяжести на север, чтобы там прорвать германский фронт между Мецом и Намюром. Имперские земли должны были потерять свою роль главного об'екта. Раньше, чем это решение могло быть претворено в действительность, его собственный, теперь уже лишенный почвы, главный удар сплелся в клубок первых взаимных столкновений.

Оставив за ним характер демонстрации, дабы приковать в Эльзасе, по возможности, значительные германские силы, французское главнокомандование удерживало еще до поры до времени задние линии своих I-ой и II-ой армий, а затем, предоставив VI-ой германской армии незначительный стратегический успех над своими армейскими авангардами, обратилось на юге к стратегической обороне, опираясь на свою надежную укрепленную позицию Бельфор—Эпиналь—Туль—Верден. Эта оборона в течении несколько дней выдерживала стремительный фронтальный натиск VI-ой и VII-ой германских армий.

Расположенные позади уступы французской южной группы были спешно переброшены на угрожаемый западный фланг. Таким образом, XIII французский корпус, принадлежавший сначала к II-ой армии, принял участие в бою уже на линии Самбра—изгиб Мааса. Однако, переброска собственного центра тяжести из района к югу от Вердена к Самбре и на Щельду потребовала тем не менее столько времени, что при первом столкновении обоих северных флангов, превосходство сил должно было оставаться безусловно еще на стороне немцев.

Пяти армиям германского решающего фланга, с молниеносной быстротой прошедшим через Бельгию, могли быть противопоставлены между Верденом и Мобежем сначала только три французские армии и английский экспедиционный корпус. При этом, французская фланговая армия, занимавшая решительный пункт в соединении с британскими войсками, находилась в особенно опасном положении. Маас и Арденны резко отделяли ее в пространственном отношении от соседей. Поэтому первое столкновение разразилось двумя отдельными боями по обоим сторонам Мааса. На восточном участке французский фронт стал прочно на якоре у Вердена. На западном—V французская армия и войска маршала Френча самостоятельно вели бой. Центр тяжести их операции находился в районе, ограниченном с севера и востока Самброй и Маасом.

Первое столкновение в Южной Бельгии.

Бои на линии Самбра—излучина Мааса.

Верховное германское главнокомандование подчинило I-ю армию II-ой. Лучше было бы ей оставаться самостоятельной, принимая во внимание лежащую на ней двоякую задачу: фланговую оборону и стратегический охват.

Наоборот, оказывалось весьма целесообразным подчиненное положение применить к III армии, оперативная полоса действий которой захватывала и западный берег Мааса. На этом берегу, по условиям местности, должны были развиться более или менее самостоятельные

военные действия. Созданием общего главнокомандования, помощью, наприм. образования армейской группы Бюлова на стороне немцев. единое руководство было бы в данном случае обеспечено лучше, чем со стороны верховного германского главнокомандования, находившегося в значительно удаленной и недостаточно связанной с фронтом главной квартире.

Командование II-ой армии, перед которой находился трудный участок Самбры, желая обеспечить себе успех тактическою поддержкою со стороны I-й армии, подтянуло поэтому ее ближе к себе от первоначального направления движения, приблизительно, на Дуэ—Валансьен, так что ее центр находился теперь, примерно, у Баве.

Таким образом, для чисто стратегического охвата, I-ая армия была уже придвинута слишком близко к неприятельскому фронту. Без сомнения, совсем не в духе идей Шлиффена. Но теперь, в то время, как II-ая армия, 21 августа, уже приближалась к северному берегу Самбры, у Шарлеруа и восточнее его, I-ая армия, которой пришлось обходить по большой дуге, с центром чуть ли не у Намюра, только 25-го августа могла выдвинуться на линию, приблизительно одинаковую с фронтом II-ой армии. Возможность произвести хотя бы лишь тактический охват уменьшилась теперь еще больше вследствии того, что II-ая армия, не дождавшись подхода I-ой, уже 22 августа перешла левым своим флангом через Самбру. Вероятность выполнить сравнительно беспрепятственно переход через Самбру, при относительно еще благоприятных тактических условиях, представляется оправданием этой операции.

Восточному флангу V французской армии угрожала опасность флангового и тылового ударов в неодинаково тяжелой степени. III-я германская армия была нацелена приблизительно на Гирзон. Как было упомянуто, верховное германское главнокомандование не подчинило эту армию командованию II-ой армии, но лишь предписало обеим этим армиям „достигнуть согласованности в их совместных действиях" Вследствии этого командование II-ой армии сообщило командованию III-й армии, что II-ая армия 23 августа начнет форсирование Самбры и просило III-ю армию оказать ей содействие и даже вызвалось, в случае надобности, „открыть ей переправы через Маас". Таким образом, III-ая армия не видела большой нужды торопиться.

Затем, в то время, как II-ая армия в действительности уже 22-го августа находилась в разгаре боя, I-ая армия еще только спешила к западному флангу неприятеля, находившемуся перед ее фронтом. III-ая же армия на своем глубоком, охранявшемся лишь двумя-тремя дивизиями, восточном фланге подготовляла без излишней поспешности переход на тот берег и, получив затем с опозданием ошеломляющую весть, что атака II-ой армии произошла более, чем на 24 часа раньше условленного срока, не могла уже существенно ускорить свое наступление.

Действия II-ой армии, которая, чтобы использовать благоприятное тактическое положение, быстро схватилась с противником 22-го августа, не ожидая прибытия I-ой армии, были без сомнения правильны. Едва ли противник стал бы безропотно ожидать собственного окружения. Однако же III-ю армию можно было бы направить так,

чтобы она была в состоянии своевременно нанести удар во фланг и в тыл противника. Между тем он был атакован только с фронта, почему ему и удалось оправиться раньше, чем III-ая армия успела открыть себе линию Мааса. Потерпев тактическое поражение, но стратегически не стесненный в выборе пути отступления, противник избежал грозивших ему „Канн“, „уничтожающей“ битвы, которая обещала германскому главнокомандованию благосклонность боевого счастья в районе Мобеж—Живе.

Быть может вследствии недостаточной воздушной разведки, II-ая армия, очевидно, не вполне уяснила себе положение. В противном случае она врядли предложила бы III-ей армии открыть ей переправу через Маас с тыла, следовательно, для того, чтобы теснить противника к югу мимо фронта III-ей, вместо того, чтобы сделать как раз противоположное этому, т. е. удерживать противника у Самбры до тех пор, пока III-я армия не приступит к нанесению смертельного удара в тыл. Точно также вечером 23 августа, когда для III-ей армии все-таки еще оставалась возможность 24 августа произвести наступление в юго-западном направлении на Гирзон для параллельного преследования противника, II-ая армия не просила бы ее атаковать 24 августа непосредственно в западном направлении на Флоренн, ибо, при полной неосведомленности относительно положения, она опасалась неприятельского контр-наступления атаки, для чего расчитывала воспользоваться тактическим содействием III-ей армии. Противник выиграл этим самым драгоценное время. На правом же фланге, вследствии переоценки неприятельских сил, что могло быть понятным в начале войны, командование II-ой армией увлекло Германию с пути стратегического охвата на путь тактического содействия, обещавшего много меньше в стратегическом отношении.

Истинная причина заключалась в том, что Верховное Германское Главнокомандование и штаб II-ой армии не разделяли правильного предположения командования I-ой армии о присутствии английского экспедиционного корпуса в районе Мобежа и искали оконечности неприятельского фронта уже у V-ой французской армии. При сравнении с операциями, которые разыгрались несколькими днями позже на Востоке у Танненберга, напрашивается суждение, что здесь, на Западе, то же самое могло быть достигнуто при гораздо более благоприятных условиях, если бы у германского высшего руководства стремление к охвату и окружению, как тому настоятельно учил граф Шлиффен, развивалось бы с такою же ясностью цели, как в Восточной Пруссии, и если бы крепость нервов позволила дать этому развитию требуемое время. В исходном положении оно ведь почти неизбежно напрашивалось.

Если бы V-ая французская армия и британский экспедиционный корпус нашли свою могилу на линии Самбра в излучине Мааса, то план Шлиффена безусловно завершился бы полным окружением неприятеля между Парижем и германо-швейцарской границей. Германский фронт выступил бы тогда из-за французского на ширину фронта трех армий—I, II и III.

V-ая французская армия, сохранив жизнеспособность, весьма заметно ослабила для общего французского фронта опасность охвата, компенсируя разницу в длине по сравнению с германским фронтом,

который со своей стороны, по мере возрастания глубины фланга, должен был терять в протяжении. Кроме того, та же V-ая армия поддерживала связь с Парижем, что в стратегическом смысле сильно потеряло бы в значении, если бы после уничтожения французских сил к западу от Мааса, левый фланг французской армии оказался бы отброшенным, примерно, на Реймс, а не на линию Урк—излучина Марны.

Поэтому отсутствие стратегического успеха на линии Самбра—излучина Мааса было зародышем неудачи германской наступательной кампании 1914 года.

Если бы Верховное Главнокомандование было настолько близко к фронту, что могло бы воспринимать картину обстановки без замедления и своевременно передавать армиям приказания, то оно должно было бы оценить общее положение дел с высоты своего расположения. Оно не должно было прежде всего допускать бесцельного удерживания почти всей III-ей армии вдоль Мааского фронта Ивуар—Лаво, вместо чего следовало занять этот фронт одновременным, далеко вперед выдвинутым главным ударом на Гирзон через Фюме, о котором с 17 августа было известно, что оно не занято. Но приказ Верховного Германского Главнокомандования, коим III-ей армии, до сих пор ущемленной между Намюром и Живе, разрешалось перейти Маас и южнее Живе, и таким образом, отрезать V-ую французскую армию, — прибыл лишь утром 23 августа, т. е. приблизительно на 48 часов позже начал фронтальной атаки II-ой армии. Находясь ближе к фронту боевых столкновений, Верховное Главнокомандование могло бы также недопустить перерыва боя вечером 23 августа, который был сделан в III-ей армии для всей массы войск, вместо нанесения интенсивного удара в западном направлении.

Наконец, высшее командование оказалось бы в состоянии выиграть время для созревания охвата при помощи I-ой германской армии, соответственно удерживая в то же время II-ую армию: „Канны", надо думать, удались бы.

Между тем, верховное германское главнокомандование, находившееся в Кобленце, не в силах было это сделать. Вследствие такой удаленности его местонахождения, донесения с фронта и приказания в обратном направлении задерживались в такой степени, что последние, по получении, большей частью уже не отвечали обстановке. Единственное средство связи, полевой телеграф, сильно страдал от гроз. Так, однажды, приказание верховного главнокомандования, датированное 20 августа, было получено в I-ой армии лишь вечером 21 августа.

Верховное германское главнокомандование было просто не в состоянии оказывать непосредственное влияние на руководство оперативными действиями. Оно могло давать армиям, так сказать, с собою на дорогу лишь общее направление действия по наступательному плану Шлиффена, в остальном предоставив им разбираться по собственному разумению, сообразно развитию событий.

Это неизбежно должно было привести к мероприятиям, которые отвечали больше местным, тактическим условиям, чем требованиям общего стратегического положения. А это последнее, в свою очередь, вело к тому, что преимущества общего положения часто не были уяснены и утилизированы.

Так, очевидно, командованию II-ой армии не бросилось в глаза чрезвычайно легкомысленное расположение V-ой французской армии вместе с Френчем; она была слишком отделена от IV-ой французской же армии Арденнами и Маасом. Случай сдвинуть опорную точку общего неприятельского фронта, еще до главного решительного действия, остался неиспользованным. Когда эта возможность стала известной верховному германскому главнокомандованию, то было уже слишком поздно.

IV и V германские армии достигли такого же успеха, как I, II и III. У Семуа и при Лонгви противник был отброшен фронтальным ударом; здесь лучшего нельзя было и ожидать. Противник был, приблизительно, в таких же силах и имел хорошо обеспеченные фланги.

Во всяком случае провал всего наступления III-ей французской армии на Люксембург и IV-ой армии на Нефшато-Лярош явился большим успехом. Широким фронтом надвигались германские ударные армии на отступавшего неприятеля, который принужден был вскоре вновь принять бои севернее С.Кантена и у Гиз, на Маасе, по обаим сторонам Седана и северо-западнее Вердена.

Бои на фронте Гиз—Маас.

В этом ряду боев на правом фланге германского фронта подобно тому, как и 20 августа, в боях на линии Самбра—излучина Мааса, 28 августа также представился случай выполнить операцию на окружение. II-ая армия на линии Гиз-Этре-о-пон, IV-ая, по обе стороны Седана, наткнулись на упорное сопротивление V и IV армий. Находившаяся между ними III-я германская армия имела перед собой только арьергарды. Высшее руководство могло бы так организовать ее операции совместно с одной из соседних армий (в стратегическом отношении важнее всего было со II-ой), чтобы ее противник, по меньшей мере, попал в крайне стесненное положение. На этот раз это в особенности относилось до противника, стоявшего перед II-ой армией, именно V-ой французской армии, у которой был угрожаем и левый фланг. Генерал Ланрезак сам сетует на то, что особая инструкция, отданная английскому экспедиционному корпусу, не вводить в бой британские действующие силы, привела в результате к тому, что Френч упорно старался держаться от неприятеля на два перехода дальше, чем V-ая французская армия, пока не достиг Сены. Обнаженная с обоих флангов армия Ланрезака едва ли избежала бы „Канн", от которых она уже ускользнула однажды с большим трудом, если бы атака генерала Клука на левый фланг, разбившая западный английский корпус, сопровождалась упорным преследованием Гаузена на правом французском фланге. Однако тот не только остановил наступление, но даже в ответ на призыв о помощи IV-ой германской армии двинулся дальше, но только в другую сторону. Правда, он не мог вовсе знать о благоприятном положении перед своим правым соседом, что могло бы быть известно только верховному германскому главнокомандованию.

Но последнее, к сожалению, снова не развило в свою пользу этого благоприятного положения. III-ья армия была отвлечена от выполнения плана охвата, так много обещавшего. Ее обрекли на бесплодное продвижение вперед, без определенного плана, „на гром пушечных выстрелов".

Таким образом, V французская армия была снова каким то чудом спасена и смогла, без всякой помехи, отступить в избранном ею направлении.

Между тем на Маасе, в районе Седана, IV-ая германская армия встретила упорное сопротивление со стороны неприятеля, равно как и V-ая по обеим сторонам Стенэ. Последовавшее затем отступление французов было вызвано, главным образом, опасностью, угрожавшей их левому флангу, но не напором атакующего и развитием дальнейших операций по методу Шлиффена. Затем, генералом Жоффром было принято особое решение, о котором мы скажем ниже. Причины же, вызвавшие его, заключались в том, что после того, как была опрокинута первая линия французского сопротивления в сражениях при Монсе, Шарлеруа, Семуа и Лонгви—исключалась всякая мысль о выравнивании фронта в сколько нибудь непродолжительном времени. Выравнить же фронт было немыслимо, вследствии обходных движений I-ой германской армии, на основании бывших примеров при Гизе и С—Кентене. Решение же генерала Жоффра сводилось к тому, чтобы прежде всего вывести свою сильно пострадавшую, но еще окончательно не разбитую армию из сферы соприкосновения неприятелем. В дальнейшем же он предполагал, находясь уже на известном расстоянии и выиграв время, предпринять более решительные шаги к сопротивлению. При чем все его стремление было направлено к тому, чтобы избежать в дальнейшем опасности охвата со стороны противника. В последнем же обстоятельстве, он, совершенно справедливо, видел корень всех своих неудач.

Поэтому им были избраны крепости Верден и Париж, как опорные пункты для угрожаемого фланга. С разрешением же первой части этой задачи—отвратить грозящую опасность, шло рука об руку желание найти стратегический опорный пункт (rétablissement stratégique) и захватить самому инициативу в боевых операциях.

Для достижения этой цели генерел Жоффр избрал обнаженный фланг Клука, вполне правильно учитывая всю уязвимость германских сообщений с тылом.

25 августа последовало приказание французского верховного командования об отступлении III-ей и IV-ой армий и о формировании VI-ой в окрестности Амьена.

Ядро этой стратегической группы, находившейся под командой генерала Монури, составляли войсковые части, переброшенные для этой цели из Лотарингии и Вогезов. При этом надо заметить, что французским армиям удалось выйти из соприкосновения с неприятелем удачным ведением авангардных боев и искусно вывести свои корпуса из боевой линии, согласно указанным директивам верховного командования.

Чтобы не потерять связи с опорным пунктом у Вердена и, вследствии этого, не нарушить плана Жоффра осуществить его идею стра-

тегического опорного пункта как основы неразрывности всего фронта,— указанным выше способом было сорганизовано сопротивление со стороны III-ей и IV-ой французских армий.

Далее на запад, где имелось достаточное протяжение фронтовой полосы, вплоть до самого Парижа, оперативные действия развивались в том направлении лишь для того, чтобы выиграть возможно больше времени.

И, действительно, первое же выступление VI-ой французской армии задержало на желаемый для противника срок I-ую германскую армию.

Что же касается II-ой армии, то она была остановлена на месте на более продолжительное время вследствии поддержки, оказанной неприятелю устаревшими крепостями Ля Фер и Лаон.

Дальнейшее развитие хода операций во время французского отступления.

В конце августа и в сентябре 1914 г. выяснилось общее направление действий и план германского высшего командования. Этот план был выработан таким образом, что он базировался отнюдь не на принципах Шлиффена, но на основе совершенно иной стратегической комбинации, а именно на осуществлении идеи прорыва.

Под таким именно знаком началось интенсивное наступление V-ой германской армии к западу от Вердена через Аргонны, направленное на пути тыловых сообщений III-ей и II-ой французских армий, находившихся в долинах Марны и Сены. С восточной стороны II-я французская армия бешеными атаками VI-ой германской армии все ближе и теснее отодвигалась в сторону укрепленного восточного берега реки Мозеля.

Казалось, что противнику удалось уже на деле осуществить задачу, возложенную на крепостной треугольник Верден—Туль—Нанси. Дальнейшее продвижение войск было приостановлено в районе этой крепостной области на восточной границе Франции и перенесено на берега Сены, восточнее Парижа (образование IX-ой французской армии).

Если к тому бы еще удалось дальнейшее продвижение V-ой германской армии к югу, к верховью Марны и Мааса, равным образом, если бы осуществился прорыв VI-ой армии через Труэ де Шарм (troüce de Charmes) в сторону верхнего течения Мааса, то можно было бы запереть большую часть французских II-ой и III-ей армий в пространстве Верден—Туль—Нанси.

Подвижная ось французского расположения была сдвинута, а вместе с нею прорвана и средняя часть неприятельского фронта, вследствии чего образовалось зияющее отверстие между Аргоннами и Вогезами.

Южнее места предполагаемого прорыва все еще находилась I-ая французская армия, отброшенная в глубину Вогезских лесистых гор. Вместе с тем, у нее как бы на затылке сидела VII-ая германская армия. При совместных действиях с левым крылом VI-ой германской армии, правда, уже потрепанной, возможно было заблаговременно отре-

зать пути сообщения, ведущие во внутрь Франции через Лангр и Дижон. Что же касается стратегической конницы, усиленной пехотными частями, то таковая могла бы достичь окрестностей Везуля, пожалуй даже, Дубса ранее, чем отступающая I-ая французская армия. Впрочем, остаткам этой армии удалось все-таки счастливо отойти к берегам верхнего течения Луары.

Но более шансов было за то, что она могла быть окруженной на пространстве Безансон-Бельфор и оттесненной к швейцарской границе, испытав одинаковую судьбу с армией Бурбаки. Армия же кронпринца Баварского, назначенная на прорыв, смогла бы, наступая в направлении к Труа, в соединении с I-ой, II-ой, III-й и IV-й германскими армиями, окружить оставшиеся еще у Жоффра IV-ю и V-ю армию, вместе с англичанами, а также новыми формированиями. Этот план мог бы осуществиться разумеется лишь в том случае, если бы V-ая армия, подкрепленная резервами Меца, с'умела бы сомкнуть кольцо вокруг Верден—Туль—Нанси.

Мираж успешного прорыва в центре неприятельского расположения и взятия в мешок обеих перерезанных половин явился впервые в августе месяце и начал со дня на день принимать все более и более заманчивый облик, подобно тому, каким он затем обрисовался еще раз весною 1916 года.

Верховное командование проявило на этот раз небывалый интерес к осуществлению нового оперативного плана, бо́льшую подвижность и инициативу, чем 20 августа, когда представлялась возможность отрезать V-ую французскую армию между Мобежем и Живе. При этом нельзя упускать из виду, что вся обстановка в целом в значительной степени отличалась от предпосылок Шлиффена, чем во время производства операции между Маасом и Самброй. Вследствии этого, еще 1 сентября, III-ей армии был дан приказ энергично наступать к югу в следующих выражениях: „Вероятны попытки отступления неприятеля к юго-западу. Своевременное энергичное наступление IV-ой, главным же образом III-й армий в южном направлении, может способствовать достижению крупного успеха.

На запад и восток от Аргоннского леса заметны французские биваки на большом протяжении. Движение обозных колонн имеет направление к юго-западу“.

Но на этот раз осуществление этого широкого, полного творческих идей плана, было парализовано отсутствием тех средств, которыми в крупном масштабе располагали 20-го августа. И именно в этом заключался весь трагизм положения, так все построение германской армии было сообразовано, главным образом, с будущими действиями на правом фланге.

Распределение же сил несоответствовало заданиям германских армий, стоявших полукругом около Вердена, т.-е. тем заданиям, которые возникли из данного момента. Кроме того, сама по себе группировка исключала всякую возможность быстрого изменения данной диспозиции. Тем не менее, несмотря на указанные выше препятствия, III-ей, IV-ой и V-ой армиям удалось достичь, в первую же неделю сентября месяца, верхнего течения Марны.

У VI-ой же армии, направленной к отражению еще не виданных до этого времени сильнейших атак неприятеля, не хватило, в доста-

точной степени, артиллерийских средств. Она несла напрасные потери, жертвовала собою при попытках овладеть укреплениями неприятеля на восточном берегу Мозеля и могла достигнуть лишь тактического успеха, незначительного в стратегическом отношении. При этом, она не выполнила возложенного на нее оперативного задания, ибо оказалась первою из всех германских армий, очутившейся перед новым методом войны, так называемым позиционным, каковое обстоятельство вызвало глубокое разочарование в смысле затруднений в преодолевании предстоящих препятствий. Подробности этого события и причины его возникновения изложены в другом месте. Таким образом, на деле не удалось осуществление этого плана, столь соответствовавшего общему положению дел.

Кроме того, указанное событие, проливающее свет при изучении данной операции в военно-научном отношении, послужило ярким примером и доказательством для сторонников того взгляда, что „взятие в мешок“—не является единственным и наиболее действительным способом, применимым при ведении современной войны. Наоборот, это обстоятельство с очевидностью доказало, что в некоторых случаях, необходимо предпочесть прорыв и даже не так прорыв, как комбинирование идеи прорыва с вытекающим из него следствием — окружением неприятеля.

И все-таки, несмотря на это, и в настоящее время в Германии находятся еще специалисты, стоящие незыблемо на прежней, исключительной точке зрения, увлечение коей до войны было всеобщим, равно как и их слепая вера в спасительность стратегии окружения.

В смысле дальнейшего развития плана верховного командования было решено приступить к выполнению его, во время отступления западных армий неприятеляк Парижу, т. е. IV-ой и V-ой армий, равно как и британских корпусов.

Это решение явилось, как мы уже говорили, блестящим военно-историческим примером развития основного положения Шлиффена в виде окружения всех западных армий неприятеля на пространстве между Парижем и Швейцарией. Вследствии этого пришлось приступить к выполнению нового плана, имевшего конечною целью отдельное поражение неприятель- ских сил, разбитых на две половины вблизи Парижа и между Бельфором и Лангром.

Осуществление этого намерения стало возможным после прорыва VI-ой германской армией, нарушившей связь между западной и восточной группой противника. Для достижения этой цели верховное командование 27 августа расположило четыре армии на правом крыле, против Вернона—Ножана у Сены, широким фронтом, выходящим с обоих сторон за пределы Парижа. Положение противника определялось приказом следующим образом: „французы ведут отступление к западу и юго-запад всеми частями северной и южной групп“.

Однако, по прошествии нескольких дней стало вполне очевидным, что мечта—расколоть противника на две части—неосуществима. Сдача Вердена, Туля и Нанси не последовала, а западные французские армии не двинулись к Парижу, как к своему спасительному убежищу. Наоборот, в действительности получилась даже совсем иная картина: Париж и Верден явились как бы оплотом всего неприятельского

фронта, причем с очевидностью обнаружилась ошибочность оценки неприятельского расположения и таким образом рухнула надежда окружить Париж с обеих сторон правым крылом в целях уничтожения неприятельских сил.

2-го сентября последовал приказ главноверховного командования в следующих выражениях: „является необходимым оттеснить французов в юго-восточном направлении от Парижа. I-ая армия следует за II-ою, причем на нее возлагается охрана флангов армий".

Это приказание, вызванное слишком запоздалою оценкою действительного положения противника, пред'явило чрезмерно большие требования к войскам правого фланга, в смысле техники передвижения, тем более, что командование 1-й армии уже 31 августа отказалось от наступления в районе нижней Сены и начало действовать в направлении Компьен-Нуайон.

Это мероприятие было одобрено верховным главнокомандованием, осведомленным уже 31-го августа о положении дел, на основании чего и последовал упомянутый выше приказ от 2 сентября. Но исполнение его в оперативном отношении уже не было осуществимо, вследствии его запоздания, и таким образом в этом факте крылась причина неудачи предприятия. Кроме того были в корне нарушены все руководящие принципы графа Шлиффена, что, естественно, не могло быть исправлено 3 сентября, т. е. за несколько дней до начала решительного сражения. В это время противнику удалось закрепиться своим левым крылом у Парижа, вследствие чего и произошла перемена ролей при стягивании германского восточного фланга на восток от Парижа, т. е., вместо флангового движения германцев явилась точно такая же угроза со стороны французов. Таким образом армия Клука пришла в соприкосновение не с крылом и флангом, но с фронтом противника. Тактическая ошибка, допущенная 18 августа 1870 г. повторилась теперь уже в стратегическом смысле.

Казалось, что подобное явление германское верховное командование должно было бы предвидеть в самом его возникновении. Между тем, на самом деле было иначе: при Монсе не было оттеснено левое крыло противника, вследствие неправильной оценки всего положения. Смысл ошибки усугубился, ибо противник выдвинул в качестве фланговой позиции—Париж с прилегающим к нему районом. При этом французское командование располагало, для осуществления этого намерения, и соответственными силами. В этом отношении замечательна попытка VI-ой французской армии Монури, собранной в окрестностях Амьена,—атаковать 29-го августа правый фланг I-ой германской армии, хотя названная попытка и оказалась в действительности неудачною.

Вследствии этого, осуществление плана охвата неприятеля могло произойти 3 сентября лишь к западу от Парижа, или же взамен ее должен был последовать прорыв в восточном направлении. Однако для принятия первого решения были слишком незначительны силы I-ой германской армии, ослабленной проведением в жизнь первоначального плана по методу Шлиффена. Последнее же обстоятельство подсказывало, естественно, другой выход,а именно прорыв.

Причина крушения названного плана коренилась в недостаточной

его разработке, в непоследовательности и отсутствии целесообразности тех или иных решений при первоначальном столкновении обеих армий. Намерение произвести охват правого крыла должно было быть доминирующим над всеми прочими соображениями с момента перехода линии Брюссель-Намюр. При этом необходимо было подобное намерение подчеркнуть в тактическом отношени и соответствующею директивой в предвидении назревающего столкновения на Самбре, в виде охвата правым крылом Клука. Далее, следовало указать на необходимость стратегических действий, в виде настойчивого преследования неприятеля далеко на запад, в районе Дуэ—Перонн, в направлении к Компьену. Естественно, что этому длительному стратегическому охвату надо было предоставить, для завершения его, известное время не останавливаясь даже в необходимых случаях перед переходом к обороне. Последнее обстоятельство, в тех случаях, где это требовалось развитием операций, входило в задачу верховного командования. При соблюдении этих условий, несомненно, удалось бы отбить все атаки к юго-востоку от Парижа и именно на известном расстоянии от этой крепости, каковое обстоятельство могло бы способствовать умалению последующего значения этой крепости в оперативном смысле, как фланговой позиции. Между тем, верховное главнокомандование нашло возможным выполнить Шлиффенский план с чисто формальной точки зрения, не одухотворив его каким либо основным, глубокопродуманным принципом вплоть до того момента, когда всякие изменение и поправки были уже невозможны.

И все же, несмотря на отсутствие известной продуманности плана в стратегическом отношении, общее положение было настолько благоприятно, что представлялась полнейшая возможность исправить все стратегические ошибки в сражениях на Самбра — Маас. Указанные же ошибки заключались в том, что фронт наступления был слишком с'ужен по направлению к западу.

Требуемое расположение фронта, могло быть достигнуто уничтожением левого неприятельского крыла. Но так как германское верховное главнокомандование находилось в те дни в слишком большом удалении от фронта, то оно и не могло лично руководить всей операцией, вследствии чего вторично было задержано дальнейшее развитие оперативного плана в Шлиффенском смысле.

В третий раз он не был выполнен, как мы уже говорили раньше, в силу неправильной оценки положения дел противника после сражений при Монс-Шарлеруа-Динон-Семуа-Лонгви.

В четвертый раз неудача постигла вследствии того, что первоначальное намерение Шлиффена—сомкнуть кольцо восточнее Парижа при наступлении в указанном направлении, не могло осуществиться на деле вследствие опередившего это намерение хода событий. Верховное командование лишь 48 часов спустя поняло, что предпринятая 3 сентября попытка—оттеснить главные французские силы от Парижа—обречена на неудачу.

Далее, оно решило, вследствие отодвижения правого крыла влево, отказаться от охвата левого неприятельского фланга в западном направлении от Парижа. Тем более, что, по всей вероятности силы I-ой армии были для этой цели слишком незначительны. Как

следствие всего этого воспоследовал также и решительный отказ от мысли окружить всю французскую армию на протяжении между Парижем и швейцарской Юрой. Этот план был заменен постановкой задачи—расколоть армии противника на двое: в окрестностях Парижа и на восточной границе.

Таким образом, вместо окружения был принят план прорыва с вытекавшей из него идеей охвата обеих частей „расколотого“ фронта.

В таком смысле была составлена и директива верховного главнокомандования от 5 сентября:

„Противнику удалось избегнуть поражения со стороны I-ой и II-ой армий и достичь частично Парижа.

Согласно поступившим донесениям и разного рода сведениям, неприятель предпринял перегруппировку войск к западу, удерживая линию Туль-Бельфор и перебрасывая свои войска, находящиеся перед фронтом наших армий, начиная с III-ей. Таким образом, *уже нет возможности оттеснить главные неприятельские силы в юго-восточном направлении к швейцарской границе.* При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что неприятель, по всей вероятности, постарается сосредоточить более значительные силы в окрестностях Парижа для защиты своей столицы и для угрозы нашему правому флангу, для каковой цели привлечет также и разного рода новые формиро-[illegible].

Вследствие сего I-ая и II-ая армии должны по-прежнему располагаться против восточного парижского фронта. На них возлагается задача—парализовать действия неприятеля со стороны Парижа, оказывая вместе с тем друг другу взаимную поддержку.

Что же касается IV-ой и V-ой армий, то они находятся до сего времени в соприкосновении с более сильным противником. Они должны продолжат теснить противника к юго-востоку. Осуществление этой задачи откроет путь для VI-ой армии через Мозель между Тулем и Эпиналем. Вопрос же о том, насколько удастся соединенным VI-ой и VII-ой армиям оттеснить более значительные части противника в сторону Швейцарии—остается открытым.

Ближайшей же целью для указанных армий является задача—сковать неприятельские силы, находящиеся на противоположном этим армиям фронте. Посему надлежит в возможно непродолжительном времени повести наступление на Мозель между Тулем и Эпиналем, обезопасив себя от действия этих со стороны крепостей. III-ья армия предпринимает движение на Труа-Вандевр. Далее, смотря по обстоятельствам, она должна служить поддержкой для I-ой и II-ой армии при переходе ими Сены в западном направлении или же принять активное участие в могущих произойти боях левого крыла в южном и юго-восточном направлениях“.

Таким образом 5 сентября в принципе мы отрешились от Шлиффенского плана действий. Основанием же процетированной выше директивы явилась, правда, несколько запоздавшая, но безусловно правильная оценка общего положения дел, все последствия которого были правильно учтены. Указанное соображение было особенн справедливо по отношению *к выяснению опасного положения* на пр вом фланге германского расположения. Но в смысле времени, ко

рым можно было располагать, нельзя было так быстро изменить группировку войсковых частей, предназначенных для обходного движения, для совершенно другой цели, т. е. для осуществления прорыва.

При этом необходимо отметить всю нецелесообразность пользования подкреплениями для операции в восточном направлении, в виде привлечения для этой цели Намюрского осадного корпуса (гвардейский резервный корпус и XI армейский), снятого с фланга, имевшего решающее значение, вместо того, чтобы взять эти подкрепления от VI-ой и VII-ой армий. Эти действия нарушили грубейшим образом, в самом корне, основную мысль Шлиффена. Так, например, в центре германского боевого расположения, куда был перенесен в настоящее время весь центр тяжести, не было сосредоточено войск в достаточном количестве. Между тем, по смыслу задуманного нового плана подобное явление было явно недопустимо. Вызвано же оно было тем обстоятельством, что приказание верховного командования и на этот раз опять таки запоздало. Этот крупный минус обнаружился позднее и на более отдаленном пункте, не имевшем вначале того важного значения, которое было придано ему позднейшими обстоятельствами боя. Так, I-ой армии было приказано расположиться между Уазой и Марной, т. е. на северном берегу последней. Между тем, во время получения приказа все корпуса, за исключением IV-го резервного, уже успели переправиться через Марну, руководствуясь указаниями от 2-го октября, заключавшими в себе предписание оттеснить французов в юго-восточном направлении. Затем, и в ближайщее время, названные войсковые части оставались на южном берегу, получив на это согласие верховного главнокомандования, переданное, по его приказанию, подполковником Гентшем, причем было раз'яснено, что возвращение войск должно последовать обычным порядком.

Сражение на Марне.

Первоначально, генерал Жоффр не имел намерения дать решительное сражение к югу от реки Марны. Он предполагал отвлечь германские армии еше далее на юг, чтобы таким образом их еще более ослабить. Но это намерение не совпадало с планами англичан, не желавших так далеко отходить от своей береговой базы и от интересующего их пункта на континенте, вообще от побережья Фландрии.

Вследствие этого, после происшедшего стягивания германского фронта, на основании приказа верховного главнокомандования от 2 сентября и выполненных приготовлений к обходному движению германского правого крыла, сэром Джоном Френчем было предпринято наступление.

Вместе с тем, генерал Жоффр решил ожидать столкновения с германцами на волнистой местности между Марной и Сеной с Обой на особо избранной им позиции. VI-ая же армия (Монури), английский корпус и левое крыло V-ой армии (Франшэ д'Эспере) должны были вести атаку против фронта и бить в правый фланг армии Клука.

К вечеру 5 сентября германские армии располагались следующим образом: на западном берегу Урка — Шанжи—Куломье—Монмирайль, I-ая армия; северне С.-Гондских болот — II-ая армия; у Кламанж — Судэ С. Круа — III-я армия, у Витри ле Франсуа — Ст. Мар IV-ая армия и у Живри—Триокур—Консенвуа—V-ая армия.

Уже вечером 5 сентября произошло столкновение с неприятелем IV германского резервного корпуса, охранявшего правый германский фланг к северу от Марны, причем обнаружилось присутствие VI-ой французской армии в окрестностях Даммартена. Таким образом было раскрыто намерение генерала Жоффра, и ожидаемый им триумф оказался преждевременным. Да и вообще трудно было одобрить приказание Жоффра, назначившего на 6-е сентября, одновременно, производство флангового удара армией Монури и атаку левого крыла.

Действия же армии Монури могли бы иметь успех лишь в том случае, если бы германский фронт был уже задержан и скован в результате успешных боевых действий со стороны французов. Далее, в виду того, что еще до атаки обнаружилось существование ударной французской группы, предназначенной для действий на фланге, изчезал самый "момент внезапности" а вместе с ним опустошалась самая важная часть стратегических предположений Жоффра.

6 сентября.

Утром 6 сентября началось сражение, имевшее столь громадное историческое значение. Наступление германцев на фронте I-ой и II-ой армий встретило на своем пути контр-атаки противника. Фронтальному же наступлению III-ей, IV-ой и V-ой армий было оказано решительное сопротивление, перешедшее вскоре тоже в контр-атаку. Одновременно неприятель повел наступление против IV резервного корпуса Клука к западу от Урка значительно превосходящими его силами армии Монури. В то время, как VI-ая и V-ая французские армии вели наступление крайне энергично и с изумительною стойкостью, англичане чувствовали себя крайне беспомощно и двигались вперед очень медленно и нерешительно.

При этом их движение неоднократно приостанавливалось на целые дни действиями кавалерийского корпуса фон-дер Марвитца, и английские части являлись большою помехою в успешном осуществлении плана Жоффра. Последнее обстоятельство облегчило в значительной степени действия, особенно теснимой неприятелем, I-ой германской армии. Таким образом, сделалось возможным еще в течение вечера 6 сентября снять 2 корпуса (II и IV) с английского фронта и бросить их навстречу армии Монури. В последнем счете лишь два корпуса I-ой армии (III и IX-ый) смогли несколько удлинить правое крыло II-ой армии западнее Монмирайля и стать фронтом против фланговой атаки V-ой французской армии. Нельзя не упомянуть также о том, что натиск VI-той французской армии, направленный противником, в полном сознании всей важности его, к западу от Урка, после поражения германского IV резервного корпуса, был парализован вече-

ром 6 сентября двинутыми туда подкреплениями. Недостаточно же энергичное и крайне медленное продвижение английских войск, останавливаемых сильною завесою кавалерии, сделало положение генерала Монури еще более тяжелым, так как на него обрушилась почти вся германская I-ая армия.

К вечеру первого дня сражения уже миновала непосредственная опасность, угрожавшая правому крылу германской I-ой армии, вследствии неудавшегося наступления противника. При этом армия Монури была задержана в процессе своей героической борьбы, принося себя в жертву во имя достижения боевого успеха. Далее перед фронтом I-ой германской армии находилась также составная часть французских армий, армия генерала Фрэнча, сдерживаемая действиями германских кавалерийских дивизий фон-дер Марвитца. Вместе с тем несколько смягчилось и опасное положение на месте обнажения фронта между северной и южной группами Клука к северу от Куломье. Указанное же выше опасное положение обусловилось слабым прикрытием лишь со стороны упомянутой стратегической конницы и обставленного для этой же цели одного из корпусов II-ой армии. Положение германского центра в районе Фер—Шампенуаза должно было выясниться в ближайшие часы.

Того же 6 сентября, на долю германской II-ой армии вместе с южной группой I-ой армии, выпала вся тяжесть отражения флангового удара противника в лице V-ой французской армии. Это задание названная армия выполнила вполне успешно, не только отразив атакующего противника, но и отняв инициативу у генерала Франшэ д'Эсперэ. На востоке последовало удачное действие левого крыла II-ой германской армии против левой половины IX-ой французской армии, находившейся в самой середине боевого порядка генера Жоффра. Действия же III-ьей германской армии, в виде нажима на правый фланг IX-ой французской — усилили опасность ее положения. Удачно действовала также и IV-ая германская армия, остановив наступление IV-ой же французской и поведя затем энергичное продвижение вперед. В южной части Аргоннских гор V-ая германская армия принудила к отступлению III-ью французскую.

В таком виде в общих чертах обрисовывался ход сражения 6-го сентября, причем окончательно выяснилось то обстоятельство, что вследствие неудачных действий группы центра, была невозвратно утерена главнейшая основа всего плана генерала Жоффра. На р. Урк. севернее Марны, чаша весов склонилась на сторону Клука. Затем на участе Шанжи Ля Фертэ Гоше образовало оно, вследствие слабых действий англичан и это пространство было превращено как бы в нейтральную зону. Далее, на фронте от Ля Фертэ Гоше почти до самого Вердена все французские армии были приостановлены в своем наступлении, а также значительно поколеблена и сама наступательная мощь их фаланг. При этом более всего пострадал центр, часть которого, сильно потесненная IX-ая армия Фоша, собралась около Фер—Шампенуаза,

С точки зрения исполнения директивы верховного главнокомандования от 5 сентября, I-ая германская армия, равно каки правая половина II-ой, выполнила в полном об'еме возложенное на нее задание—изо-

лировать Парижский восточный фронт от возможного вмешательства со стороны его в операцию, направленную против французских полевых армий. Что-же касается VI-ой французской армии и англичан, то они уже не были более способны к проявлению активной деятельности. Действиями против центра французского фронта со стороны левого фланга II-ой германской армии, а также и III-ьей, было положено основание для успешного завершения предположенного прорыва. Одинаково удовлетворительно справились с своею задачею также IV-тая и V-ая армии, оттеснив противостоящего неприятеля.

На линии фронта Верден—Бельфор продолжалось сражение. Затем общее положение изменилось, так как командование 1 армии вечером 6 сентября передвинуло еще 2 корпуса южной группы на северный берег реки Марны. В результате, в значительной степени облегчилось положение атакующего крыла V-ой французской армии. Армия Франшэ д'Эсперэ смогла вследствии этого не только уделить часть своих сил для поддержки, угрожаемого центра фронта, армии Фоша, но и задержать II-ую германскую армию повторенными атаками на Монмирайль, не допуская ее вызвать развязки у Фер—Шампенуаза. У II-ой германской армии было отнято значительное количество войск, чтобы уничтожить образовавшийся значительный прорыв линии фронта, равный пространству, занимаемому двумя корпусами, между Сезан и Фер-Шампенуаз т. е. между ударною группою и находящимся у Лизи южным крылом II-ой армии.

Для указанной цели имевшееся в распоряжение наличие стратегической конницы все таки не было достаточным. Части же II-ой армии, а именно VII и X армейские корпуса не могли уже приниматься в расчет при выполнении основной задачи армии на прорыв. Поэтому решительный удар на Фер-Шампенуаз вскоре же утратил свою начальную интенсивность, вследствии отсутствия глубины фронта. Удар велся более вяло, чем это настоятельно требовали слагающиеся обстоятельства боевых действий.

Расположение германского фронта, состоящего из ударной группы, находящейся в центре боевого порядка между обоими флангами, изменило таким образом свой первоначальный вид. На северном крыле западного фронта сконцентрировались силы, превосходящие своим числом противника и не соответствующие возможному на них заданию оборонительного характера, в ущерб ослабленной ударной группы, образующей среднюю часть фронта.

Полученное известие о появлении VI-ой французской армии на правом крыле армии Клука, которая вначале была несколько обезсилена, вызвало в штабе I-ой армии опасение за успешность выполнения охраны флангов всего фронта. Между тем было вполне понятно, что I-ая армия следовала неукоснительно еще не отмененному приказанию верховного командования от 5 сентября и стянула свои силы на северном берегу р. Марны, тем более, что ей предстояла задача—действовать тактически наступательно при всех операциях со стороны Парижа. Таким образом, можно утверждать, что I-ая армия действовала вполне правильно, придерживаясь рамок полученного ею приказания. Однако при этом необходимо заметить, что для исключительного преследования цели отвращения грозящей

опасности со стороны правого германского фланга, было бы достаточно и наличных сил I-ой армии, даже без III и IX армейских корпусов. К тому же противник не был особенно сильным, в смысле производства атак, что констатировал также и ген. ф. Куль (в своем сочинении „Марш—маневр к Марне 1914 г.“ говоря, что командование 1 армии слишком переоценило в сторону опасности положение дел при наступлении вечернего времени 7 сентября, как это и было в действительности.

Командование I-ой армии не должно было упускать из виду прежде всего того, что задача, поставленная II-ой германской армии, согласно директивы верховного главнокомандования от 5 сентября — уже потеряла свой смысл, так как, к этому времени, она оказалась сильно связанной собственным наступлением, а также и отражением неприятельских атак. Оборона фланга в направлении к Парижу, севернее и южнее Марны, легла всецело на I-ую армию. На основании этого, отход всей I-ой армии на правый берег Марны уже не отвечал общему положению дел.

Урегулирование всех подобных положений должно было, конечно, войти в компетенцию верховного главнокомандования,—еслибы оно всегда было своевременно осведомлено о быстро развивающихся событиях.

К сожалению, подобной осведомленности не было хотя бы при действиях в Люксембурге. В действительности же само верховное главнокомандование было изумлено, узнав о возвращении обратно двух последних корпусов I-ой армии. Эти же корпуса сражались еще в сумерках 6 сентября рядом со II-ою армиею. Теперь, верховное главнокомандование не одобряло исполнения своего собственного плана, который не был еще им отменен, но был, по существу, запоздавшим на фоне развернувшихся событий. Таким образом, основная идея плана, ранее заключавшаяся к атаке противника, в результате была переведена на обезпечение собственного фланга.

Однако верховное главнокомандование за недостатком времени не было в состоянии предпринять какие либо изменения. При этом выяснилось очень важное обстоятельство, что невыгодное положение было вызвано отчасти и тем, что верховное командование не решилась расположить свою главную квартиру ближе к фронту. Таким образом, вполне естественно, что все промахи командования I армией должны быть отнесены на адрес верховного главнокомадования, выпустившего из своих рук бразды правления.

7-ое сентября.

Этот день обнаружил всю отрицательную сторону перегрузки II-ой германской армии двойною задачею—вести наступление и вместе с тем отражать неприятельские атаки. Правда, на правом фланге, севернее Марны, I-ая армия могла бы, после удачного отражения противника, перейти к стратегически бесполезному наступлению. Между тем, в то время, как в этом районе было сосредоточено слишком большое количество сил; последние вообще отсутствовали на протяжении между

Марною и Монмирайлем, вследствии чего, чтобы заполнить промежуток, были двинуты резервы II-ой армии на участок р. Доллан между Шези и Монмирайлем. Таким образом, они не смогли участвовать в разрешении возложенного на них задания—оказывать энергичную поддержку наступающему левому крылу II-ой армии.

Исключением явилось лишь ведение мужественной атаки гвардией на Фер-Шампенуа, при поддержке правого крыла III-ьей армии. Однако же, основное требование тактики—иметь перевес в собственных силах на наиболее важном оперативном пункте—не было выполнено. Атакующие силы не имели источника своего питания, в виде соответствующего количества подкреплений. Это обстоятельство не было устранено и в дальнейшем. Недостаток собственных сил заставил II-ую армию заимствовать резервы у соседней III-ьей, на что и последовало соответствующее согласие со стороны последней. Вследствие этого, непосредственно сама III-тья армия, обнаружив позднее, что перед нею находится лишь очень тонкая линия неприятельского фронта (Шалон—Арси-сюр Об) в виде кавалерийской дивизии с приданной ей артиллериею, не могла уже использовать всей очевидной выгоды своего положения. Вызывалось же это, как мы имели уже случай упоминать, ослаблением собственных сил, направленных для оказания помощи соседней армии. Ее весьма малочисленные силы, разбитые еще вдобавок на две группы, на широком пространстве вытянутого фронта, не имели необходимой глубины, чтобы получить возможность энергичного продвижения вперед под огнем артиллерии. В восточном же направлении в положении обоих противников наблюдалось равновесие.

Таким образом, запоздавшее сосредоточение сил на правом ударном фланге в интервалах между частями II-ой и III-ьей армий, вызвало смыкание направо корпусов и дивизий. В итоге же получилось, что подготовленный верховным главнокомандованием удар—оказался слишком слабым для производства прорыва. Последний же несомненно, удался бы, 7 сентября при достаточной концентрации сил II-ой и III-ьей армий против тонкой линии неприятельского центра. На деле же он оказался ценным лищь в тактическом отношении, но не в стратегическом, т. е. в смысле осуществления прорыва неприятельского фронта.

8-ое сентября.

События 8-го сентября еще более углубили стратегические следствия предыдущего дня. Севернее Марны, армия Монури сражалась уже за собственное существование, ибо все непрерывно растущий успех I-ой германской армии усиливал трагичность положения французской.

Приэтом армия Монури явилась как бы в роли французского Винкельрида, спасая стратегическое положение теснимой армии. Утром 6-го сентября были брошены все оставшиеся еще не занятыми части для ведения наступления, на которое возлагалось столько

надежд, поколебившихся уже к вечеру того же дня в такой мере, что пришлось напрячь все свои силы для отражения натиска германцев; таким образом изменилось все положение неприятельского фронта. Все происшедшее в свою очередь изменило бы задачу, возложенную на армию Монури, явившуюся спасительным громоотводом по отношению к центру французского фронта, близкого уже к полному развалу. При этом, каждый малейший захват пространства западнее Урка знаменовал собою приближение прорыва фронта неприятеля, со стороны центра на фронте германцев.

Противник совершенно правильно учел слабость правого крыла II-ой германской армии, почему он и направил свой мощный удар на Монмирайль. Вследствии этого, французы начали свое крайне медленное, но систематическое продвижение против фланга германской ударной группы, предназначенной для прорыва (гвардейский корпус второй армии и вся III-ья армия) в районе Сезанн, Фер-Шампенуаз, Мальи и Сомпюи.

Решительный же удар, который должен был по обыкновению поглотить все наличие собственных сил для достижения цели, независимо от тактического положения своего соседа, сделался одновременно спасительным актом для теснимой правой половины II-ой армии.

Вместо того, чтобы избрать для прорыва удобный в тактическом отношении пункт по линии фронта между Мальи и Сомпюи, охраняемого лишь стратегическою конницею, место прорыва было перенесено даже на запад в район Фер-Шампенуаза, для создания более благоприятных условий в смысле охраны собственных флангов.

Собственно говоря, условия для выполнения непосредственного оперативного задания, прорыва — были далеко не благоприятны именно в районе Фер-Шампенуаза, где неприятель мог оказать интенсивноесопротивление.

В конечном итоге, прорыв неудался, несмотря на то, что гвардия и примыкающие к ней саксонские дивизии оттеснили противника за Мориеннский ручей.

Полная неудача явилась жестокой расплатой за выполнение приказа, давно уже утратившего свой первоначальный смысл. Начиная с утра 7-го сентября, вплоть до отхода двух последних корпусов к Клуку, красною нитью протянулась по всему германскому фронту от Шези через Монмирайль—в тыл ударной группы, южнее Шалона, слабость наличных сил. Повсюду, направо и налево требовались подкрепления. В конце концов сама ударная группа принуждена была с помощью своих резервов, в нужный момент, выполнить часть задания I-ой армии, не говоря уже о том, что даже в самые решительные мгновения, она не могла заботиться лишь о достижении собственного успеха, будучи постоянно вовлеченной в оказание помощи соседней армии.

В силу указанных обстоятельств, все оперативные предприятия германцев удались лишь на половину и носили характер неудачи, устранить которую так-таки и неудалось верховному главнокомандованию.

Далее, в восточном направлении, IV-ая и V-ая германские армии выполнили с полным успехом возложенную на них задачу активной обороны собственного фланга. Эти армии, наступая энергично на про-

тивника, заставили его ввести в бой все свои силы. Затем они повели, 8 сентября, наступление с востока на С-Миель, поставив III-ью французскую армию в такое положение, что она крайне нуждалась в каждом своем батальоне. На фронте VI-ой и VIIой германских армий—оба противника были крепко прикованы друг к другу. Что же касается общей обстановки, то она не изменилась в сравнении с положением 7-го сентября. На правом фланге германского фронта на север от р. Марны, готовилась пиррова победа; к югу же, вследствии сильного нажима противника на центр, боевой участок был лишен подвоза подкреплений и мог достичь лишь некоторого тактического успеха, но не был в состоянии осуществить в полном об'еме ожидаемый прорыв. На левом фланге общее положение дел соответствовало требованиям намечавшейся операции.

9-ое сентября,

В этот день последовало завершение действий, начатых 7-го и 8-го сентября. I-ая германская армия одержала победу над армиею Монури,—V-ая же французская над правою половиною II-ой германской. Между обоими опасными пунктами попрежнему тянулась как бы нейтральная полоса, где с излишнею осторожностью двигалась армия Фрэнча, находясь все время перед II-м кавалерийским корпусом стратегической конницы. Левый фланг II-ой германской армии хотя и развил свои успехи последних дней, но был сдвинут с пути прорыва на юг и поставлен на удар, нацеленный в западном направлении. Вместе с тем он увлек с собою в своем движении и главные силы III-ьей германской армии, в целях развития предпринятого удара.

Вследствии этого, для предполагавшегося прорыва к югу, перед наступлением которого, 9-го сентября, ослабленные неприятельские силы отошли в конце концов в долину Об, осталась одна единственная дивизия, а именно 23 резервная.

IV-ая и V-ая германские армии находились в прежнем положении, причем их преимущество в тактическом отношении лишало, правда, противника возможности проявлять какую либо свободу действий, но не было достаточно прочным для выполнения оперативных заданий.

Решительный исход боя выпал на долю II-ой германской армии. Прошло уже три дня, как она была лишена всякой поддержки со стороны I-ой армии на протяжении 50 километров. При таких условиях она должна была выполнить, исключительно собственными силами, поставленную ей задачу, т.-е. отбиваться на правом своем фланге от не приятельского натиска и вести наступление на левом. Естественно, что она не была в состоянии осуществить с надлежащим успехом эту двойную задачу. Недаром же, офицер штаба верховного командования подполковник Гентш назвал II-ую армию „шлаком". Ее фронт был подвижною осью вокруг западной оконечности С.-Гондских болот. Но так как давление французской армии с правой стороны все более и более усиливалось, несмотря на помощь III-тьей германской, то это обстоятельство естественно вызвало поломку оси и поколебало весь фронт армии.

На основании всего изложенного, можно утверждать, что именно отсутствие I-й германской армии при окончательной развязке создало подобное, столь опасное, положение. Тем не менее, боеспособность германских войск все же была выше, чем французской армии Франшэ-д'Эспере и далеко превосходила таковую британцев.

А так как I-ая армия прикрывала своим левым крылом всю местность к югу от Круи, а противостоящие ей части VI-ой французской армии не были более сколько-нибудь способны к преследованию, то таким образом сделался невозможным и самый прорыв противника на линии Ля Фертэ су Жуарр—Шато-Тьерри. Что же касается левого крыла западно-германской ударной группы, предназначенной к действиям на Фер-Шампенуаз-Соммсу, то хотя оно и сильно было ослаблено, но все-таки могло бы продержаться еще один день. К сожалению, командование II-й армией, равно как и представитель верховного командования, потеряли нужное хладнокровие.

Между тем все происходившее, казалось бы, не должно было явиться неожиданностью. Ведь должно же было быть осведомлено верховное командование, какие последствия может вызвать движение всей I-ой армии на северный берег р. Марны.

Германское верховное командование повинно в своем невмешательстве при выполнении I-ою армиею своего первоначального задания, базирующего на совершенно другом основании, чем данное ей приказание 7 сентября. Оно повинно затем и в действиях армии Клука при Урке и в допущении нажима противника на II-ую армию при Монмирайле. Короче говоря, оно было виновато в отсутствии надлежащего руководства всей операцией.

Нельзя его также оправдать и в том отношении, что оно пыталось взвалить всю ответственность в вопросе о продолжении наступления или же отступления на плечи посланного им подполковника генерального штаба который, в сущности говоря, нес лишь обязанности офицера для связи между армиями.

Если это было вызвано дальностью расстояния, то подобного рода недопустимое явление необходимо было урегулировать в том или ином смысле еще в самом начале войны. Между тем подполковник Гентш был уполномочен давать на месте руководящие приказания от имени верховного главнокомандования на основании одного только своего личного усмотрения. По крайней мере так утверждал это начальник штаба главнокомандующего в своем сообщении, опубликованном летом 1917 года. Решения же подп. Гентша подвергаются даже и в настоящее время многочисленным критическим нападкам, что является подчас несправедливым лично по отношению к нему.

Несомненно, что командование II-ой армии рисовало ему положение в более мрачных красках, чем это было в действительности. К тому же и получаемые сообщения о неприятельских высадках при Лилле, в связи с положением дел у Антверпена, беспокоили верховное главнокомандование. Вместе с тем надо отметить, что такое важное событие, как образовавшийся перед III-ей армией прорыв фронта, равно как и грозная опасность, которой подвергался Монури,—прошли незамеченными. Эти обстоятельства, в их совокупности, должны были бы вызвать правильную оценку со стороны уполномоченного

верховного командования. Отступление могло рассматриваться как известный маневр, но не как естественное последствие постигшей безусловной неудачи. Во всяком случае, бесспорно, что подполковник Гентш не ожидал успеха в действиях ни I-ой, ни III-ей армий. И если не приходилось уже верить в возможность оперативной развязки на юге р. Марны, то являлось также недопустимым со стороны верховного главнокомандования и пребывание в этом районе военных действий. Ибо не могли же на самом деле находившиеся здесь германские армии спокойно ожидать прекращения маневренной войны и обращения к позиционной. Осуществиться этому мешала, прежде всего, обнаженность и глубина правого фланга, слишком удлиненные пути тыловых сообщений и, наконец, крайняя близость к Парижу. Сознание же невозможности снова начать наступление между Марной и Об явилось своего рода свидетельством полной несостоятельности и вызвало, вполне естественно, отход армий назад. При этом надо отметить, что к тому же самому побуждали также критическое положение дела снабжения, а также необходимость поддержки и оказания помощи на другом театре военных действий.

Вследствии этого, принимая во внимание общее положение дел, каким оно представлялось подполковнику Гентшу, вполне понятно, что переход к решительным боевым действиям казался ему безрассудным. Кроме того, нельзя забывать и того обстоятельства, что единоличное решение столь важного вопроса накладывало на него слишком тяжелую нравственную ответственность, чтобы он не был вынужден принять более малодушное решение. Решение же это, поскольку оно диктовалось известными нам в настоящее время событиями, было неправильно по нижеследующим причинам.

Начать с того, что ход этого гигантского сражения, общее положение дел на фронте от Витри ле Франсуа, вплоть до самых Вогезов, было устойчивым и неизменным. Топографически можно было ожидать развязки между Крэпи-Валюа и Соммсу. На этом протяжении должен был последовать неотвратимый разгром VI-ой французской армии 9-го, самое позднее 10-го сентября.

Южнее Марны II-ая германская армия отодвинула свое правое крыло в южном направлении до Шато-Тьерри, причем она находилась, без всякого сомнения, под известным давлением противника. Затем, необходимо было учесть то обстоятельство, что вестфальцы Бюлова, по сравнению с войсками Франшэ д'Эсперэ, о которых генерал Ланрезак выразился, что они были близки к полному разложению, особенно же после боя 7 сентября, (каковое обстоятельство в свою очередь вызвало приказ V-ой французской армии окопаться и лишь отражать натиски германских армий), были гораздо выше. Принимая же во внимание все только что сказанное, можно с уверенностью сказать, что командование II-ой армии было слишком пессиместически настроено, особенно если учесть все выгоды положения I-ой армии.

V-ая французская армия могла, вследствие этого, двинуться с особой осторожностью на прорыв к Шато-Тьерри. Таким образом, между откинутым назад флангом I-ой германской армии и правым II-ой, образовался прорыв фронта на протяжении, приблизительно,

около 25 километров. Наряду с сильной стратегической конницею, для замыкания прорыва стояла на готове бригада Крэвеля и 5 пехотная дивизия. К тому же противником являлись англичане. Мнение о них было самое отрицательное: недаром один из английских командующих высказался, за несколько дней до указанного события, в том смысле, что он считает наиболее правильным отправить их обратно на родину.

Таких же взглядов держался французский писатель—специалист по военным вопросам Палат и об английском командующем, качества которого представлялись Палату „в печальном свете", особенно после того, как английские войска по целым дням были задерживаемы на месте одною лишь германскою стратегическою конницей.

Подобные же минусы и отсутствие всякой инициативы наблюдались также и у английского командования. Таким образом и на этом боевом участке, нельзя было считать положение безнадежным, по крайней мере 9-го и 10-го сентября. Даже самый переход 9 сентября английских колонн через Марну между Ля Фертэ су Жуарр и у Шато Тьерри не повлиял бы на исход сражения. Ведь их смогла бы без всякого сомнения, задержать фланговая ударная группа I-ой армии на срок, в течение которого решилась бы судьба Монури. Последнее же обстоятельство заставило бы англичан быстро начать отступление, что в настоящее время считается уже окончательно установленным.

В восточной части фронта удобным местом для прорыва был район Арси сюр Об. К сожалению, для выполнения этого задания в распоряжении имелись лишь слабые силы. Впрочем, не надо забывать, что и IX-ая французская армия была близка к полному распаду. В конечном итоге надо признать, что если бы верховное командование решило довести сражение до конца, то исходом его, еще в течение вечера 9 сентября, было бы полное уничтожение Парижской армии (Монури). Далее, следствием этого явилось бы очищение северного берега Марны от англичан и переправившихся через названную реку частей V-ой французской армии. Тогда могла бы получиться совершенно иная картина. 10-го сентября в распоряжении верховного главнокомандования была бы, правда, несколько обессиленная, но окрыленная сознанием одержанной победы на северном берегу Марны I-ая германская армия. При этом ей представилась бы возможность обхода во фланг линии С.-Гондских болот—Дорманс против продвинувшейся вперед V-ой французской армии.

В это время могли бы приступить к прорыву на р. Об между Фер-Шампенуазом и Соммсу, левое крыло II-ой германской армии и III-я армия. В настоящее время, исследуя в подробностях все моменты минувшей операции, равно как и состояние войск на обеих сторонах, а именно, их усталость, некоторую расшатанность, недостаток в снабжении,—все же надо признать, что V-ая и IX-ая французские армии не выдержали бы этой двухсторонней угрозы флангам и отступили бы в свою очередь за линию Об и Сены.

За ними, несомненно, последовали бы также и англичане. Такое развитие операции для отступающих, на запад от Витри ле Франсуа, частей французской армии равнозначило полному их разгрому.

Недаром же эта армия пошла в бой с сознанием: „теперь или никогда“! Еще одно поражение, а оно было бы несомненно, вызванное прорывом между Фер-Шампенуазом и Витри ле Франсуа—и произведенный нажим повлек бы за собой полное поражение. Для Франции Марнское сражение уподобилось бы, если не Седану, то Кениггрецу. Французский военный писатель Ле Гро в своем сочинении „Происхождение битвы на Марне“ („La genése de la bataille de la Marne“), так характеризует создавшееся положение: „в случае неудачного исхода сражения при Марне, кампания была бы проиграна спустя месяц после ее начала, при чем всякое исправление создавшегося положения было бы немыслимо“.

Искажение первоначального плана Шлиффена, бездействие 23 августа германского верховного главнокомандования, исключило возможность достижения полного успеха, т. е. окончательного разгрома всех неприятельских сил, создание „Канн“. Противное же здравому смыслу оттягивание сил на восток от ударного крыла и вновь проявленное бездействие на р. Марне привело к тому, что ускользнула даже победа „ординарного“ значения.

„Твердая воля французов победила“, в таких именно словах определило французское сообщение от 10 сентября 1914 года значение Марнского сражения.

Интересно проследить в оперативном отношении колебание военного счастья: Жоффр, надеявшийся одержать победу путем окружения, достиг успеха лишь благодаря импровизованному им прорыву. Осуществление же этого намерения не удалось германскому верховному главнокомандованию, но зато победа была очень близка к западу от Урка, вслед за фланговым продвижением I-ой армии, каковое являлось „залогом“ успеха всей операции.

9 сентября разразилась трагическая неудача германского наступления на западе, на „классическом“ театре военных действий между Марной и Обой. Мысль гения не нашла достойного исполнителя...

В общем, конечно, бессмысленны всякого рода элегические ламентации по поводу свершившихся фактов и событий в военно-исторических и исторических исследованиях, а также рассуждения о том, что могло бы быть, если бы... Но, в данном случае, подобный ретроспективный взгляд необходим. Надежда на успешность войны на два фронта покоилась на предположениях быстрого окончания и решения по поводу вопроса на западе. Отказ от стремительного натиска со стороны германцев в самый момент возможности достижения полного успеха—явился поворотным пунктом, имевшим огромное значение не только в дальнейшем, но и в разрешении самого вопроса о ближайшей победе. Далее, естественно, перед нами встают следующие вопросы: „был ли этот отказ действительно неизбежен? был ли он вызван размерами предстоящей задачи? можно ли было расчитывать на успех? и, в конце концов, могла ли германская армия, вообще, выиграть кампанию?“

На все вопросы, после трезвого размышления, можно дать, прежде всего такой ответ: да, действительно, была возможна полная победа над французскими армиями.

Но знаменовала ли эта победа, вообще, окончательный выигрыш

всей кампании в полном об'еме—на этот вопрос, конечно, дать определенного ответа еще нельзя. Правда, в то время Англия не располагала еще настоящей армией, но она была сильна надеждами на будущее, была могуча своею энергиею, сознанием стоящей перед нею задачи, каковое сознание об'единяло всю нацию. На востоке Россия шла вперед еще полная сил, Австрия же находилась в крайне тяжелом положении. Во всяком случае, разгром лучших военных сил Антанты в течение первых же недель кампании, обеспечил бы навсегда превосходство Германии в военном отношении. Поэтому будет правильнее, если мы изменим редакцию поставленного нами выше вопроса: „могла ли Германия выиграть кампанию?", в таком виде: „могла ли Франция быть побежденной еще в конце лета 1914 года?" И на этот вопрос можно ответить только в положительном смысле.

Отступление германцев.

Еще 9 сентября германское верховное главнокомандование имело намерение обратиться к частичному отступлению. Для осуществления его было предположено отодвинуть обе фланговые армии назад на линию Суассон-Фер ан'Тарденуа-Дорманс-Эпернэ. При этом, III-я, IV-я и V-я армии, как не потесненные неприятелем, должны были расположиться дугою перед Шалоном и Витри ле-Франсуа в районе своего первоначального нахождения, принимая захваченную территорию как базу для дальнейшего наступления. В дальнейшем, предполагалось посредством этого мешка, выдвинутого вплоть до линии Витри ле-Франсуа-Ревиньи, при совместном действии с VI-ою германскою армиею,—отрезать Верден и Туль. Достижение же успеха в этом направлении смогло бы поставить в более благоприятные условия V-ую и VI-ую германские армии, равно как и создать выгодное стратегическое положение в смысле будущего наступления.

На правом же фланге по прежнему существовала для него угроза в виде возможности удара со стороны противника. К тому же, последнее обстоятельство легко могло обратиться в грозную опасность для III-ой, IV и V-ой германских армий, если бы не последовало почему-либо быстрого падения линии крепостей Верден—Туль.

Но на таковое падение этих крепостей, хорошо приспособленных к упорнейшей обороне, как вследствие естественных условий, так и в смысле инженерного искусства — нельзя было расчитывать, судя по имевшемуся опыту. С другой стороны, противник, естественно, развивал энергичное преследование к югу от Марны, в том направлении, где он явился тактическим победителем, т. е. перед правым крылом II-ой германской армии. Таким образом, предполагавшаяся угроза флангам, в действительности весьма быстро и осуществилась.

Отступление еще 10-го сентября II-ой германской армии за Вель сделало невозможным пребывание III-ей армии между Шалоном и Витри ле-Франсуа. Последняя же потянула с собою на путь отступления IV-ую и V-ую армии. Вследствии этого германский план потерял жизненность, так как от него были оттянуты необходимые

предпосылки для овладения крепостным районом Верден-Туль. Этими плодами германского наступления вплоть до Марны не пришлось воспользоваться. Таким образом, была оставлена мысль о наступлении всем фронтом между Парижем и Верденом. Вместо этого, руководящим началом явилась идея сохранения сил и ведения обороны севернее этой линии, причем в этом направлении были продвинуты германские армии. Приблизительно на протяжении фронта Компьен-Реймс-Варенн, армии стояли по хорде широкой дуги, заключавшей собою Крепи-ан'Валюа-Лизи—Монмирайль—Мальи—Витри-ле-Франсуа—Ревиньи—Триокур-Варенн. Эта, значительно укороченная, линия позволяла приступить к новым распоряжениям и перегруппировкам войск перед лицом неизвестного будущего.

За исключением победоносной V-ой французской армии, преследование противником велось разрозненно, не решительно и в общем слабо. Но недостатки требуемой энергии исходили не от французского командования, проявившего во время сражения сильную твердость воли, а коренились в самой психике французских армий. Неясность положения, болезненная тревога перед неожиданностями останавливали развитие наступления. Это обстоятельство давало немцам выигрыш во времени и возможность создать новую линию обороны, о которую должно было вскоре разбиться франко-английское наступление. Этим об'ясняются также и колебания в установлении заранее избранной оборонительной линии во время отхода германских армий. Установление этой линии, находимой, так сказать, „по карте", вызывало впоследствии, естественно, многочисленные изменения, что в свою очередь указывало на поверхностное освещение и изучение местности.

Лишь 12 сентября германские армии смогли окончательно расположиться на избранном ими фронте и сделать остановку, первую с начала своего отхода, после 4-х недель напряженнейшего состояния, так как во время похода армиям суждено было перенести все ужасы современной войны. Сказалась тяжесть переходов при нестерпимом зное, невероятное напряжение артиллерийских боев, не говоря уже о действии пулеметов и ружейного огня. Но кроме того крайне мучительна была и сама мысль о том или ином исходе предпринятого передвижения, хотя надежда на победу ни на минуту не покидала их. Наконец, 9 сентября армии вышли из сферы тесного соприкосновения с противником. Приказ был, разумеется, исполнен, но вызвал большое разочарование, в смысле потери надежды на осуществление победы. Впервые началось отступление. То, что казалось абсурдным, немыслимым — сделалось свершившимся фактом! И многим доблестным бойцам, отступавшим в эту осеннюю, дождливую пору, невольно стало казаться, что с отступлением надвинулась также и грустная осенняя пора для германской военной славы. Тем не менее тогдашние германские войска держались все-таки твердо и стойко, памятуя о необходимости исполнения своего служебного долга до конца, без излишних сомнений в целесообразности данного приказания.

Всюду, где бы только ни действовал германский солдат 1914 года, он до конца исполнял свой долг, предпринимая ли яростные атаки, или обороняясь. Было вскоре отбито и вновь повторившееся наступление

противника... Это должен всегда помнить германский народ, глядя с благоговением на все принесенные армией жертвы для блага своего отечества. И эти жертвы не должны быть бесплодны; нет, пусть они послужат ярким светочем, который, несомненно, выведет современем германский народ на победный путь из трясины, в которой сейчас гибнет нация.

ГЛАВА 13.

Борьба на Западе за преимущества в оперативном [redacted]

После неудавшейся попытки прорыва между Парижем и Верденом, германское верховное командование решило оставить мысль о наступлении в этом фронтовом районе. Вместе с тем, оно отказалось и от намерения овладеть крепостной линией Верден—Туль, так как в достаточной степени выяснилось, что общее положение дел и без того уже угрожало флангам. В связи с последним обстоятельством, в момент отступления от Марны, верховное главнокомандование, однако, к сожалению, не уяснило себе дальнейшего хода действий. Оно колебалось между решением о прекращении наступления в западном направлении и продолжением такового, беря за исходную точку новую стратегическую базу, имея конечною целью нанесение серьезного поражения Франции и Англии. Вследствии этого колебания, последние приступили своевременно к иной перегруппировке войск, соответствующей новому оперативному заданию.

Но прежде всего надо было неукоснительно помнить, что центром тяжести, как при наступлении, так и при оборонительных действиях, являлся западный фланг. При этом свободное пространство между Компьеном и морем давало обоим противникам полную возможность развития оперативных действий на всем протяжении. (Схемы 4 и 9). Успешность же выполнения предпринимаемого плана, будь он наступательным или же оборонительным, всецело зависела от того количества резервов, которым мог бы располагать один противник преимущественно перед другим. Принимая же во внимание ослабление германских армий, участвовавших в сражении на Марне, достижение успеха со стороны германцев было бы возможным лишь в том случае, если бы верховное главнокомандование заблаговременно пришло к сознанию всей нелепости бесцельного пребывания сильных войсковых масс в Лотарингии и Эльзасе.

Не 6-го сентября, а значительно раньше, т. е. в последних числах августа, с изменением оборонительного задания, возложенного на VI-ую и VII-ую армии, следовало бы направить излищек войсковых частей VII и V армейских корпусов и две кавалерийские дивизии в район С-Кентена. Это же обстоятельство дало бы возможность генерал-полковнику ф. Гееринген, уже в конце Марнского сражения, повести наступление из указанного выше района и удлинить германский фронт в правую сторону от Диэппа, вместо того, чтобы рисковать фронтальной атакой на р. Эн.

На самом же деле вышло иначе. Произошла ненужная, непоправимая задержка у Мозеля, из за предполагавшегося наступления на стальное кольцо крепостей, находящихся у этой реки. На правом фланге германского фронта вдоль реки Эн—фронта, отстоявшего более, чем на 100 километров от опорного пункта—морского берега, росла, как это и можно было предвидеть, опасность флангового удара. Между тем длина линии фронта до осадного корпуса, оперировавшего у Антверпена, доходила до 250 километров. Вначале, верховное командование значительно запоздало в оперативном отношении, в смысле принятия мер к отражению готовящегося удара, так как оно стало стягивать свободные войска из Лотарингии и Эльзаса к месту решительных действий, по крайней мере неделей позже, чем это начал делать противник. Лишь превосходные качества германских войск позволили, при меньшей численности, с успехом отразить ряд последовательных попыток к охвату фланга со стороны неприятеля. Вероятность обхода через Рибекур и Ляссиньи обозначилась наряду с фланговым ударом на Карлепон, к западу от Уазы, уже тогда, когда неприятель в своем преследовании наткнулся на германский фронт реки Эн.

В дальнейшем, этот охват принял более реальные формы лишь после авангардных стычек с завесою германской стратегической конницы. Дело в том, что генерал Жоффр сформировал у Компьена охватную группу, численностью в 2 корпуса и направил ее для производства удара через Нуайон на С-Кентен.

IX германский резервный корпус подоспел как раз во-время и из за завесы своей стратегической конницы, 16 сентября, отбросил на Компьен встречным боем на обоих берегах Уазы вдвое превышавшего его численностью противника. Однако этим самым опасность не была окончательно устранена. Она грозила дальше к северу, где вдоль линии железной дороги Компьен—Руа—Шольн была расположена стратегическая конница фон-дер-Марвитца. Последняя же, несмотря на свою крайнюю малочисленность, занимая громадное протяжение, принуждала даже пехотные французские части продвигаться вперед в высшей степени осмотрительно и осторожно.

Армия де-Кастельно, сформированная французским верховным командованием у Амьена, для глубокого обходного движения, перешла в наступление в конце сентября на линии Ляссиньи—Руа—Шольн. И в этом случае, части, направленные из VI-ой армии в северо-западном направлении, подоспели как раз во время, чтобы подкрепить едва удерживавшую свои позиции конницу. На линии Брэ на Сомме—Лион (Lihons)—Руа—Ляссиньи охват был приостановлен и действия приняли позиционный характер. Таким образом, возник известный прямой угол западного фронта у Мулэн су Туван, который заставил неприятеля, в знаменитой „скачке к морю“ („course à la mer“), взять вместо кратчайшего направлення на Диэпп, почти вдвое длиннейшее на Ньюпорт.

После неудачи генерала Кастельно, Жоффр вполне правильно не оставил своего стремления к охвату. Свободное пространство между Соммой и берегом Ламанша, естественно, должно было сделаться театром оперативных действий. Еслибы Франция в этом отношении не проявила инциативы, то ей, рано или поздно, пришлось бы

ожидать охвата своего правого крыла со стороны германцев. Генералу Жоффру, во всяком случае, нужно было использовать преимущество, которое им было достигнуто своевременной оттяжкой сил с Лотаринго-Вогезского фронта.

Для достижения указанного стратегического охвата, таким образом, за армией де-Кастельно последовала вновь сформированная для этой цели армия де-Модюи. Армия Кастельно уже захватила базу для нового охвата, в виде выдвинутых на линию Брэ-Альбер по правому берегу Соммы войсковых масс флангового охранения. Но тут германцам удалось несколько раньше удлинить свой фронт и этим заставить противника распространить и свои линии далее к северу. В последних числах сентября армия де-Модюи начала свое обходное движение на Аррас—Ленс—Бетюн. Германскому верховному командованию, однако, вновь удалось во-время отпарировать этот опасный удар. Освободившееся в Лотарингии командование VI-ой армии во главе с целым рядом корпусов, снятых с других участков фронта, было двинуто на встречу вновь сформированной армии де Модюи. Ударный маневр этой армии, обещавший большой успех, закончился, однако, после ряда ожесточенных встречных боев, в окопах к западу от дороги Ля Бассэ—Ленс—Аррас—Альбер.

Запас живой силы, имевшейся у французского командования, иссяк. Дальнейшее использование всякой возможности охвата северного германского фланга пришлось передать английским войскам. С 16-го сентября, как говорится в отчете маршала Фрэнча, взоры английского командования с большою заботою были обращены к осажденному Антверпену и на морской берег Фландрии. Там назревала развязка, близко касавшаяся жизненных интересов Англии.

Последнее обстоятельство являлось достаточно весским аргументом для того, чтобы, не считаясь с общим положением и интересами союзников, избрать в качестве района действий английских войск исключительно Фландрию. Поэтому маршал Фрэнч потребовал для своих войск смены на фронте Эн и передвижения их к северо-западу от Лилля, несмотря на крайние трудности, которые он этим самым возлагал на французское командование, в виду перегрузки железных дорог. Генерал Жоффр не имел возможности, в виду крайней несговорчивости английского командующего, воспротивиться его плану, имевшему целью вести войну исключительно в собственных интересах Англии. В начале октября происходила высадка английских корпусов между С-Полем и Хазебруком. Задача их заключалась в спасении Антверпена, зеницы ока Британии, движением через Гент. Вместе с тем, но уже на втором плане, стояла задача охвата северного германского крыла у Ля Бассэ. Но, в это же время, именно в начале октября, падение Антверпена отдало в распоряжение германского верховного командования освободившиеся там силы, находившиеся по близости к театру решительных действий. Кроме того, начинали прибывать из Германии первые эшелоны новых формирований. Эти силы дали верховному командованию возможность, в свою очередь, перейти к наступательным действиям в то время как до сих пор приходилось ограничиваться лишь отражением неприятельских атак частями, двинутыми для этого с большими затруднениями, к тому же лишь в последний момент.

Левый фланг Фрэнча не имел еще прочной связи с морским берегом. Севернее района Хазебрука, где было расположено северное крыло Фрэнча, находились части англо-бельгийских войск, ушедших из Антверпена, а также и французские территориальные войска. То же северное крыло представляло и возможность охвата.

5 сентября германское верховное главнокомандование впервые отказалось от „охватного" маневра в целях достижения победы. Этим самым оно нарушило свой основной стратегический принцип. После крушения плана фронтального прорыва в сражении на Марне, оно теперь все же снова вернулось к охвату, вследствие чего на линию Гент — Уденард обрушились германские дивизии и, примкнувши к ударному флангу северного германского крыла, удерживавшего линию Лилль—Варнетон—начали свой поворот для движения в охват. Тем временем пехотные части армии маршала Фрэнча вышли на линию Ля-Бассэ—Флербе—Армантьер—Варнетон, а его кавалерия достигла, приблизительно, района между Ипром и Комин. Севернее Ипра стояла бельгийско-британская группа. Охватное движение с одной стороны встретило таковое же, с другой. Как известно, в механике энергия движения при задержке его превращается в теплоту. В данном случае столкновение противников вызвало вспышку целого ряда ожесточенных боев. Последние, с одной стороны, в виду наступательного порыва германцев, пренебрегавших жертвами, и с другой, упорного сопротивления британцев, вполне сознававших их значение для Англии, не уступали по своему ожесточению Августовским боям.

Германцы превосходили противника численностью своих войск в Ипрских боях конца осени 1914 года. Рядом с этим новосформированные английские части, несмотря на все свое воодушевление и самопожертвование, таяли с ужасающею быстротой, так как далеко не могли сравняться своим боевым опытом с прежними профессионалами—солдатами.

Германское верховное главнокомандование имело намерение пробиться через Ипр к Кале, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Осуществление же этого намерения и проведение его в жизнь создало в армии излишне нервное напряжение, что, в свою очередь, вызвало разного рода тактические ошибки и достаточно безрассудное расходование людей. Последняя вспышка была порождена нелепою верою в действительность „тевтонского неистовства" („furror teutonicus"), которую, к сожалению, унаследовали внуки победителей при С-Прива ля-Монтань, пытаясь применить ее против пулеметов и скорострельных орудий. Это безумие особенно ярко проявилось в сражении на Изерском канале, доходя прямо таки до абсурда, когда цвет германского воинства безрезультатно погибал на английских окопах после слабой артиллерийской подготовки. К сожалению, понадобилось слишком много времени, чтобы верховное командование обратилось к сознанию, что разного рода тактические ухищрения в этом смысле вызывали лишь излишние потери, ни на иоту не изменяя общего стратегического положения.

В дальнейшем, при натиске на Фландрию, германцев постигла та же участь, что и войска союзников на Эне и в Шампани, а несколько раньше и баварцев при Кот-Лоррен. Таким образом на Западе окон-

чился период маневрененной войны. Весь фронт как бы застыл в полной неподвижности на протяжении между Северным морем и Швейцарией. В сражениях, развившихся на единственно свободном еще пространстве театра военных действий, германское верховное главнокомандование с самого же начала утратило инициативу в своих действиях. Вследствие этого произошел уклон германского фронта в районе на восток от Компьена по направлению к Руа. Последнее же обстоятельство вызвало впоследствии удлинение фронта до Ньюпорта и увеличение числа войск в бо́льшем размере, чем это требовалось бы удлинением фронта от Эны до Диэппа. То обстоятельство, что большая часть береговой полосы около Ламанша осталась в руках неприятеля, имело огромное значение в развитии хода войны. По этому поводу маршал Фрэнч высказался следующим образом: „допустим, что правое германское крыло, начиная с октября 1914 года вплоть до конца войны, было бы расположено в Диэппе, а не у Ньюпорта. В таком случае, оно могло бы владеть всей областью департамента Па де Кале, включая сюда и морские гавани Диэппа, Булони, Кале и Дюнкирхена". Далее он выражает свою мысль еще более определенно: „я думаю, что нимало не ошибусь, если буду утверждать, исходя из вышесказанного, что задача, возложенная на нас во время большого сражения при Ипре, имела своим источником не только вопрос о спокойствии, но и о самом существовании британского государства... Германцы же имели полную возможность создать подобное трагическое для нас положение." Невероятный факт бесцельного нахождения потребного для этой цели количества войск в Лотарингии, дал Антанте огромное преимущество в борьбе за фланги и породил логические следствия полного, столь злополучного изменения всего плана, выработанного Шлиффеном. Как известно, этот почтенный и опытный знаток своего дела предполагал сосредоточить войсковые массы именно на том месте, где должна была произойти развязка, т. е. на правом германском фланге, независимо от того или иного хода операции. С момента вступления германских войск в Бельгию, весь Верденский фронт, вплоть до Бельфора, сделался второстепенным театром военных действий и оставался таковым до конца войны. Главное же решающее значение приобрела другая часть театра военных действий. О всей нелепости распоряжения по поводу отсылки войск, необходимых в решающий момент в Лотарингию и бесцельности их пребывания в указанном месте, дает лучшую характеристику сам же противник устами Фрэнча: „Я никак не мог допустить, что германцы, обладавшие, как это затем было точно установлено, значительными резервами, упустили возможность воспользоваться тем положением, которое создалось в результате слишком долгого пребывания на Эне, и недостаточно оценили опасность нашего положения на севере. По моему, одним из главных, понесенных ими наказаний за их „изумительные" действия будет сознание, что их погубила собственная нерешительность, воплотившаяся в различные страшные слова в виде разных „если" и „но".

Трагедией германской армии 1914 года послужило то обстоятельство, что графу Шлиффену было суждено иметь наследников, неспособных охватить его гениальный план в полном об'еме. Их действия, полные нерешительности, неясности и двойственности заменили пер-

воначальный оперативный план Шлиффена, столь ясный и последовательный до последних деталей. Так же, как и в сражении на Марне, они лишили германцев содействия дивизий, необходимых для окончательного удара, непосредственно затем они отняли у них и следующий шанс взять в свои руки стратегическую инициативу. Когда же ошибка была опознана и исправлена, то и здесь, под Ипром, момент оказался уже упущенным. Этим самым участь германской победы на Западном фронте была решена навсегда. Можно сказать, что развитие операций после Марнского сражения уже таило в себе зародыш крушения последних надежд Германии на победу в 1918 году. Ведь, в конце концов, оно явилось следствием постоянного недостатка в живой силе, обусловленного чрезмерной растянутостью фронта.

Она то и положила свой отпечаток на все операции германцев на Западном фронте в течение 1915—1918 г.г.: атака Вердена и Зигфридской позиции, наступление весной 1918 года. Если бы германская армия в сентябре 1914 года могла занять линию Диэпп—Компьен, вместо фронта Ньюпорт и Компьен, то, вероятно, она избавилась бы от этого прогрессирующего истощения своих сил. Впрочем, занятие фронта Диэпп—Компьен еще не гарантировало победного окончания войны на Западе, но, во всяком случае, значительно повысило бы шансы на ее удачный исход. Подобная перспектива представлялась наиболее скромной—она предвидела отказ от активных операций на западе после прекращения Марнского сражения. Правда, подполковник Гентш ставил в известность командование I армии, 9 сентября, о новой операции, для которой предназначалась новая, формировавшаяся около С-Кентена, армия. Но в таком случае никоим образом нельзя было бы задерживаться на Эне, отойдя лишь на 50 километров. Ведь нашел же Жоффр возможным отойти более чем на 120 километров, после ряда боев в районе Гиза и на Маасе, и лишь тогда признал наличие нового базиса для дальнейших тактических достижений. Понятие „операция“ или, пожалуй, более удачный французский термин „manoeuvre“ заключает в себе мысль о том, что путем того или иного движения необходимо занять выгодную для боя исходную позицию. Изречение Мольтке Старшего „врозь двигаться—вместе драться“ прекрасно выражает эту двойственность. Если поэтому германское верховное командование не имело намерения отказаться, после прекращения Марнского сражения, от операции, как от наиболее „чистой“ формы ведения войны, если оно не желало согласиться на позиционную войну—как свидетельство слабости, то начатый маневр по своей продолжительности и по направлению необходимо должен был бы позволить произвести, обещающую успех, перегруппировку войск для предстоящего столкновения.

Было ли еще германское верховное главнокомандование в состоянии это сделать, оспаривается многими, которые указывают на утомленность войск. Следует, однако, думать, что неразбитая германская армия, какою она была 9 сентября 1914 года, вполне могла бы справиться с тем, что удалось англичанам и французам в конце августа 1914 года после понесенного ими поражения.

Ни в коем случае нельзя назвать „операцией“ концентрический

отход и приостановку его, пройдя всего лишь около 50 километров. Следовало бы оттянуть линию германского фронта на все пространство севернее Вердена, имея этот последний осью вращения для того, чтобы вынести, насколько возможно, на запад свой центр тяжести. V-ая армия могла бы отойти вдоль по р. Эн в восточную часть Шампани, южнее Ретеля, имея лишь слабое фланговое прикрытие в бездорожных Арденнах, отдав часть сил обсервационной армии под Верденом; IV-ая отошла бы через Ретель на Гирзон; III-я—через Реймс на Гиз, II-ая—через Ля Фер на Камбрэ; I—через Нуайон—Перонн на Аррас. VII-ая, которая к концу Марнского сражения развертывалась между Лаоном и Гамом, могла бы образовать второй уступ правого фланга в районе С-Поля.

В этом случае германской армии, отступивщей на свои опорные пункты, быть может, удалось бы, базируясь на линии С-Омер—Лилль, Валянсьен—Мезьер—Верден, вновь перейти в наступление. Возможно также, что эта операция дала бы ей заслуженную победу. После того, как рухнул весь план маневренной войны на Западном фронте, германское верховное командование, находясь в каком то оцепенении, повидимому, не обладало достаточной гибкостью для того, чтобы построить новый.

Последующие фазы стратегического развития оказались продиктованными уже волею противника.

Резюмируя сказанное о ведении маневренной войны на Западном фронте, следует еще раз указать на то, что план Шлиффена не представлял собою утопии. Напротив того, в чистом своем виде он должен был дать победу, насколько об этом возможно было судить заранее. Неудачу ведения маневренной войны на Западном фронте нельзя сваливать на генеральный штаб в целом, тем более на его творца. Смещение центра тяжести в оперативном плане—корень всех неудач: бездействие и апатия верховного главнокомандования в августе и первой половине сентября, способствовавшие росту этого корня—все это ошибки и недостатки отдельных лиц, но отнюдь не всей системы.

ГЛАВА 14.

Полевая война на востоке до конца 1914 года.

Сражение при Танненберге и в районе Мазурских озер.

По намеченному плану Шлиффена, германцы располагали для охраны своих восточных границ лишь 4½ армейскими корпусами и одною кавалерийскою дивизиею. Эти силы, возглавляемые генерал-полковником ф. Притвицем, должны были охранять всю границу на протяжении около тысячи километров. Естественно, что он был принужден в данном случае действовать наступательно. Первым противником, встретившимся ему на пути, была Неманская армия Ренненкампфа, с которою ему и пришлось вступить 20 августа в целый ряд жарких боев при Гумбинене. (Схема 5).

В это время, Наревская армия Самсонова угрожала правому

флангу генерал-полковника ф. Приттвица. Последнее обстоятельство было вызвано сделанною Приттвицем оперативною ошибкою, в силу которой он не направил своих действий прежде всего против Наревской армии, стоявшей непосредственно против его операционной базы, на линии р. Вислы, т. е. от Торна до Данцига, хотя бы при этом Ренненкампф и получил возможность произвести весьма нежелательное вторжение в Восточную Пруссию.

В результате сражения при Гумбинене, положение германцев стало неустойчивым. Вследствии этого, к вечеру 20 августа, генерал ф. Приттвиц нашел нужным прекратить сражение и отступил затем, в направлении к р. Висле. Отступление продолжалось лишь до тех пор, пока не отпала угроза флангу со стороны армии Самсонова. Тогда последовала остановка VIII-ой германской армии. Осуществление же, единственно правильного в стратегическом отношении, плана—отбросить сначала армию Самсонова, могло теперь последовать лишь с большим опозданием и то лишь в том случае, если бы произошла какая либо потеря во времени со стороны армии Ренненкампфа. Узнав 22-го августа, что Неманская армия не ведет энергичного преследования, генерал ф. Приттвиц решил в тот же день двинуться со своими главными силами против Самсонова. К тому времени, когда Приттвиц был отрешен от командования, оперативный план действий при Танненберге был в своих общих чертах уже выработан.

Затем он был окончательно обработан в деталях полковником Гоффманом, оставшимся на службе при штабе VIII-й армии. Утверждение этого плана и осуществление его на деле было выполнено тем же Гоффманом при новом главнокомандующем генерал-полковнике ф. Гинденбурге и при новом начальнике штаба генерал Людендорфе. Таким образом нужно отметить, что решение ф. Приттвица перейти в наступление было безусловно правильным. Необходимость оказать в ближайшем будущем непосредственную поддержку Австрии настоятельно требовала свободы действий в Восточной Пруссии.

При исключительно же оборонительных действиях со стороны германской V-ой армии, например, в районе за Вислой, гибель Австрии была бы неминуема.

Действия главных сил VIII-ой армии против Самсонова были, конечно, очень рискованы, вследствие близости армии Ренненкампфа, хотя последнего и отделяла от VIII-ой германской армии озерная полоса Восточной Пруссии, представлявшая собою некоторую защиту флангов. К счастью, продвижение Ренненкампфа вперед было настолько не энергично, что оказалось возможным оттянуть почти все силы VIII-ой армии для операции против Самсонова. Против него действовал усиленный XX-ый армейский корпус и переброшенный, в качестве головного, первым с северного крыла I-ый армейский корпус. Корпуса эти были усилены спешно собранными крепостными частями. К северо-востоку от правого фланга Самсонова вели наступление части, снятые в последнюю очередь с фронта Ренненкампфа. Этим самым правый фланг Самсонова уже оказался охваченным некоторым пока еще неглубоким полукругом. Да и левый фланг его не трудно было обойти с места, куда был направлен только-что прибывший I-й германский армейский корпус.

Однако командование VIII-ой армии с благоразумною твердостью ограничило выполнение плана в его полном об'еме, чтобы избегнуть излишнего напряжения, большего, чем это представлялось возможным в действительности.

Все же план такой концентрации сил для решительного удара оставался до крайности смелым, в виду близости Ренненкампфа. Против всей его армии были оставлены лишь две бригады I-ой кавалерийской дивизии. Рискованный шаг увенчался успехом: русская Наревская армия, тактически прорванная в центре, стратегически охваченная сначала на правом фланге, затем, на левом, вследствие поспешного отхода своей лево-фланговой группы и, наконец, с тыла—погибла. Попытка русских перейти в наступление 30 августа от Млавы в направление Нейденбурга, с целью отбросить южнее германское охватывающее крыло, не могла иметь успеха в виду нерешительности выполнения ее.

Что же касается армии Ренненкампфпа, то она подошла 30 августа на 40 километров и в тот момент, когда представляла серьезнейшую угрозу для германского северного фланга—31 августа отступила, повидимому, под впечатлением поражения Самсонова. Она даже не сделала попытки облегчить стесненное положение Самсонова. Таким образом, на Восточном фронте была с блестящим успехом проведена глубоко продуманная операция в духе Шлиффена.

В это же время на Западном фронте, между Маасом и Самброй пришлось констатировать „утерянный благоприятный" случай, обешавший еще больший успех.

Теперь оставалось покончить с Ренненкампфом, прежде чем можно было бы произвести натиск на линию Нарева для облегчения положения Австрии. Главные силы генерала Ренненкампфа расположились между Куриш - Гафом и Мазурскими озерами. Совершенно непонятно, почему южный перешеек между озерами Левентин и Спирдинг и Граевскими болотами был оставлен им без достаточного прикрытия. Путь в обход южного крыла его оказывался таким образом открытым. Фронт наступления германских сил по линии Ортельсбург- Вормдитт оказался сдвинутым к югу в отношении русского расположения.

При дальнейшем наступлении охват русского южного фланга получался поэтому автоматически. Русские же крайне флегматично выжидали наступления. Тем не менее, маневр VIII-ой германской армии был весьма смелым. К значительному общему численному перевесу в силах присоединялась еще угроза флангу германского охватного крыла со стороны значительных русских сил, сосредоточенных у Осовца и Августова. Навстречу же им германское охватывающее крыло не могло выделить от себя сколько нибудь значительные части во избежание ослабления своей ударной группы.

Время не ждало. Генерал Ренненкампф заблаговременно понял опасность, грозившую его левому флангу, так как вскоре неприятель уже подошел к его путям отступления на расстояние более близкое, чем находилось от них его собственное, уступом выдвинутое далеко вперед правое крыло. В виду этого, он стал отходить, не выжидая развязки на своих сильных позициях. Повидимому, он не особенно расчитывал на поддержку со стороны Осовца и Августова. Искусно

задуманное отступление вскоре приняло, под сильным натиском преследующего противника, характер бегства. Таким образом, 1-я русская армия, не понеся в сущности поражения, но совершенно расстроенная, с большими потерями, спаслась за Неман,

В то время, как на Западе не суждено было осуществиться глубоко соображенному и прекрасному плану графа Шлиффена, на Востоке была проведена по внутренним линиям операция беспримерной смелости, напоминающая маневрирование Фридриха Великого в Лигницком сражении.

Итак, здесь, стратегические основы учения великого учителя нашли себе глубоко-продуманное применение и блестящее подверждение на практике. Лишь теперь можно было начать наступление на линию Нарева для освобождения австрийцев от напиравших на них русских.

Польский поход.

Операция, первонально задуманная германским верховным главнокомандованием для поддержки Австрии, была лишь полумерой. Предполагалось оставить всю массу VIII-ой германской армии против неприятеля, обезвреженного на некоторое время, после поражения при Танненберге и в районе Мазурских озер. В Силезии имелось в виду сосредоточить для поддержки австрийцев всего два корпуса. Иными словами, готовилось повторение такого же дробления сил, какое произошло и в Лотарингии. Генерал Людендорф вошел с контр-предложением, заключавшимся в том, чтобы образовать из главных сил VIII-ой армии для этой операции новую X-ую армию. Это было бы решением цельным и определенным. Оно сделало бы возможным не только приостановку продвижения русской армии в южной Польше и на Волыни, но также и полную ликвидацию угрозы со стороны ее в этом районе. Другими словами, предполагалось провести так же смело и последовательно операцию по внутренним линиям, как это было сделано против Ренненкампфа и Самсонова. К счастью, генералу Людендорфу удалось отстоять свой план. В Австрийской Польше и в Верхней Силезии были сосредоточены по железнодорожной линии Краков-Крейцбург четыре армейских корпуса VIII-ой армии, усиленные I-ой резервной, I-ой ландверной и I-ой кавалерийской дивизиями. Эта группа примкнула, таким образом, как бы в виде охватной массы к ландверному корпусу Войрша, составлявщему левое крыло австрийской армии. То обстоятельство, что, с одной стороны, русские главные силы сомкнулись на Санском участке и продолжали наступление на реку Вислоку, а с другой, что на линии Вислы от Сандомира до Варшавы удалось установить лишь присутствие русской стратегической конницы, дает, совокупно с развертыванием IX-ой германской армии, картину, представлявшую несомненное сходство с тем положением, которое несколькими неделями ранее существовало на юг от Марны. Как там французы отнесли свой фронт за Марну, так и здесь—австрийские войска отошли за Дунаец; как там германцы, так здесь—русские по пятам следовали за отступающим противником.

Корпус Войрша и пять корпусов IX-ой германской армии, выдвинутые далеко к северу, заходили здесь за крыло противника, совершенно так же, как на Марне армии Монури и Фрэнча. Роль р. Урк должна была сыграть здесь Висла.

Однако такое сходство существовало в данный момент лишь в отношении местного географического положения этого участка фронта, если рассматривать его самостоятельно, но не в связи с остальным. Принимая же во внимание наличие значительных русских сил, расположенных уступами в ближайшем тылу, разница в положении русских войск в Галиции и германских—на Марне сразу же бросается в глаза.

Северное крыло русских на Сане имело возможность удлинить линию своего фронта несравненно в большей степени, чем 6-го сентября армия Клука. Здесь на Сане, подходя из глубины тыла, выдвигая корпус за корпусом, мы могли развернуться и удлинить линию угрожаемого крыла до тех пор, пока это последнее, опираясь на Варшавские укрепления, не получило бы возможность, в свою очередь, начать охватный маневр. (Схема 6-а).

И даже в том случае, если бы IX-ой германской армии удалось, в погоне за охватом фланга, выгадав время или же искусно и смело собрав ударную группу на левом фланге, сохранить за собою инициативу в действиях, то все же, еще много севернее находилась, постепенно оправляющаяся после удара, русская Неманская армия. Таким образом, при ближайшем рассмотрении, становится ясным существенное различие в оперативном положении на правом крыле русского галицийского фронта и на правом фланге Клука. Фланговый удар Монури здесь не привел бы к решительным результатам. Произведенный демонстративно, он, правда, мог бы только способствовать достижению его. Наступление IX-ой германской армии в незанятой противником луке р. Вислы между Варшавой и Сандомиром, должно было обязательно привлечь главные силы русских для отражения демонстрации прорыва между северной и южными войсковыми их группами и тем самым освободило бы от их натиска австрийские войска.

Участок фронта, расположенный против австрийских армий, превратился бы тем самым в широко растянутое оборонительное крыло, лишенное поддержки со стороны групп, находящихся в ближайшем тылу. В этом месте тогда имелась бы действительная возможность нанесения успешного удара во фланг русским силам. Эти соображения указывали австрийским и IX-ой германской армиям основное направление для совместных операций.

Германцы, первые начав наступление, притягивают на себя центр тяжести русских сил и привязывают их к Висле между Завихостом и Варшавой. Лишь после этого, австрийцы переходят к стратегическому контр-наступлению („Retour offensif“), отбрасывают противника за Сан и, наступая далее на линии Ковель—Люблин, свертывают линию русского привислинского фронта. Единственной неизвестной величиной в этом плане была данная в какой степени австрийские войска способны справиться с возложенным на них заданием.

IX-ая армия выполнила бы свое назначение лучше всего, если

бы ей удалось быстрым натиском захватить западный берег Вислы. Естественная оборонительная сила этого участка явилась бы, в известной мере, противовесом малочисленности этой армии по отношению к ожидаемым силам противника. Постоянная угроза переправы на другой берег должна была бы связать значительные силы противника, в которых он сильно нуждался бы на Сане.

Этот план операции представлял собой тонкое использование существовавшего положения. Он целиком был направлен к тому, чтобы навязать свою волю противнику и заставить его изменить первоначальный план развертывания своих сил, в выгодном для центральных держав смысле. Русский оперативный план имел целью прорвать связь между Германией и Австрией.

По чисто военным соображениям, следовало бы перенести оперативный центр тяжести против Германии, как более опасного противника.

Ошибочное преобладание элемента политических страстей перетянуло центр тяжести на австрийский фронт. Соответственно с этим, был предусмотрен экцентрический удар более слабой северной группы на участке Вислы между Торном и Кенигсбергом, а с другой стороны, удар сильной южной группы на Галицию и, через Карпаты в Венгрию. Наружные фланги этих групп должны были опираться, соответственно, на Балтийское море и на нейтральную Румынию. Внутренние— держались за укрепленный район Вислы и линию Нарева. Наиболее простым планом операции для центральных держав представлялся прорыв в направлении на Брест-Литовск. Прорыв этот безусловно привел бы германские силы, после значительных потерь на укрепленных речных переправах, в тиски обеих русских войсковых групп с их громадными резервами. Он мог бы иметь успех лишь в том случае, если бы был произведен с такими силами, которые позволили бы, после падения крепостей, произвести одновременное свертывание обеих групп русских войск, как северной так и южной. Для этого, центральные державы не располагали достаточными средствами. Даже тогда, когда северная группа, после Танненбергского поражения и затем на линии Мазурских озер, временно, лишена была возможности активных действий, общая картина существенно не изменилась. Все еще прорыву на Брест-Литовск — русскому аналогу — французского trouée de Charmes угрожали „Канны“ в районе Лык—Ивангород—Варшава—Гродно.

Россия располагала нужными для этого силами. Итак, правое крыло русской южной группы не представляло собой подходящего оперативного об‘екта. Лишь разгром южного крыла ее давало надежду на успех. Но для этого нужно было оттянуть от этого южного фланга русские корпуса, расположенные в Галиции, настолько далеко к северу, чтобы на них нельзя было расчитывать, как на поддержку для него. Их нужно было заставить двинуться для инсценирования „Канн“ в районе Брест-Литовска.

Переход в наступление IX-ой германской армии явился поводом для начала указанного выше движения со стороны русских. Таким образом, он заставил противника производить те передвижения своих сил, которые были желательны для союзников, словом, руково-

дители германских сил на восточном фронте держали в поводу русского командующего незаметным для него образом.

Операции IX-ой германской армии, совместно с I-ой австрийской, начались 28 сентября на левом берегу Вислы. 4 октября к ним присоединилось наступление главных австрийских сил южнее этой реки. Левобережная группа поэтому вела свое наступление уступом вперед. Это еще более способствовало привлечению на нее внимания русского верховного командования.

Начиная с 4-го октября, все чаще стали получаться сведения, что русские, отступив за Сан, снимают с галицийского фронта корпус за корпусом и спешным порядком переводят их на Вислу, чтобы зажать угрожающего прорывом противника. Стали учащаться также и указания на намерения русских произвести оборонительный контр-удар из района Варшава—Новогеоргиевск в южном направлении. Таким образом все шло согласно выработанному плану. IX-ая германская армия убрала с пути эрц-герцога Фридриха все те русские корпуса, которые теперь сосредоточивались между Завихостом и Ново-Георгиевском. Дальнейшей задачей этой армии оставалось занятие западного берега Вислы выше и ниже Ивангорода.

Задача, которую поставила себе IX-ая германская армия оказалась настолько рискованной, что нужно было иметь непоколебимую уверенность в превосходстве своего командования и войск, чтобы довести ее без колебаний до конца. В самом деле, броситься всего с пятью корпусами на линию Вислы от Юзефова до Варшавы, протяжением около полутораста километров, с вероятностью при этом встретиться с фронтом превосходящего по численности противника, при увеличивающейся с каждым днем опасностью охвата левого фланга, защищенного лишь двумя резервными дивизиями и стратегическою конницею—это граничило в оперативном смысле почти с самоубийством.

Генерал Людендорф следующим образом оценивает шансы русского охвата, грозившего со стороны Варшавы: „удайся этот план, победа русских, на которую расчитывала Антанта в стратегических своих предположениях, была бы обеспечена"... Лишь твердая уверенность в своем стратегическом и тактическом превосходстве над противником могла спасти германское командование от нервной прострации. Эта уверенность имелась у командования IX.ой армии, как это и доказали последовавшие события. 8-го октября правая половина армии достигла берега Вислы между Юзефовым и Ивангородом. Однако, предмостные укрепления западного берега были еще в руках неприятеля. Левая половина армии отклонялась перед грозным Варшавским укрепленным районом вплоть до Новомяста. IX-ая германская армия была бы в состоянии выдержать вызванный ею самый натиск противника на Висле лишь в том случае, если бы собиравшаяся в районе Варшава—Новогеоргиевск гроза разразилась только спустя несколько дней. Для достижения этого, командование IX-ой армии не остановилось перед дальнейшим растяжением в северном направлении и без того уже чрезмерно тонкой линии фронта, с целью выкроить там еще одну ударную группу. Было собрано все до последнего ландштурмиста, но вместе этим, были приняты также и все меры для подготовки необходимого, в конце концов, отступления. Затем 9-го октября, IX-я

германская армия приступила к выполнению нового смелого подвига. Четыре дивизии ударили на позицию под Блоне—где подготовлялся русский фланговый удар. В это время главные русские корпуса уже перестраивались для занятия по диспозиции своих мест. Мощный удар, явившийся во всяком случае полною неожиданностью, в виду своей безумной стратегической смелости, оттеснил застигнутых врасплох русских за Варшавские форты. Уже 12 октября германцы находились непосредственно южнее города. Подготовка неприятельской контр-атаки была нарушена и ее пришлось отложить на несколько дней. IX-ая армия выиграла уже пять дней для перехода в наступление австрийской армии, движения ее через р. Сан и поворота затем в северном направлении. Упомянутая выше неизвестная величина—качество личного состава этой армии—теперь то и должна были выявиться. Наступление IX-ой германской армии дало толчок к ускоренному оттягиванию линии русского фронта за реку Сан и автоматически освободило Перемышль.

В своем наступлении до линии Сана австрийские армии пожали лавры весьма дешевых побед. Наконец, 10 октября, с значительным уже опозданием, они приступили к выполнению сущности своего задания, имея перед собою по ту сторону Сана оборонительное крыло русского Привислинского фронта. Однако, грозовые августовские бои уже отняли у австрийской армии силу и способность для выполнения этой задачи. Вместе с цветом австро-венгерского войска, под палящим солнцем болотистых долин Танева и Верещицы, погибла и их моральная стойкость. Спасенные в то время остатки были поражены язвою разложения.

Уже в течение нескольких дней IX-ая германская армия на Висле, а ударная группа Макензена южнее Варшавы выдерживали ожесточенные бои. Из Варшавских предмостных укреплений—Гура Кальвария, Козеницы, Ивангорода, Новой Александрии и Казимержа обильным потоком изливались русские войска. Растянутые по чрезмерно удлиненному фронту германские корпуса могли оказывать друг другу поддержку лишь отдельными бригадами. Однако о кольцо, выкованное германцами вокруг русских тет-де-понов, разбивались ожесточеннейшие атаки противника. Позади разделяющей противников преграды—Вислы видимо происходило быстрое накапливание русских сил. Лишь немногими днями исчислялся срок, когда, наконец, они, прорвавшись, должны были снести главный устой германского фронта на Висле, широко разлившись в его тылу. IX-ая армия уделила группе Макензена из своих сил решительно все, что только было возможно. Просьба о непосредственной поддержке со стороны австрийских армий встретила решительный отказ. Австрийское командование совершенно отказывалось от перемешивания своих войск с германскими. Впоследствии однако оно с радостью хваталось за каждый случай, когда это именно представлялось возможным. Но в то время еще преобладало ревнивое желание сохранить собственную командную власть над своими войсками. Оно соглашалось только отпустить вкрапленные в австрийскую армию германские дивизии в левой части своего расположения, в районе Юзефова, где в то время находилось ее левое крыло. Австрийское командование, повидимому, считало, что опасность, с ко-

торой связана внезапная смена частей, находившихся в ожесточенном бою на Ивангородском участке, не является слишком дорогой ценой за сохранение во всей чистоте однородности своих войсковых частей на всем своем фронте.

День за днем, выигрывая время, при непрестанно нароставшей угрозе положению, сражались германские корпуса для того, чтобы дать своему союзнику возможность произвести решительный удар.

Однако он не смог перейти Сан. Прошло десять дней с тех пор, как IX-ая немецкая армия достигла Вислы, приняв на себя всю тяжесть русского натиска, и неделя, как австрийские армии безуспешно сражались на Сане; положение группы Макензена на грани нависшего неприятельского обвала стало непрочным. Тем не менее IX-ая немецкая армия решилась держаться до последней возможности, чтобы облегчить войска эрц-герцога Фридриха. Еще раз, как и 9-го октября, нужно было воспрепятствовать русским нанести фланговый удар, подвергнув дальнейшему испытанию терпение императора Николая и выиграть время у союзников. Но вторично врываться в неприятельское преддверие и разрушать его сооружения, вовсе не имелось в виду. Варшавские верки и Висла не допускали возобновления наступательных и вспомогательных операций 9-го октября. Оставалось поэтому лишь отбросить оборонительные фланги немцев. В противоположность тому, как это делалось до сих пор и впервые у Пясечно, северный фланг загибался ныне у самого Магнучева к западу, утвердившись позади Пилицского участка. Группа Макензена была оттянута к юго-западу настолько, что, в свою очередь, могла фланкировать производившее у Вышграда поиски крыла русской охватывающей группы, в случае ожидавшегося прорыва у Сохачев—Скерневицы. Таким образом для группы войск флангового удара, которому великий князь Николай придавал решающее значение, был уготован мещок, в котором должны были продолжительное время задыхаться русские войска, наносящие удар. Австрийское наступление на Сане вновь выиграло драгоценную неделю. Уже 26-го октября выступившие из Варшавы русские втянулись с группою Макензена в упорные бои под Новомястом, причем освобожденные австрийцами из под Юзефова и Казимержа части даже угрожали им с фланга со стороны Радома. Но австро-венгерские армии продолжали безуспешно копошиться на Сане. Фланговая оборона русских оставалась непоколебимою и имела даже некоторый перевес в силах для того, чтобы с своей стороны перейти через Сан.

Напряжение, достигшее у IX немецкой армии предела выносливости 26 октября, наконец, разрешилось. Кризис, назревший вследствии смены на Ивангородском участке австрийских корпусов по соображениям не тактического характера, решил ее судьбу. Русские узнали о замене, но не воспользовались ею. Что не удавалось им против гвардейского резервного корпуса, то посчастливилось против сменивших его австрийцев. Последние были разбиты и отброшены на Радом, отчего положение IX-ой немецкой армии стало опасным. К неприятельскому нажиму, направленному из Варшавы, на фронт Скерневицы, Рава и Новомясто присоединился удар, нанесеный из Ивангорода на ее южный фланг. Назревали „Канны“; 27 октября был отдан приказ об отступлении IX-ой армии.

Блестяще задуманная и, против ожидания, удавшаяся во всех предварительных стадиях операция окончилась неудачей вследствие того, что приглашенный партнер в решительный момент отвратительно сыграл. Отступая в юго-западном направлении, IX-ая германская армия ушла за Варту на линию Ченстохов—Серадзь. Примыкая к ней на севере, вновь протянулась редкая завеса из пограничных заградительных войск вплоть до VIII-ой германской армии, в свою очередь, опять ввязавшейся в упорные бои у Млавы и севернее Лыка. Юго-восточная група германских войск уклонилась до Карпат и Кракова. Неудача похода в южную Польшу снова вызвала опасность, которая однажды уже была в сентябре. По прежнему возникла угроза полного разгрома Австрии и раз'единение германских и австрийских сил русским проникающим клином через Краков и Бреславль; положение требовало своего скорейшего восстановления. К этому была способна лишь IX-ая германская армия. На это указывали бои на линии Сан—Висла в октябре 1917 года. В своем нынешнем положении эта задача не могла быть разрешена IX-ой германской армией. Она была прикреплена к протянувшемуся от Коломеи до Ченстохова австро-венгерскому фронту, составляя продолжение этого фронта между Ченстоховым и жел. дор. линией Калиш — Лодзь. Выступавший за Кутно—Домбе северный фланг русских имел значительно выдвинутое вперед положение. Если бы IX-ая армия вздумала произвести на русский фронт контр-наступление, то эта самая операция, принимая во внимание сомнительное содействие австрийцев, заранее была бы обречена на неудачу. Решительного успеха можно было бы искать лишь на флангах неприятеля, и единственным результатом этой операции в случае совершенно безрезультатного натиска IX-ой германской армии в южной Польше являлось приведение стратегически в негодность первоначального русского оперативного плана. Центр тяжести южной русской группы, с продвижением IX-ой германской армии, переместился 28-го сентября из Галиции на Вислу и здесь продолжал оставаться. Немецкое командование не переставало вкушать плоды своего решения, принятого в конце сентября. Русское командование по прежнему шло по направлениям, которые, были указаны ему этим решением, не находя зрело обдуманного пути своего операционного плана. Не только устроенный на французские деньги, но и изобретенный французской стратегией опорный пункт для правого крыла северной русской группы—крепостной плацдарм Ивангород—Варшава терял таким образом свое значение. С продвижением главных русских сил за Кельцы—Лодзь северное крыло главнокомандующего Николая потеряло надежную опору, в победном задоре принимая на себя роль Клука. То, что в конце сентября представлялось лишь кажущимся сходством,—в начале ноября стало стратегическою параллелью. По обеим сторонам Вислы, между изгибом Варты у Коло и южным крылом русской северной группы у Млавы, зияла пустота протяжением около 100 килом. Правое крыло великого князя Николая висело в воздухе. IX-ой германской армии из района Торна улыбалась роль армии Монури.

Тем не менее, не смотря на столь разительное сходство положений, решение германского командования на Востоке не только требовало значительно большей смелости и беззаветности, чем это оказалось

у Жоффра, но и при самом осуществлении своем должно было преодолеть кризис, которого избегнул французский маршал. Прежде всего нападающий обладал значительным превосходством сил, между тем, как на западе численное превосходство было у Антанты. Впереди Кракова и на границе Верхней Силезии грозивший в центре прорыв имел перед собой, вместо составленной из отборных войск наступающей армии Фоша, потрепанные австрийские войска и слабые, растянутые на длинном фронте, немецкие силы. Да и немецкая фланговая группа не была, подобно армии Монури, образована за несколько недель до этого из северных сил и участвовала с самого начала на своем оперативном участке на фланге всей армии, а составлялась тут же из частей, выдержавших тяжелые, многонедельные бои, изнуренных форсированными маршами по польскому бездорожью, причем ее приходилось передвигать фланговым путем перед фронтом преследующего неприятеля 200 килом. Новая группировка требовала известного срока, которого необходимо было добиться под давлением наступающего врага.

Планомерное разрушение железных дорог между Вислой и границей в соответствующей степени затрудняло русское преследование. Благодаря блестящей организационной работе ген. Людендорфа, многоразличные формирования из запасных и крепостных гарнизонов восточной области были в кратчайшее время спаяны в сильные боеспособные дивизии, что могло несколько компенсировать невыгодное численное соотношение. Но так как мираж прорыва на Ипре и Кале не допускала возможности посылки каких бы то ни было подкреплений восточному фронту с запада, то явилась необходимость передвинуть к ударной группе IX-ой армии и силы VIII-ой германской армии для того, чтобы сообщить ей, хотя бы приблизительно, достаточную мощь для оперативного решения. Разреженный фронт VIII-ой армии не мог уже сопротивляться усилившемуся напору Ренненкампфа в пограничной области севернее Лыка и шаг за шагом отошел на стратегическую позицию, заранее подготовленную позади линии озер Восточной Пруссии и Ангераппа. Ее фланговая опора южнее Сольдау,—составленный из ландштурмистов и крепостных гарнизонов XVII резервный корпус, должна была удержать эту укрепленную позицию от напора со стороны Млавы до пределов возможности. Приходилось поэтому планомерно оттягивать на себя неприятельские силы, находившиеся севернее Вислы и таким образом отвлекать их внимание от операций IX-ой германской армии.

10 ноября, $5^1/_2$ корпусов и 5 кавалерийских дивизий IX-й германской армии занимали позицию между Вартою и Вислою на границе Познани. Приказом по VIII-ой и IX-ой армиям генерал-полковник фон Гинденбург был назначен главнокомандующим на Восточном фронте. Стратегической паузе пришел конец. Русские подошли и начали наступление сначала на севере. До середины ноября они теснили ослабленную VIII-ую германскую армию к позиции у Ангераппа, а XVII резервный корпус—от Млавы на Сольдау. Впереди готовой к броску IX-ой армии и тонкого оборонительного фронта от Кракова через Ченстохов до Калиша, первоначально, местами происходили стычки, преимущественно с русской армейской конницей. 11-го ноября IX-ая герман-

ская армия подошла из линии Домбе—Лович и наткнулась на совершенно озадаченного неприятеля.

По плану операции необходимо было оттеснить правый фланг русских от Варшавы и тем заставить русский фронт севернее Кракова повернуть к линии Вислы, Краков—Завихост. Это привело бы к уничтожению всех русских сил в излучине Вислы между Краковым и Торном. Поэтому первой целью операции являлись жезетнодорожные линии, ведшие от Лодзи и Петрокова на Варшаву. 17 ноября три правофланговые германские корпуса вплотную насели на русских западнее и севернее Лодзи и вступили в успешный бой с упорно сопротивлявшимся неприятелем. Далее к северу, XXV резервный корпус наступал через Брезины на юг, левофланговый корпус прикрывал северный фланг IX-ой германской армии от чувствовавшегося уже влияния, со стороны Новогеоргиевска, неприятельских сил, не занятых XVII резервным корпусом у Солдау. Опорный пункт главного русского крыла, Лодзь, был окружен с запада, севера и востока. Падение его знаменовало собою расстройство всего русского фронта до Кракова. Казалось, произойдет бой при Марне. Трагическая напряженность достигла наивысшей точки. Однако, в противоположность германскому главнокомандованию, русское военное начальство получило, начиная с 6-го сентября, почти неисчерпаемые источники сил и сумело их использовать. Незначительных сил германской фланговой обороны у Сольдау и на фронте между Краковым и Калишем было достаточно лишь для того, чтобы с трудом держаться, но никак не для того, чтобы связать значительные силы неприятеля. Наоборот, русское командование, у которого руки были совершенно свободны, могло по произволу прекращать наступление для переброски освобожденных сил к Варшаве и Лодзи. Разбитые только перед тем между Лодзью и Ловичем дивизии были задержаны железной рукой великого князя и повернуты на Скерневицы для нанесения контр-удара.

Таким образом сопротивление русских быстро возрастало, и XXV резервный корпус, дравшийся в тылу Лодзи, вдруг сам оказался охваченным с тыла от Скерневиц и от станции Колюшки. Однако, тактическое превосходство германских войск дало щелчок рано ликовавшим царским армиям. Уже окруженные, немцы прорвались и исчезли из взоров смущенного противника со всею своею добычею, уведя с собою свыше 10.000 пленных. Однако, хотя тактический успех был выхвачен у русского контр-наступления, что называется прямо из рук, тем не менее стратегический успех остался на стороне последнего. Русское крыло у Лодзи не разделило судьбы Клука, а его центр—судьбы Бюлова.

Операция, которая по смелости и достигнутым результатам, подтверждает очевидность идеи Шлиффена, выполнение которой дало солидный тактический успех и рядом с которой меркнет грубый натиск VI-ой французской армии через Нантейль и Даммартен, не получила того заслуженного результата, которым была вознаграждена значительно слабейшая деятельность войск Жоффра. Ибо здесь превосходство в численности было не на стороне окружившего, как на Марне, а на стороне окруженного; ведь первый был столь ограничен в своих средствах, что недостаток живой силы, потребной для осуществления плана, становится очевидным. Фланговые операции, которые ни

в каком месте фронта не могли облегчить движения оттягиванием на себя неприятельских сил, должны были вскоре привлечь на себя центр тяжести таковых и остановиться перед ним. Превосходство в численности позволило великому князю избегнуть Марнского боя и даже дало ему возможность немедленно вновь перейти в наступление, центр тяжести которого ныне вследствие вступления в операцию IX-ой германской армии переместился, конечно, еще далее к северу. Одна лишь IX-ая армия прочно удерживала то, что было приобретено, хотя левый фланг ее, южнее Плоцка, и находился в сильно стесненном положении.

В конце ноября рассеялась последняя попытка германского главного командования вести операции в Ипрской низменности. Таким образом, освободились силы для операций на Востоке. Однако, вновь предпринятая IX-ой армией 11 ноября операция базировалась на ошибочном предположении, что северный фланг русских открыт. Между тем мнимо открытое пространство между Лодзью и Вислой от Варщавы, вниз по течению последней, было давным давно заполнено силами, которые не в состоянии было связать XVII резервный корпус, не взирая на наступательный удар на Цеханов и Прасныш. Таким образом IX-ая германская армия могла только фронтальным напором оттеснить русских из под Лодзи и Ловича, и, благодаря некоторому успеху австрийцев в бою под Лимановым,—далее за Ниду, Пилицу, Равку и Бзуру. Севернее Вислы русские могли утвердиться к югу от Млавы и Влоцлавска. Поэтому фронт получил двойной излом, дававший на участке Вислы—от Вышгорода до Влоцлавска уязвимый для обеих частей фланг. В Восточной Пруссии VIII-ая германская армия оставалась на месте; в Галиции русские отступили за Дунаец. Что же касается Перемышля, то вторично его освободить не удалось. Вверх по Сану, в Карпатах, русский фронт закрепился достаточно прочно. Развертывание на Западе начало отражаться на Востоке. Маневренная война проявлялась еще происходившими кое где бесполезными местными боями, но затем и здесь разрослись лабиринты окопов и проволочных заграждений. Хотя неблагоприятное соотношение сил не позволило создать новый Танненберг в излучине Вислы южнее Варшавы, тем не менее фактический результат кампаний в южной и северной Польше является фактом первостепенного значения. Подобно тому, как при Танненберге была опрокинута первая,—под Иванґородом и Варшавою, а затем под Лодзью, вторая опора русского оперативного плана, т. е. южная группа. Русский план войны, а вместе с тем и упования Антанты покоились на груде обломков. Дух одолел массу, Германия имела людей, сумевших распорядиться наследством Мольтке и Шлиффена. У нее оказались такие личности, как Гинденбург, выдающийся, энергичный организатор Людендорфа и тонкий стратег Гоффман. Почему же с самого начала они не были привлечены к ведению операций в общем масштабе?

ГЛАВА 15.

Первая фаза позиционной войны на востоке. Наступление русских на Венгрию. Большое, предусмотренное планом, наступление русского правого крыла. Немецкое наступление в целях его предотвращения. Зимний бой в районе Мазурских озер. Восстановление равновесия.

Со второй половины декабря 1914 года Восточный фронт от Карпат до Куриш-гафа находился в состоянии позиционной войны. На Галицийском фронте русские настойчиво упорными траншейными боями пробирались к Карпатскому гребню. Южному стратегическому фронту союзников в Венгрии грозил прорыв. Пришлось на выручку австрийцев бросить немецкие силы, которые можно было взять от ставшего спокойным позиционного фронта IX-ой германской армии. Эти силы вошли на Карпатах в состав австрийской группы в качестве южной германской армии.

Австрийское главнокомандование предполагало противопоставить русскому натиску собственное контр-наступление и в то же время освободить Перемышль. Между тем, несмотря на образование южной армии, сил союзников не хватало для охвата русского фланга. Потребовались бы новые пополнения сил из германских резервов. Без сомнения, здесь можно было употребить в дело три вновь сформированные корпуса. Однако, ненадежная Карпатская операция не оправдала расхода этого дорогого материала, так как бедная дорогами и железными путями лесистая местность южных Карпат представлялась слишком плохою исходною позициею. Расчитывая на свои собственные силы и на южную германскую армию, австрийское командование могло попытать военное счастье во фронтальном натиске на Перемышль. В январе оно произвело наступление между Дуклинским и Ужокским проходами, но вскоре обратилось к обороне.

В Восточной Пруссии также назревала опасность. Великий князь Николай задумал уничтожить VIII-ую армию сильным ударом от Ковно и Млавы в направлении на Грауденц. К счастью, приготовления шли со свойственною русским медлительностью. Главное командование на Висле должно было предупредить нависший удар. Оно получило три вновь сформированные корпуса и освободившиеся на западе четвертый, IX-ая германская армия также выделила силы для VIII-ой и вновь созданной X-ой армий, которым было поручено повести наступление.

Русский северный фланг все еще оставался чувствительным к фланговому удару. Он лишь слегка примыкал к Неману. События в Восточной Пруссии, а также в южной и в северной Польше показали, что хотя односторонним охватом неприятельского фланга можно достигнуть вообще местного тактическото успеха, но вместе с тем противнику

нетрудно обеспечить себя от дальнейших воздействий своевременным уклонением фронта. Таким образом, для наступающего выигрыш местности представляет скорее призрачную, идейную, но не практическую добычу. Перед взором восточного главнокомандующего стоял замысел единственно ценной операции—уничтожение неприятельских сил. Односторонним охватом южнее Мазурских озер и севернее Лодзи этого достигнуть в стратегическом об'еме боя было невозможно. „Канны" получиться не могли. Наоборот, двойной охват у Танненберга был вознагражден успехом. Тогда восточное главнокомандование приняло гениальное решение; в виду невозможности произвести охват двумя сходящимися флангами, как в случае, имевшем место с армией Самсонова, сочетать для достижения успеха охват с прорывом. Для этого последнего представлялся и подходящий пункт на фронте. Группа прорыва должна была двинуться из Иоганинсбургских лесов на Иоганинсбург и, образовав к югу оборонительный фланг, взять направление на Гродно вдоль южной опушки Августовских лесов. Охватывающая группа должна была, идя от Тильзита круто на Неман, завязывать узел с севера движением через линию Сталлюпенен—Мариамполь на Сувалки и Гродно между Спирдингским озером и Гумбиненом; ожидавшееся отступление противника предполагалось затруднить сильным фронтальным наступлением. (Схема 7-я).

Оперативные возможности развертывались широко, до бесконечности. Если бы смелый план удался, то сильному неприятелю прежде всего угрожала перспектива боя в мешке. Далее, на этот раз, был бы не только оттеснен и изогнут неприятельский фронт, но катастрофическое крушение его северного крыла на фронте около 115 килом. ставило в крайне опасное положение все, что стояло севернее Вислы. Без сомнения, корпуса, собранные неприятелем у Млавы для своего наступления, представляли еще источник сил для стойкой обороны. Однако, если бы и они оказались втянуты в водоворот событий, то укрепленная Наревская линия не смогла бы выполнить роль, подобную „côte lorraine" в Лотарингском бою и, наконец, фланговый удар русских, собравшихся у Ковно, не мог восстановить положения. Таким образом русским войскам угрожала опасность и на восточном берегу Вислы, на участке между Варшавой и Ивангородом, позади Бзуры, Равки, Пилицы и Ниды. Однако все это были соображения и планы широкого размаха. Осуществление их требовало значительного расхода сил, так как русские массы, собравшиеся по Нареву и у Ковно, не легко поддались бы такому, идущему на все, фланговому удару. Только опрокинув их, можно было бы ждать, что такой удар окажет непосредственное влияние на весь Восточный фронт.

Однако, на массовое перемещение сил с запада на восток германское главнокомандование не могло решиться; еще не оформилось сознание того, что на Западе за маневренною войной следовала лишь длительная фаза полевой позиционной войны, после чего быстро, категорически, установилась более прочная форма, чисто крепостная война. Как и в низменностях Изера оба противника закопались в землю, и фланговые операции вышли из категории возможностей; впрочем, здесь возвращение к этой операции было бы еще возможным, если бы удалось опрокинуть и затем расчленить неприя-

тельский фронт. Последний, однако, уже в свою очередь врылся в земляной грунт.

Для наступления на укрепленную позицию, развернувшуюся между Северным морем и Швейцарией в виде исполинского пояса крепостей, германскому главнокомандующему не хватало потребных технических и наступательных средств. Совсем иное положение вещей складывалось на Востоке. Здесь также к середине декабря прекратились на время беспрерывные, изнурительные для обеих сторон, передвижения войск туда и сюда. И здесь окопная война пустила корни на почве оперативного застоя. Однако, она еще сохраняла полевые формы. В отношении техники и прежде всего артиллерийской силы обороны, восточный противник, даже приблизительно, не мог идти в сравнении с западным,—неограниченным в промышленном отношении. Фронт еще не представлял неразрывного целого; один его неприслоненный фланг мог даже служить целью наступления. Таким образом, момент инерции для противодействия здесь был еще слабее. Для того, чтобы скатить камень, не требовалось преодолевать такого сопротивления, как на западе. Однако, эта мысль, из которой логически следовала необходимость немедленного перемещения центра тяжести всей операции к востоку, как сказано, еще не получила окончательной кристаллизации. С этим медлили до весны 1915 года. Таким образом, наступление VIII-й и X-й германских армий на фоне всей операции играло роль лишь тактического оттягивания в рамках стратегической обороны, вместо того, чтобы служить оперативным центром решительного, со стратегической целью, наступления. Тем не менее, как говорилось выше, положение было редко благоприятным для этого. Ибо такому распределению ролей соответствовало и наличие сил в общей сумме средств главнокомандования, чем окончательно подтверждалась возможность германского наступления.

Перегруппировка осталась незамеченной. Демонстративное наступление IX-ой германской армии у Долистова 31 января, несмотря на умеренный успех, в желаемой степени привлекло на себя внимание русских. Затем, 7-го февраля 1915 года началось наступление VIII-й и X-й германских армий. Погода создавала тактическому выполнению почти непреодолимые препятствия. После жестоких зимних бурь в первые дни, когда пути и железные дороги покрылись снежными сугробами в человеческий рост, оттепель превратила дороги и местность в вязкие топи. Над каждым орудием позади пехоты, по колено месившей грязевое тесто, изнывало от 10 до 12 лошадей; обозы совершенно увязли. Спасла операцию лишь пожива неприятельскими запасами. Язык слишком беден для того, чтобы выразить похвалу и признательность войскам за их работу. Их непреклонная воля преодолела все трудности, созданные природой; их доблесть и боеспособность прокладывали для операции путь в борьбе в неприятелем, зачастую значительно превосходившего в силах.

В течение первой недели, группа прорыва проникла до линии Райгрод-Лык, группа охвата—до линии северный край Роминтенская пуща-Кальвария. Небольшие отряды охраняли фронт от русских со стороны Нарева и Ковно. Тем не менее, германский фронт не в состоянии был помешать уклонению неприятельского фронта на желаемом прост-

ранстве. Несмотря на сковывавшие их атаки, русские всетаки ускользнули до линии Лык—западнее Маркграбова и южный край Роминтенской пущи. Наибольший успех германский охват имел на севере. На юге немцы стояли сначала в 25 килом. от русского фланга, между Райгродом и Лыком. Русское командование приняло поэтому правильное решение перегруппироваться справа на лево. Русские быстро отступили от двигавшихся широким фронтом головных колонн Х-ой германской армии под сомнительным прикрытием Августовских лесов. Уже 14 февраля русское северное крыло укрылось в этом лесу, после того, как южное—оставило упорно защищавшуюся ими арьергардную позицию у Лыка, служившую осью вращения всего перестроения. Еще не достигший надлежащих размеров фланговый охват германской группы прорыва позволил русским отойти через южную часть Августовских лесов за Бобр.

Казалось, расчеты русских оправдались. Центр направлялся под защиту линии Бобра, правое крыло—крепости Гродно и Немана.

Однако, тут проявил себя элемент местности. В то время, как северное крыло русских могло до 1-го февраля поддерживать такой темп отступления, что немецкому охвату, несмотря на напряжение всех сил, не удалось сколько нибудь значительно опередить его на восточном фланге, призрачное прикрытие Августовских лесов пришлось русским окупить такою потерею в скорости движения, что в последний момент весы успеха склонились в неблагоприятную для них сторону. В то время, как русские колонны. отступавшие до сих пор широким веером по всем дорогам и даже напрямик через поля, столпились в бедном дорогами огромном Августовском лесу у немногих проходов, германский охват прошел восточнее русских и занял восточную окраину леса между Липском и Сейны.

Сильный нажим из Гродно в тыл этого смелого движения не смогли оттеснить немцев с пути отступления бежавшей русской армии. Не могли оказать никакого влияния на тактический результат и предпринимавшиеся русскими с их неповоротливостью разгружающие удары со стороны Ковно и линии Нарева, хотя впоследствии они решительным образом всетаки стерли с него стратегический колорит.

В течение последних дней февраля завершилась предсмертная борьба русских корпусов, замкнутых в Августовских лесах.

Первая часть германской операции протекала планомерно. Неприятельский фронт, севернее Спирдингского озера, оказался сметенным. Неприятель потерял в круглых цифрах 150.000 человек и громадное количество трудно заменимых припасов. Операция вступила во вторую фазу, которая должна была выявить свое стратегическое значение. Раньше, чем притянутые из неисчерпаемого запаса русского командования из южной Польши и Галиции, резервы могли бы оказать противодействие напору на Буге, нужно было, обходом восточнее Нарева, лишить опоры неприятельский фронт, стоявший севернее Вислы между Влоцлавском и Ломжею, вместе с собранной для наступления Наревскою группою, а затем по возможности окружить и перервать пути его отступления через Нарев. Этот план требовал быстрого перемещения VIII-ой армии в тыл Остроленки и Ломжи.

В случае своевременного охвата южнее Остроленки, русским

корпусам, в излучине между Вислою и Наревом, оставался бы только один путь отступления—железная дорога из Млавы на Варшаву. Между тем, сеть дорог, расходившихся от Остроленки через Тлущ, Малкин и Лапы-Белосток на Ново-Минск, Седлец и Брест-Литовск была повсюду закрыта, и русские массы вследствие этого оказались бы отрезаны. Таким образом, VIII-ой германской армии предстояла задача—быстрым фланговым движением через линию Бобр, Нарев между Визны и Белостоком, выиграть пространство по обе стороны пути Осовец—Домброво—Остров.

Центр тяжести операции переместился от X-ой германской армии, из пространства Августов-Гродно, к VIII-ой германской армии, в район Ломжа—Белосток. Однако, промежуточная фаза операции — взятие линии Бобра, не допускала еще усиления VIII-ой армии, пока в Августовских лесах бушевали последние бои. Только по окончании их X-ая германская армия могла ограничиться отражением ожидавшегося из Ковны наступления и, отступив, с этой целью в случае надобности, на подготовленную между Августовым и Неманом позицию, отдать армии свои резервы.

Эти начальные ходы операции протекали уверенно. VIII-я германская армия, не получив подкреплений, не обладала силами, достаточными для того, чтобы открыть болотистую линию, сильную от природы и затрудненную еще более дождливою погодою. Широкая полоса болот, лежавшая впереди западного фронта Осовца, заставляла тяжелую германскую артиллерию держаться на столь большом расстоянии, что совершенно исключалась возможность ее действия. Без сильного же артиллерийского содействия, наступление пехоты не имело никакой надежды на успех. Каждый день промедления при переходе через Наревскую линию способствовал усилению ожидавшегося контр-натиска русскими на фронте Мышинец-Стависки, назначенного на 21 февраля. Что не должно было бы удасться VIII-й германской армии у Бобра, то, казалось, военное счастье пожелало отдать в руки той части армии Гальвица, между Вислой и Оржиц, которая первоначально не была предназначена для главной роли. Наступление этой части, имевшее целью лишь связать неприятельские силы, приняло восточнее Млавы неожиданные размеры и привело 22 февраля к взятию Прасныша.

Однако, уже в ближайшие дни началось стратегическое контрнаступление великого князя Николая от Наревской линии из окрестностей Ломжи в окрестности Цеханов-Красница. Армия Гальвица была вынуждена перейти к обороне и в продолжении всего марта месяца удерживала неприятельский напор боями в разных местах фронта. Тем не менее, для решения этой задачи были привлечены, как правое крыло VIII-ой германской армии, стоявшее севернее Ломжи, так и почти все свободные силы X-ой. Решающему крылу VIII-ой армии, которое было приковано к Бобру, не могло быть дано желаемое усиление. Наступление на Осовец и линию Бобра пришлось прекратить Далее к северу выполняла свою задачу X-ая германская армия, переходя частично в сильное контр-наступление. Наступления, предпринятые русской Неманской армией, собранной первоначально для возобновления натиска на Кенигсберг, от Олиты и Ковно, разбились об ее фронт.

Вторжение русских пограничных отрядов между Таурогеном и

Мемелем, быстро ликвидированное, послужило лишь экзекуцией для местного населения и не имело стратегического значения.

Операция, первые тактические плоды которой созрели в зимних боях в Мазурах, получила такой финал, который необходимо был обусловлен умеренностью обнаруженного напряжения. Германское главнокомандование, быть может, в неведении того, что было открыто предусмотрительному взору, дало в распоряжение восточного командования лишь такое количество сил, которое могло быть достаточно для того, чтобы сорвать подготовленное русское генеральное наступление помощью упреждающего наступления с ограниченной в стратегическом отношении целью. Это и было выполнено неподражаемо мастерски. В неприятельских человеческих массах была пробита зияющая брешь, и Восточная Пруссия, восточнее Ангераппа, окончательно была освобождена от врага. Однако, для стратегической отделки блестяще веденной операции, для коей представлялись редко благоприятные возможности, сил все таки было недостаточно. Русское контрнаступление с Нарева на линию Млава-Иоганинсбург заставило разбросать дивизии освободившиеся для оперативных целей, на поле сражения, между Автустовым и Гродно. Возможность решить войну на Востоке была отвергнута, а через три месяца после этого пришлось этой возможности добиваться снова. Тем временем позиционная война расширилась по бесконечным фронтам в Польше и Восточной Галиции. Полная надежд операция, веденная в заметенных снегом лесах и неизмеримых болотах, осталась лишь эпизодом.

ГЛАВА 16-ая.

Германское наступление на востоке в 1915 году с целью упреждения.

В восточной Галиции не установилось спокойствия. На Карпатском фронте инициатива наступления вновь перешла от австрийских войск к русским. Перемышль пал 19 марта. Натиск русских армий непрерывно возрастал во время боев в Мазурских озерах и впереди Наревской линии. Вновь возникла опасность вторжения в Венгрию, а вместе с тем и крушения Дунайской монархии. Поведение Италии становилось, все более и более подозрительным, чем ослаблялась стойкость Австрии против русских. Положение Дунайской монархии, видимо, сделалось критическим. В середине апреля австрийский карпатский фронт пал. Армия Бороевича скатилась с Карпатского гребня в венгерскую равнину. Стойкость южной германской армии, представлявшей крайний опорный пункт, быстрое вдвижение новообразованных германских корпусов Бескидской группы, все это еще дало короткую отсрочку. Тем не менее распад Австро-Венгрии можно было, в конце концов, отвратить лишь решительною победою на Востоке. Инстинкт самосохранения повелевал Германии не допускать такого распадения. Германское главнокомандование увидело себя по-

этому вынужденным, для быстрого достижения решительного результата, отправить на восток все имевшиеся в распоряжении войска. То, что в феврале могло бы явиться последствием происходившего в Мазурах, без особого риска на Западе, теперь, в силу необходимости, приходилось предпринимать преднамеренно, в виду значительно возросших сил Антанты. После местных успехов немецких войск при Суассоне и Краоне, прервавших наступившее после боев на Ипре изнурительное состояние, в конце февраля им удалось еще, после кратковременного кризиса счастливо преодолеть серьезную попытку французов прорваться в Шампани (зимний бой в Шампани). Теперь грозил дебют 1915 года вновь образованной армии Китченера, в совокупности с французским наступлением,—так сказать, в новом его издании.

Видимо таявшая сопротивляемость австрийского фронта на Карпатах требовала возможно быстрой его разгрузки. При выборе операционного направления эта точка зрения была положена в основу, вследствие чего вновь созданная XI-я германская армия была введена между III и IV австрийскими армиями, приблизительно на участке фронта Горлица-Тарнов.

Для маскирования наступательных предположений было произведено демонстративное наступление IX и X германских армий у Скерневиц и Сувалок. Далее, к северу, летучий корпус Лауэнштейна, составленный из сильной армейской кавалерии и трех пехотных дивизий, вторгнулся 27 апреля в Курляндию, между Неманом и берегом восточного моря. Молниеносный бросок и вслед за ним медленное развертывание, направленное сначала на Ригу, а затем на Вильну, вполне достигли своей цели. Русские передвинули большие силы на крайний северный фланг. В конце концов, корпус, постепенно выросший в „Неманскую армию" после переменных боев, расположился позади линии Дубисса—Виндава. (Схема 8).

Эти предприятия в достаточной мере отвлекли внимание врага от XI-й германской армии. Последняя, начав наступление 2-го мая, прорвала линию пораженного неожиданностью неприятеля. В последующие дни прорыв увеличился. Непосредственная цель была достигнута. Еле дышавший австрийский фронт был облегчен от тяжелого груза.

Как только перед русскими раскрылось тактическое значение операции, они тотчас же произвели массовое отступление. Постоянным выпрямлением фронта, выступавшего между Черновицами и Варшавою, им удалось избежать поражения, не подставив ни одного из флангов. Фронтальным натиском победитель мог выиграть пространство и записать себе на приход большое количество пленных и добычи, а также вернуть Перемышль, Львов и т. д. Однако, решительного успеха не было нигде, да и не могло получиться. Русские имели позади себя безбрежный океан земли. Преследовавшие зависели от степени налаженности тыла, почему и пришлось, наконец, остановиться.

Равным образом, оказалось необходимым дополнить операцию дальнейшим движением, которое, совместно с происходившим, могло бы позволить загнать в мешок и уничтожить ядро русского войска.

Такое движение нужно было поэтому произвести в тылу русского галицийско-южно-польского фронта, следовательно, приблизительно через линию Брест-Литовск, Пинск.

Выгодное для такого удара исходное положение,—фронт VIII германской армии, имело перед собою препятствие, в виде линии р. Бобра, бесславной во времена февральского и мартовского наступления, и это заставило опасаться задержки в движении.

Справа от VIII армии на фронте Новогеоргиевск-Ломжа происходило преждевременное наступление группы Гальвица, превратившейся в XII армию. Кроме того, что также имело решающее значение, это удар в течение долгого времени не достаточно глубоко проникал в неприятельский фланг. Русские, будучи весьма искусными в организации и выполнении отступлений, могли бы вполне заблаговременно отвести свои силы, находившиеся западнее участка Вислы-Варшава-Завихост, к Брест-Литовску. Это предвиделось. Линия соприкосновения XI и XII армий должна была находиться не позади, а впереди отходившего неприятельского фронта.

Левее VIII германской армии необходимо было произвести наступление из направленного на восток фронта X-ой германской армии сначала в восточном направлении на Минск, с тем, чтобы затем, с некоторым уклоном к Киеву, произвести охват за болотами Припяти.

Этим наступлением предполагалось овладеть Ковно, базисом неприятельского контр-удара, воспользовавшись, как основою, демонстративным напором в Курляндии. Натиск X армии должен был быть крайне успешным, при условии, что количество сил, взятых для этого, даст возможность быстро пройти предположенный широкий путь и обезпечит глубокий северный фланг. Кроме того, нужно было иметь силы и для занятия Ковно.

Итак, для ведения вспомогательной операции, германскому главнокомандованию предстоял выбор между фронтами XII и X армий В отношении количества сил оказали предпочтение удару, хотя и требовавшему большого расхода таковых, но зато развертывающему более богатые перспективы, перед наступлением с малыми силами, которое в лучшем случае могло бы произвести лишь некоторое замешательство в северной Польше, но слишком рано должно было перейти во фронтальный удар.

Генерал Людендорф отговорил императора от второго направления и, выслушав мнение генерала Ф. Фалькенштейна, решился на первый.

Наступление XII германской армии равно, как и XI-ой, достигло 13 июля Горлицы; 17 июля XII армия стояла уже перед Наревом. Бой за эту реку давал русским достаточно времени для отвода своих сил в южной Польше за Вислу еще до 19 июля. Теснившие в южной Польше войска IX германской армии и часть армии Войрша одерживали в арьергардных боях неизменные победы. Но и здесь Висла и укрепленный район Варшава—Новогеоргиевск вызвали временную задержку. На севере германская немецкая армия продвигалась к востоку, не имея, собственно, связи с главным наступлением. хотя надежда на завлечение русской армии в Польше в мешок должна была расцвесть. Германское верховное главнокомандование вновь отклонило предложение восточного главнокомандующего, не смотря на развитие операции, попытаться

произвести обход фланга через Ковно-Вильно-Минск. Все армии продолжали концентрическое движение, приблизительно, на Брест - Литовск. XI германская армия, из своего первоначально нацеленного на Пинск направления, была повернута круто на север. В жестоких боях при преследовании, оба противника понесли большие потери. Русские с'умели сохранить себе свободу действий. Для преследующего постепенно увеличивались трудности, именно вследствии продвижения. Русские систематически уничтожали запасы страны.

В начале августа, на крайнем севере, наступление Неманской армии, задуманное исключительно в качестве демонстрации, достигло линии севернее Ковно-Поневеж-Митава, XII-ая германская армия широким фронтом перешла линию Нарева и находилась на марше к юго-востоку.

Вопреки своей обычной осторожности, русские упорно подвергали себя опасности быть отрезанными, оставляя далеко выступавший на западе от Варшавы угол. Южнее Варшавы, IX германская армия стояла уже на берегу Вислы, Ивангород был накануне падения; IV же австрийская, а равно и XI германская армии овладели Холмом и Люблиным. Неосторожность неприятеля в Варшаве, казалась, разрешится долгожданным боем в кольце. Энергичнейший натиск XII германской армии через Буг, с центром, приблизительно, вдоль железнодорожной линии Остроленка-Малкин-Седлец, должен был по крайней мере отрезать русские силы, расположенные внутри и вокруг Варшавы. Однако, русские очистили Варшаву и течение Вислы до Ивангорода в двенадцати часовой срок.

Удар XII германской армии, как и предполагалось, уже после перехода через Буг превратился во фронтальное преследование с запада на восток. Надежды германского главнокомандования на уничтожение неприятельских сил быстро померкли. Затем последовательно пали Новогеоргиевск и Ковно.

Во второй половине августа фронт союзников находился несколько западнее Злочова, западнее Владимир - Волынска, Брест - Литовска, за линиией Белосток-Сувалки-Ковно-Купишки-Фридрихштадт, и юго-западнее Риги. Между Виндавой и Августовым выстроились друг возле друга фронтом; XI германская армия, часть армии Войрша, а затем XII и VIII германские армии. Направления их ударов, провешенные сначала концентрически и имевшие целью образовать мешок между Брест-Литовском и Пинском, сомкнулись уже западнее Брест-Литовска, по линии, шедшей, приблизительно, с севера на юг, и теперь направлялись параллельно на восток. Задуманная 2-го мая и 13 июля операция близилась к концу. Иного результата нельзя было и ожидать. К фронтальному наступлению на наиболее выдавщийся пункт неприятельского фронта присоединился запоздалый и вяло проведенный фланговый удар. Точка встречи этих ударов не могла находиться ни в тылу, ни даже на фронте, а лишь впереди фронта искусно отступавшего неприятеля. После того фронт союзников прямым напором дошел, к началу сентября приблизительно, до линии Рафаловка-Волковыск западнее Вильны - Фридрихштадт. К этому фронтальному движению примкнула теперь и X германская армия. Брест-Литовск, Осовец, Гродно и Олита пали между 22 августа и 1 сентября.

Когда же в дальнейшем обнаружилось, что между Буковиной и линией Сувалки-Минск окончательно исчезла возможность всякого иного, кроме фронтального, наступления, взоры германского главнокомандования обратились на путь, указанный уже семь недель тому назад генералом Людендорфом. Он предлагал организовать в беспредельных пространствах царских владений операцию соответственного масштаба, произведя широкий фланговый охват X германской армией через Вильну и Минск в направлении на Киев. Так как в начале сентября сопротивление русских западнее Слонима, Лиды и Вильны начинало становиться более упорным, то возникла идея фланговой операции через Вильну на Молодечно - Минск. Далее к северу, немецкая армия должна была прикрывать, нажимом на Ново-Александровск и Двинск из своего выдавшегося далеко на восток фронта Вилькомир-Стуканцы, северный фланг обходящей группы.

Операция, которую после тактического прорыва предполагалось направить в тыл стоявших южнее неприятельских сил, ныне к началу июля находилась перед совершенно изменившимся положением. Тогда, русский фронт углублялся в Польше почти на 300 кил. к западу и, следовательно, удар был бы нанесен по глубоким стратегическим флангам. Теперь же этот удар охватывал фланг через Сморгонь лишь, приблизительно, на 30 кил, к востоку. Таким образом, в полной мере, как и при наступлении XII армии 13 июля через Нарев, операция сводилась лишь к неглубокому фланговому удару.

Дела начались успешно с прорывом тонкого русского фронта севернее Вильны. Когда решающий фланг X германской армии направили на Сморгонь и Молодечно, его уже встретили дивизии, взятые у Лиды и Слонима из отходившего оттуда русского фронта и повернутые к северу. Далеко ушедшая вперед германская армейская кавалерия делала все возможное и действовала выше всякой похвалы. Однако, она не могла помешать русской пехоте, ранее германской, достигнуть железно-дорожной линии Вильна—Молодечно. Охват, начатый слишком близко к неприятельскому фронту, преждевременно наткнулся на быстро сформированный оборонительный фланг и не достиг успеха. Русские ускользнули так же, как и семь недель тому назад из под Варшавы. Сильные контр-наступления из Молодечно и Полоцка заставили отойти выдвинувшийся до Вилейки ударный фланг X германской армии на линию озер Нароч—Дрисвяты. После нескольких судорог на фронте Черновицы — Дубно — Рафаловка — Пинск—Барановичи—Крево—озеро Нароч—западнее Двинска—Якобштадта—южнее Риги большие бои прекратились. Часть решения, которого добивались на Востоке, была достигнута. Наступательная мощь русской армии была надломлена на продолжительное время; очаг опасности нашествия погашен. Однако же окончательный результат, о котором можно было бы говорить при уничтожении вражеских масс, не был достигнут.

Удачное положение на фронте X армии не было использовано. Вместо этого был применен слишком близкий к фронту фланговый удар XII армии, за которым семь недель спустя последовал, как противовес, подобный же удар X армии севернее Вильны. Оба удара, как и следовало предвидеть, не сопровождались существенными страте-

гическими результатами. Эта операция, как акт творчества верховного германского главнокомандования в 1915 г., не встречала одобрения со стороны Главнокомандующего Гинденбурга, мнение которого разделял и генерал Людендорф.

ГЛАВА 17.

Поход в Сербию.

Когда наступление центральных держав на Россию освободило от фронтального напора колебавшийся австрийский фронт, представился благоприятный случай устранить угрозы, существовавшие как на южном фланге, так и в тылу германо-австрийского фронта. Политическое положение, благодаря вступлению в союз Болгарии, создало благоприятные условия для охвата Сербии одновременно с севера и с востока.

Такому мощному охвату доблестная крошечная армия не могла противостоять. С начала октября до конца декабря 1915 г. она была частью уничтожена, частью оттеснена на нейтральную территорию. Однако, угроза флангу этим обстоятельством еще не была окончательно отведена. Она дала Антанте возможность произвести новое нарушение нейтралитета в Салониках и восточнее их, хотя первоначально далеко от жизненного нерва центральных государств, и лишь в виде зародыша будущего положения вещей, без проявления жизненной активности.

ГЛАВА 18.

Первый год позиционной войны на Западе.

На Западном фронте, зима 1914/15 г. г., вследствие беспокойной малой войны на многочисленных участках фронта, была источником ожесточенных местных боев, не имевших оперативного значения Войска еще не освоились с новыми условиями боя в позиционной войне и „повоевывали" без особых высоких целей, более из чувства долга, усвоенного в мирное время, чтобы не давать противнику покоя.

Позднейшие, так называемые „спокойные фронты" еще не успели образоваться. Во Фландрии, у Лилля, Ленса, Арраса, на Сомме на Эне, в Шампани, в Аргоннах, в Мевре, в Присвальде и в Вогезах завывали на ограниченных пространствах многочисленные, что называется, изводящие стычки. 12 января 1915 г. севернее Суассона разыгрался серьезный бой, порожденный немецким наступлением с ограниченною задачей вновь выбить неприятеля из местности, занятой им помощью продвижения сапою. Этому наступлению, которое совершенно уже входило в существо крепостной войны, не присваивали никакой стратегической цели.

Только с наступлением весны стали вспыхивать первые наступле-

ния, вследствие оперативных видов Антанты, намеривавшейся прорвать германский фронт и закончить затем маневренною войною, т. е. проделать то, что было начато 6-го сентября 1914 года южнее Марны. Германскому верховному командованию приходилось теперь считаться не только с французскими, усилившимися и укрепившимнся войсками, но и с новой великобританской армией, вновь призванной к жизни британскою энергиею.

Хотя английский военный министр Китченер, на вопрос, когда кончится война, ответил, что этого он не знает, а знает лишь то, что для Англии она начнется только в 1915 году, однако, в весенних боях этого года британцы предоставляли сражаться одним своим союзникам.

Горячие бои в Вогезах французы вели с оперативною преднамеренностью. Их систематическое стремление к обладанию командующими высотами имело целью обеспечить базу для последующего наступления во французскую „обетованную землю". Наоборот, бои, запылавшие в долине Вецузы, на высотах Комбре, в Аргоннах, на возвышенностях Лоретто, у Сухец, у Нев-Шапеля и на Ипре имели главною целью усовершенствование позиций или же служили для маскирования задуманного генералом Жоффром наступления в Шампани для достижения крупных оперативных результатов. Целыми неделями производилась подготовка огнем, (который отныне получил название „ураганного"), удара 19. февраля, имевшего целью прорыв у Вузье. Он был расчитан на фронт около 18 килом. Тем не менее, французский огонь, не смотря на всю свою силу, не проделал той небольщой планомерной работы, которая необходима для того, чтобы уничтожить все живое в полевых, но похожих на крепостные, позициях. Этот огонь, правильнее было бы выразиться, бушевал, как могучий вихрь над позициями и позади лежащей местностью. (Схема 9).

Таким образом французское пехотное наступление с первых же шагов наткнулось на упорное сопротивление живучей пехоты. Вместо того, чтобы при первом же натиске получить решительный выигрыш местности, французы увидели себя вовлеченными в ряд отдельных упорных боев. Сопровождающая завеса огневой волны еще не удерживала до последнего момента обороняющегося в его убежищах. Основное условие для оперативного значения всякого наступления—успех первого боя,—здесь не получило выявления. И это решило судьбу наступления. III-я германская армия выиграла время для переброски подкреплений, силы же наступающего быстро таяли в схватках, становившихся все более и более ожесточенными. До первых дней марта разыгрывались жестокие бои на фронте между Суэном и дорогою Вилье на Турб-Серне ан'Дормуа, но эти бои все более и более теряли связь и расходились бурными кругами вокруг отдельных частей позиции, так что наступающий нес бо́льшие потери, чем обороняющийся. 18 марта последний сильный натиск этого рода обрушился на участках, расположенных в двух километрах севернее „butte de Mesnil", которая являлась предметом общих стремлений. Зимний бой в Щампани явился бесславным противовесом зимнему бою в Мазурах.

После кровопролитного последнего удара, французское командование одно время оставалось в состоянии стратегической прострации.

Многократные атаки в многочисленных пунктах фронта, без внутренней между собой оперативной связи и не имевшие непосредственной стратегической цели, в своей совокупности должны были ослабить Западный фронт и подготовить заключительный решительный удар. Корнем подобной стратегии была мысль, что цвет германской армии занят, пожирающими силы, наступлениями на Востоке. Однако, неприятелю пришлось испытать на себе боевую ценность германских резервов, ландверных и даже ландштурмовых формирований. Столь ложной предпосылкой сопровождалось задуманное в большом масштабе, но дрябло проведенное наступление, ради которого 4 апреля непрерывный огонь в мелких боях на высотах Комбре и между Маасом и Мозелем сгустился до последних пределов. Северо-восточнее С.-Миеля, в Апрементском лесу, у Флирьи, в Приствальде, французский натиск разбился о сопротивление германского ландвера так же, как и 8 апреля— атака на высоты Комбре и на Эперж. Мертвая хватка, с которою велось наступление на германский выступ С.-Миель без оперативной цели,— ибо оно наткнулось бы на Мец, между тем как имело в виду ослабить силы западных германских армий посредством „Канны" в малом масштабе, разбилась о боевую мощь германской пехоты.

Предстоящее выступление армии Китченера заставило германское верховное главнокомандование ввести в дело и свое звено в сложную цепь местных наступлений. Выгодным в тактическом отношении исходным положением обладала по своей природе прежде всего предназначенная для завоевания фландрского берега британская группа в Ипрском бастионе. Сражение началось отдельными боями за обладание двурогою высотою „60" южнее Циллебека. Затем 22-го апреля, IV-я германская армия, введя новое боевое средство—газы, развернула наступление на северный фронт Ипрского бастиона, Дри Грахтен Бецелеаре. Первоначальный тактический успех, обусловленный ужасом нового средства борьбы, был весьма значителен и довел немцев до Ипрского канала, а затем, 24-го апреля, по его западному берегу и к Лицерну. Антанта напрягала все имевшиеся в ее распоряжении силы, чтобы удержать находившуюся под угрозой позицию: 26-го апреля на западном краю Ипрского канала последовало французское контр-наступление. Тем временем между Лангемарком и Бецелеаре одержали верх наступавшие немцы, которые, продолжая медленное тактическое продвижение, заняли С. Жюльен, Фортюенн и Зоннебеке, а в первых числах мая—Фрезенберг и Вьельтье. Затем они постепенно остановились перед сильной позицией у узкого Ипрского предмостного укрепления, достигнув своей цели—сузить базис неприятельского наступления.

Вслед за тем Антанта вторично приступила к наступательной операции 1915 г., имевшей целью прорыв. 9-го мая между Ля Бассэ и Аррасом разразился штурм, произведенный французскими дивизиями. Его должно было сопровождать наступление англичан у Фестюбер и Нев Шапеля.

На этот раз артиллерия выполнила свою задачу. Действуя планомерно, она, окоп за окопом, осыпала ураганом снарядов линии немецких позиций, где, как она знала, была собрана вся масса пехоты, и похоронила гарнизоны под холмами осыпавшихся окопов. Вслед за

тем французская пехота потоками понеслась на отдельные группы оставшегося в живых неприятеля, на высоте Лоретто, в Каренси и Невилль—С-Вааст. При первом натиске, массовый удар был направлен на командующий выступ Лореттской высоты и хребет, так называемых, Фимских высот, простирающийся между Зухец и Телус. Первая и единственная позиция была пройдена. Отдельные части судорожно удерживались геройскими гарнизонами со скудным запасом снарядов в Каренси, Невилль, С-Вааст, Зухец и Облэн—С-Назэр. Но между Зухецом и Невиллем уже был на готове тактический нажим, который должен был превратиться в стратегический прорыв. Однако французское командование не сумело использовать счастливого момента. Вечером 9-го мая еще грозил прорыв у Дуэ, и VI-ая германская армия, согласно тогдашней тактики ввела в дело почти все имевшиеся под рукою резервы. 10 и 11 мая прорыв уже запоздал. Ожесточенный бой продолжался еще до 15-го мая. Единственным и окончательным успехом французов было завоевание Лореттской высоты и развалин Керенси. Немецкие потери были велики, французские не уступали им.

Одновременное наступление англичан, произведенное севернее с значительным перевесом в силах и при неслыханных потерях, в результате позволило достигнуть лишь Нев-Шапеля. Немецкие войска выказали, однако, в этих боях такое превосходство над неопытными массами молодой армии Китченера, что германское командование, считая это обстоятельство столь же значительным перевесом в силах над господами положения, могло отказаться поэтому от введения резервов для отражения английского наступления.

Вследствие этого не была достигнута и оперативная цель наступления на Нев—Шапель.

Столь желанный Антантою прорыв не удался. Генерал Жоффр сумел испытанную неудачу расценить как успех и вернулся вновь к стратегии истощения, утверждая, что цель его наступления в стратегическом отношении не шла далее исполненного и состояла преимущественно в том, чтобы рядом последовательных натисков „изгрызть" немецкий фронт. В течение наступившей оперативной паузы, на пространстве от Северного моря до Швейцарии происходили лишь обычные, не имевшие между собою связи, местные частичные бои. Пред надвигавшейся осенью решено было вновь повторить стратегическое наступление. Боеспособная до сих пор в своей массе британская армия могла ныне от своей роли спутника у Нев-Шапеля перейти на роль равноправного участника. Оперативный план скомпановался сам собою. От берегов канала до местности севернее Вердена немецкий фронт образовывал довольно сильно выдававшийся выступ, вершина которого приходилась в знаменитом углу Мулен су Туван, юго-восточнее Вердена; до Швейцарской границы этот фронт, если не обращать внимание на неимеющий значения выступ у С. Миеля, проходил строго по прямой линии. Целью решительной операции должно было быть не завоевание территории; а исключительно уничтожение главных сил неприятеля. И наиболее действительным средством для этого являлся „бой в мешке". Это понимало командование французской и английской армий и без помощи графа Шлиффена. Идеальным рай-

оном для такого боя являлся выступ фронта Ньюпорт-Мулен, Су Туван и Форж (севернее Вердена). При одновременном наступлении на оба фланга, оба эти бастиона должны были пасть и погребсти под собою всю массу западной германской армии. Таким образом командованию союзными армиями само собою напрашивалась операция „стратегических клещей". Она то и послужило основой для всех осенних действий 1915 и 1918 г.г.

Подтверждение этого английская армия получила в наступлении у Артуа, а французы—в Шампани. 14 английских и 53 французских дивизий должны были произвести общее наступление между Нев Шапелем и Аррасом, а также между Оберив и Массиж. Свыше 5000 орудий, от легких до самых тяжелых судовых калибров, должны были громить пункты натиска. Однако, и немецкая армия старалась обеспечить себя от повторения весеннего боя на Фимских высотах. Ее рассчеты оправдались. Благодаря значительному усилению укреплений, оборона выдержала подготовку неприятельской артиллерии, опять таки недостаточно основательную для подобной цели. Когда же под Артуа штурмующая пехота получила возможность овладеть развалинами Лооза и Зухеца, то попала под огневой дождь пулеметов и понесла тягчайшие потери. Это неожиданное сопротивление повергло французскую и английскую пехоту в неописуемый ужас. В Шампани, после 7-ми дневного ураганного огня, французы приступили к штурму между дорогами Сюипп, Суэн, Сомм-пи и Вилль сюр Турб, Серне ан Дормуа. При первом натиске наступавшему удалось пройти через поле развалин первой германской позиции. Но затем и здесь, из меловых куч выросли уцелевшие пулеметы и вместе с огнем прикрытых броней скорострельных орудий отразили штурмовавшие массы. Смерть собирала обильную жатву в плотных глубоких колоннах. Наступление широким фронтом было остановлено в течение первых же часов. Только через отдельные открытые промежутки в германской оборонительной линии французским штурмовым колоннам удалось овладеть местностью. Командование бросило туда дивизии второго и третьего ударов для того, чтобы использовать бреши и помощью образовавшихся клиньев расшатать устой немецкого боевого фронта. В роковом заблуждении, считая, что все сопротивление уже сломано, эти массы были двинуты плотными компактными колоннами и попали из подведенных резервов под ужасающий огонь германской артиллерии и пулеметов. Вечером первого дня остатками своей мощи французская наступательная армия овладела первою немецкою позициею. Перед нею стояла вторая позиция, сметая непрерывно усиливавшегося противника и преграждая желанный путь операции. И образцово действовавший механизм французской артиллерии, образованный много недельною подготовкою, был почти бессилен перед нею. В пасмурный дождливый вечер первого дня наступления, французское командование похоронило надежды на успех операции. С большим трудом, после ожесточенных частых боев второго дня были взяты Тагюр, высота Мезон де Шампань (в 2-х киллом. южнее Руврон) и высота 199 севернее Массиж, а также Наваринская ферма, на полпути между Сомм-Пи и Суан.

Большое наступление, возобновленное на третий день, страдало

недостатком гибкости, к которой неповоротливая тактика французской армии не была приспособлена; она разбилась в вихре огня германской обороны.

Ни удары, расчитанные на оперативный прорыв, ни всеуничтожающие наступления Антанты не оказались в состоянии извлечь какую либо пользу из несомненной слабости западного германского фронта, обнаженного в пользу восточного. Геройская храбрость германской пехоты издевалась как над яростью ураганного огня, так и над многократным превосходством противника в силах. Антанте операция не удалась, как ни заманчиво представлялось положение. Таким образом, 1915 г. закончился в пользу Германии, хотя и ее операции на высотах не привели ни к какому окончательному результату. То, что Антанте позволило ее превосходство в силах, германским командованием на Востоке, в свою очередь, не было учтено. Таким образом, если начало 1915 г. на стороне Антанты обременено пассивом в действиях войск и среднего командного состава, то на германской стороне вся тяжесть счета лежала на высшем командовании, между тем, как работа среднего командного персонала и уж, конечно, войск, сияла самым ярким светом.

ГЛАВА 19.

На рубеже 1915—1916 годов.

Генерал Людендорф следующими словами характеризует обстановку в конце 1915 года: „1915 год закончился для нас в положительном смысле. К наступающему году мы усилились, но извлекли из страны далеко не все возможное и потребное. Вторжение наших врагов продолжалось. В новом 1916 году должны были разгореться „жесточайшие бойни“.

Генеральное наступление Антанты, о котором много говорилось, должно было быть проведено в жизнь. В протекшем году Германия, опередив своего русского партнера, своевременно сорвала такое наступление.

В 1916 году игра должна была быть возобновлена. „Клещи“ Антанты готовились сжать Германию с запада и востока, а затем раздавить ее.

Враг вооружился на востоке и на западе. Пассивное ожидание наступления равнозначило бы для Германии самоуничтожению. В начале года она еще обладала преимуществом в оперативной готовности; как и в протекшем году могла еще упредить одного из противников. У которого же из них следовало выбить меч из рук, прежде, чем он поднимется для уничтожающего удара? Следовало ли окончательно сломить на востоке Россию, с которою в 1915 году было покончено лишь на половину? Не нужно ли было направить удар германской армии против западного противника раньше, чем он будет готов к своему наступлению? Интересно и в данном вопросе прислушаться к мнению тогдашнего руководителя германскими операциями.

Генерал Людендорф полагает: „решение войны лежало на западе, во Франции. Здесь мы могли наступать достаточно твердо, только предварительно победив русских. Мои мысли обратились к Румынии. Это была стрелка у весов. Необходимо было выяснить направление ее поведения. Если бы она примкнула к нам, хотя бы лишь под давлением, то русская армия была бы решительно обойдена на этом участке. Тогда здесь можно было достигнуть огромных результатов. Если бы Румыния примкнула к Антанте, то мы знали бы чего нам ожидать. Мы могли действовать, не теряя времени, с теми войсками, которые в то время находились на месте...".

Сердцевина вопроса заключалась в словах: „только предварительно победив русских". Можно было бы расширить это задание в таком виде: „или удерживая под шахом при помощи австрийских войск их, или нового союзника—Румынию, таким образом, чтобы наступление их не было чувствительно для западного фронта".

Румыния не перешла на сторону немцев. В боеспособности же австрийской армии с осени 1915 года уже не могло быть никаких сомнений. Таким образом перенос центра тяжести в сторону Запада, не обеспечив надежным образом тыла на Востоке, являлся уже не смелым риском, а ошибкой со стороны германского верховного командования, которое и должно было получить возмездие. Наступление Брусилова в тыл германской армии во время летнего кризиса являлось расплатой за этот промах.

Против наступления на Западе говорил и другой факт: в Германии положение вопроса о снабжении боевыми припасами должно было быть ясно верховному германскому главнокомандованию, а также сколь велика потребность в боевых припасах для производства на Западе наступления с целью прорыва и спокойного в то время отражения вероятного, отвлекающего наступления. У верховного главнокомандования с 1916 года имелся уже весьма богатый собственный опыт по этому вопросу. Уже в боях 1915 года французы применяли „ураганный огонь". Таким образом, имелись основания для примерного расчета потребности в боевых припасах для наступления на Западе, равно как и для отражения ожидаемого контр—наступления врага. Чтобы судить о решении германского верховного главнокомандования безразлично знать, был ли этот расчет, вследствие оптимистического взгляда, произведен над слишком скромными числами, или же это было сделано правильно, но военное министерство не могло добиться увеличения, в несколько крат, изготовлявшегося до этих пор количества припасов, как необходимого следствия сказанного.

В первом случае оно выказало бы неполную заботливость в вопросе обработки имевшегося опыта, во втором—наступление, предпринятое в сознании рокового недостатка боевых припасов, являлось бы безответственным легкомыслием. Вероятно, имело место первое.

Во всяком случае, неудовлетворительное обеспечение тыла на Востоке и положение вопроса о боевых припасах говорили за наступление на Востоке, если германское верховное главнокомандование не хотело вести „азартной игры". Между тем решение его обратилось к Западу, и пунктом наступления был избран Верден.

ГЛАВА 20.

Неудачное германское предупредительное наступление на западе.

Когда верховное германское главнокомандование приняло решение разрядить собравшуюся на Западе грозовую тучу прежде, чем она разразится бурею, то ему представилась следующая альтернатива.

Можно было или непосредственно вторгнуться в неприятельское расположение и разбить противника, или же постараться, с своей стороны, достигнуть успеха, упредив неприятеля наступлением на подходящем участке фронта. Цель была прежняя, именно та, которая в прошлом году расстроила наступление на Востоке, но осталась без результата, вследствие стратегической ошибки, т. е. уничтожение неприятельской боевой силы. Другой цели не могло быть, ибо Германия стремилась к возможно быстрому решению, а не только к тому, чтобы отсрочить наступление Антанты на текущий год. Это соображение показывает неправильность часто встречающегося толкования, будто бы германское верховное главнокомандование при организации наступления на Верден вовсе не имело целью падение крепости, задачу врезаться в неприятельский фронт и, следовательно, решительную операцию, а стремилось как бы втянуть возможно большие силы неприятеля в пожирающую силы оборону Верденского угла и одолеть его с тем, чтобы оттянуть живую силу, которая предназначалась для намеченного на 1916 г. наступления Антанты. При таком положении дел верховное германское главнокомандование пошло бы, следовательно, лишь на оттяжку времени с тем, чтобы в последующие годы, когда все факторы численности и времени получат перевес на чашке весов Антанты, тем вернее стать жертвою рока. Если допустить, что склонность генерала ф. Фалькенгайна к „дипломатической, тонкой“ стратегии фактически действительно не дала возможности возникнуть такому, опасающемуся решительных действий, плану, то это вводное представление превращает сознание неудачи в добродетель скромности. Фактически, германское верховное главнокомандование желало решительных результатов и не могло их не желать. И эти результаты могли быть достигнуты в сокрушительном Верденском бою. Если бы оказалось, что французские потери перестали оправдывать продолжение обороны, то французскому главнокомандованию достаточно было лишь очистить Верден, и немецкое верховное главнокомандование лишилось бы своего плавильного тигля, увидев себя перед крушением тонко-задуманного плана. Пришлось бы прибегнуть к решительному наступлению для достижения своей главной цели,—уничтожения неприятеля. Поэтому оно и предпочло сделать это с самого начала. Таким образом наступление на Верден представлялось стратегической операцией, и взятие крепости являлось первым ее шагом.

С чисто стратегической точки зрения выбор Вердена, как пункта наступления не вызывает споров. С падением Вердена

рухнул бы оплот, около которого были закреплены как французский фронт. Эн—Шампань—Аргонны, так и Лотаринго-Вогезский фронт. Сильный бастион давал противнику до сих пор значительную оперативную свободу. Не имея забот ни о лотарингском фронте, опиравшемся на бронированный пояс Верден - Туль, ни о Вогезском участке, сильном верками Эпиналя и Бельфора, главным же образом природной силой гористой местности, Маршал Жоффр мог сосредоточить свои главные силы для решительного удара на других фронтах. С падением же Вердена, рушилась вся система обороны закованного в железо восточного французского фронта, и он становился уязвимым. При тонком ведении операции в окрестностях Вердена, как это было минувшей весною на Востоке, большая часть французского фронта Эн—Шампань—Аргонны без сомнения расстроилась бы, а Лотаринго Вогезский—был бы и совершенно опрокинут. Вновь возникшей маневренной войне открылся бы путь 1814 и 1870 гг. для устремления из южного фланга к тому решению, от которого северный фланг должен был отказаться два года назад, как раз накануне достижения самой цели.

Таким образом выбор Вердена в стратегическом отношении представлялся счастливым в том предположении, что направленному на него лому удастся выкрошить угловой камень из прочно возведенного строения. Это являлось уже вопросом тактики. И в этом случае нельзя не согласиться с тем, что приведенные соображения германского верховного главнокомандования правильно оценивали обстоятельства. После молниеносного падения Люттиха, Намюра и Антверпена нельзя же было ожидать от Верденских верков сколько-нибудь длительной стойкости перед тяжелой германской артиллерией.

Однако, вокруг них, на подобие пограничных камней, сплелась уже мелкая сеть из полевых укреплениий батарей, которые, совместно с бетонными и стальными постройками, а также батарейными установками, приобрели большую способность к сопротивлению, которую еще более усиливала колючая проволока. Люттих, Намюр и даже Антверпен, были взяты в первые недели войны. Там оборонительная сила пространственно сводилась к тесным бетонным глыбам их фортов, которые не могли сопротивляться сокрушительным ударам немецких гаубиц. Фортовые промежутки мало или вовсе не были подготовлены к обороне. В этом смысле облегчалась победа артиллерии, ибо последней достаточно было сгруппировать свой огонь на отдельных, ясно обозначавшихся пунктах, удобных для обстреливания. Верден был атакован спустя 3/4 года войны, после опыта, полученного Антантою при взятии Люттиха, Намюра и Антверпена. Здесь, легко разрушаемые верки долговременной профили не выходили еще из рамок оборонительной системы.

Сила сопротивления опиралась на широкий и глубокий пояс укрепленных полевых позиций, которые, будучи хорошо укрыты, протянулись через овраги и крутые лесистые возвышенности, мастерски использовав идеальную для обороны пересеченную лесистую местность. Французы, в качестве хороших артиллеристов, сделали правильные выводы из опыта падения бельгийских крепостей. Никакое, резко очерченное на местности, тонкое оборонительное сооружение не могло сопротивляться современной тяжелой артиллерии, так как на нем можно было сосредоточить весь артиллерийский огонь. Каменные стены

и бетон только усиливали разрывное действие тяжелых бомб. Но при далеко вперед выдвинутой зоне его полевых укреплений дело шло не о превращении в груду развалин каких-нибудь сотен квадратных метров, но приходилось планомерно обстреливать площади, измеряемые квадратными километрами. Ткань траншейных позиций распыляла огонь наступающего; в мягком грунте пропадали, не нанося поражений, огромные снаряды тяжелых орудий, не производя при этом таких повреждений, как в твердом бетоне.

Французы правильно поняли главную задачу обороняющегося—рассредоточение действия неприятельской артиллерии. Позднее, на Сомме, находясь в роли наступающего, они извлекли логические выводы из этого, неизбежного для наступающего, зла, насаживая орудие за орудием и расходуя миллионы снарядов для систематического сравнивания с землею каждого клочка траншей.

Германское командование вряд ли правильно оценило эту высокую сопротивляемость всей местности вокруг Вердена. Во всяком случае артиллерийская подготовка наступающего была недостаточна и жидка. Неправильно оценили и защитников этой местности, к которому прилагали масштабы Горлицы и Прасныша. В Вердене сидели не русские, а французы. Французский пехотинец со свойственным ему одному развитием и ловкостью уже сам по себе представлял иного защитника, чем русский, а затем огромная, как от земли до неба, разница в действии русской и французской артиллерии, очевидно, была не вполне оценена. Русская артиллерия не могла причинить немецкой пехоте слишком большого вреда уже по причине ограниченности запасов боевых снарядов. Французская же засыпала атакующую пехоту у Вердена днем и ночью густым, превосходно веденным огнем и, местами, совсем отрезала ее от поддержек, разрушала всякий кропотливо начатый клочек позиции, словом, не давала ей дышать. С силой артиллерийской обороны немцы не захотели считаться. Поэтому у них не имелось средств для надлежащего подавления ее; французские орудия окутывали, не имевшие возможности дышать, германские штурмовые колонны непрерывным вихрем стальных осколков, сверкавших во мраке молниями и удушливым чадом, готовя германской пехоте, ставший затем поговоркою, „Верденский ад".

Таким образом искусно задуманный стратегический удар был построен на несовершенном тактическом основании, начат и проведен на слишком узком фронте, притом с недостаточными средствами. Храбрость и самопожертвование германской пехоты, несмотря на это, поставило последнюю недалеко от окончания дела; до самых верков форта Кувилль, последнего перед крепостным ядром, она пробиралась вперед через гранатный ад и болота грязи уже не с размахом первого дня, но цепляясь за местность шаг за шагом. Уже последовал на той стороне приказ об очищении восточного берега. Вместе с тем, однако, наступление, слишком слабо оборудованное, было на исходе сил. Когда затем борющиеся стороны развел возникший на Сомме длительный бой, у Вердена была сделана ошибка, выразившаяся в том, что германское верховное главнокомандование, после неудачи наступления, возобновление коего вовсе не предвиделось, не захотело поступиться занятой территорией, хотя удержание территории, переставшей служить

трамплином для дальнейших наступлений, сохраняло лишь условное значение—угрозою ядру Вердена связывать действия больших неприятельских сил. За этот результат приходилось, однако, платить слишком дорого. В завоеванной местности, где не имелось никаких убежищ и опорных пунктов, где неприятельский огонь не допускал никакого, сколько нибудь планомерного устройства, германская пехота несла большие потери и именно эта невозможность закрепить за собою в техническом отношении вновь приобретенные позиции и помешала подготовить новое, сильное, с хорошей артиллерийской подготовкой, наступление. С этим соглашается и генерал Людендорф, говоря: „Верден остался открытым, пожирающим силы, вередом. Было бы правильнее оттянуть позиции из изрытого снарядами поля назад"... Германское наступление на Верден оказалось не в состоянии достигнуть результата предупредительного наступления, произведенного весною 1915 года на Востоке. Планомерное англо-французское наступление на Сомме было, правда, ослаблено, но не задержано окончательно. Это можно было предвидеть, имея в виду слабую вероятность возможности оперативно отделать наступательный план. А один лишь бой „на истощение" не мог заставить Антанту отказаться от намерения произвести большое наступление.

ГЛАВА 21.

Зажим „клещей" Антанты на западе.

Летом 1916 года, после неудачи ускоренного способа взятия западных германских крепостей 1915 г., началось формальное наступление на западный германский фронт. Как долго оно должно было бы продолжаться, вожди Антанты не могли еще сделать никакого заключения. Во всяком случае операции союзников на западе, рассматриваемые с этой точки зрения, от начала боев на Сомме до генерального наступления Фоша летом 1918, представляют связную боевую операцию, поддерживаемую тактическими основами крепостной войны.

Первый цикл боев на Сомме, начиная с 1-го июля, сопровождался внушительною попыткою прорыва. Распространение этой попытки на поле битвы к югу от Соммы поразило германское верховное командование, которое не отрешилось от высокого мнения о результатах своего Верденского наступления. Эта попытка продолжалась до конца августа. Прорыв не удался, как это уже случалось не раз. Главнокомандование Антанты не сумело быстро использовать образовавщиеся бреши. Оно не ухватило момента, когда нужно было уклониться от принципа всегдашней готовности и поставить на передний план создавшуюся обстановку. Оно дало обороняющемуся, всегда дорогое для него, время сомкнуть прорванный фронт своею негибкою, неповоротливою тактикой. Вынужденное начинать всегда сызнова, оно приобретало несколько километров разрушенной, изборожденной воронками от снарядов, опустошенной местности, и затем из-за тупой глупой методики упускало благоприятный момент. Бой на Сомме был

доказательством несостоятельности и скудоумия стратегического командования Антанты и вместе с тем правильности их тактических воззрений. Один французский источник (Пьеррефэ) совершенно непроизвольно дает разительное доказательство этого, говоря о безрезультатном нажиме французов от 2-го июля: „Malheureusement, des contres attaques ennemies, trés violentes, avaient réussi á refouller nos alliès en de nombreux points. L'attaque (т. е. французский прорыв) avait lieu en direction du nord-est, vers Cambrai, nous ne pouvions songer à avancer sanse tre appuyés à notre gauche par les Britanniques.. Н fallait les attendre“. [1])

Таким образом, вместо того, чтобы тактический натиск развить в прорыв, победоносные войска ожидали, не добьется ли того же успеха и сосед для того, чтобы затем начать вместе с ним сызнова.

После короткого затишья в сентябре, боевая деятельность возобновилась сначала севернее, а затем и южнее Соммы, и достигла такой силы, которая далеко превосходила прежние бои. Название „бой на Сомме“ получило в это время особое значение, именно как представление высшего напряжения новейшей боевой истребительной стихии. В течение целых недель, на фронте, протяжением в 40 километров, день и ночь, подобно молниям, пылали сверкающие ряды огней тысяч самых тяжелых орудий. День и ночь дрожал воздух от равномерного грохота выстрелов, подобно шуму тяжелых товарных поездов, идущих нескончаемым потоком по железным мостам. День и ночь бушевала орудийная гроза над истерзанной землей, превращая ее лик в однообразное изборожденное воронками поле, по которому вяло перекатывались зеленоватые ядовитые волны газов и носился град стальных и железных осколков, душивших и рвавших все живое. Однако и на этот раз прорыв Антанте не удался. Бои продолжались вплоть до зимы. Нажим постепенно углублялся, пока, наконец, в начале декабря не достиг наибольшей глубины в 12 километров на протяжении 30 километров. К концу операции боевая сила неприятельских войск заметно ослабела.

В дурную погоду они располагались без охраны в болотистой пустыне, простиравшейся за ними на 12 километров вглубь, по которой поддержки могли добираться до фронта лишь с неописуемыми трудностями. Бой на Сомме затих сам собою после того, как наивысшее напряжение неприятельских сил разбилось о стойкость мужественной германской пехоты.

Хотя вожди Антанты в стратегическом отношении не использовали достигнутых тактических успехов, так как при решении своих задач руководствовались не смелостью художника, а ремесленными шаблонами, тем не менее косвенные результаты получились все-таки значительные. Германскй способ вести бой еще не принаровился к наступлению, поддерживаемому неожиданными средствами. Поэтому их

---

[1]) „К несчастью, контр-атаки противника, чрезвычайно яростные, в результате вышибли наших союзников из многих пунктов. Удар, имевший место в направлении на северо-восток от Камбрэ, мы не могли мечтать развить, не опираясь, со стороны левого фланга, на англичан. Приходилось их дожидаться“.

потери были весьма значительны, но потери по численности были куда меньше потери боеспособности. Сильное численное превосходство неприятеля в отношении артиллерии, расход снарядов, насчитывавший миллионы выстрелов, рои неприятельских аэропланов, бесспорно владычествовавших на воздухе, выступление казавшихся неуязвимыми боевых слонов нового времени — танков, все это глубочайшим образом потрясало германскую пехоту,—как ядро германской армии. Она чувствовала себя оставленною на убой другими родами войск, увидела перед своими взорами неприятельские машины, борьба с которыми была свыше ее сил, и ее доверие к своим вождям колебалось; у нее постоянно напрашивался остававшийся без ответа вопрос: „почему у нас этого нет"? Покорность же вождей, думавших лишь о том, чтобы удержаться, вместо того, чтобы осмелиться произвести на каком нибудь смежном фронте хорошо проведенное контр наступление, тем более не могло поднять подавленного состояния войск. Уверенность в победе, которая утвердилась на полях сражений Франции и Восточной Пруссии в 1914, Польши, России, Галиции, Сербии в 1915 г. и даже Вердена, как нечто неопровержимое, начала меркнуть. Германская армия потеряло веру в себя и вообще в победу.

28-го августа 1916 г. Генерал-Фельдмаршал фон-Гинденбург был назначен Начальником Генерального Штаба действующей армии; генерал Людендорф — первым генералом-квартирмейстером. Эти новые назначения сотворили чудо. В национальном герое, победителе при Танненберге, которому легенда создала уже ореол непобедимости, германская армия нашла свое возглавление, которого ей до сих пор не хватало. Одно имя генерал-фельдмаршала вновь восстановило то моральное состояние, которому столь сильный вред нанес бой на Сомме. Германский солдат испытывал какое то особое, едва ли не религиозное, чувство перед волшебным словом „Гинденбург". Вместе же с генералом Людендорфом германское верховное главнокомандование насытилось железной волей, стремившейся к определенной цели. Их прежние подвиги, в которых имена Марнского боя, Ипра, Варшавы, Вильны и, наконец, Вердена служили вехами, разве не прошли бы иными путями, если бы творческий дух Танненберга и Зимнего боя в Мазурах, походов в южной и северной Польше указал им надлежащий путь с самого начала. Что было бы, если бы этому триумвирату истинных полководцев Германии: Гинденбург, Людендорф, Гоффман было доверено неоценимое сокровище народных сил с начала кампании 1914 года, вместо того, чтобы два года спустя вручить им растраченное наследство.

Влияние великого организатора Людендорфа сказалось уже в течение последних недель боя на Сомме. Он стоял перед трудною задачею—возможно скорее и лучше поднять сильно подавленное состояние духа германских войск на протяженном боевом фронте. Радикальным средством являлась только постановка способа борьбы, на основе новой наступательной тактики, в борьбе материальными средствами. Последние не могли, однако, сыпаться словно из рога изобилия. Именно по этому поводу генерал Людендорф замечает: „В стратегических и тактических вопросах взгляды рушились друг за другом так же, как и в вопросах политических и экономических. В этих вопросах одинаково трудно было убедить друг друга; явления признаются, причины же их

оспариваются. Поэтому улучшения в этих вопросах достигаются с трудом"... Ближайшие достижения состояли в таком распределении сил, которое более всего отвечало бы потребностям растянутого боевого фронта в тяжелой артиллерии, в воздушных боевых силах и в подвозе сменных дивизий. Более широкая самостоятельность двух войсковых групп, находившихся первоначально на западном фронте, делала возможным первоначальное равновесие внутри группы армий, соответственно пред'являемых к последним требованиям, и таким образом с точки зрения командования, — для повседневных потребностей создавалась промежуточная инстанция, которая могла снять с верховного главнокомандования хоть часть работы по распределению сил. В таком случае все надобности боевых фронтов, требования которых превосходили среднюю меру, как это было на Сомме, могли удовлетворяться верховным главнокомандованием через особые органы. Такая децентрализация оказала весьма благотворное действие. Неизвестный до сих пор и потому мало практиковавшийся прием смены боевых дивизий, в большом масштабе во время большого боя, генерал Людендорф быстро с'умел поставить на рельсы, и это обстоятельство сильно способствовало сбережению войск.

ГЛАВА 22.

Зажим „клещей" на востоке.

Русское летнее наступление 1916 г. должно было развиваться параллельно с наступлением западных держав на Сомме и преследовать цель разбить германский восточный фронт. Центр тяжести в первоначальном плане русского командования находился на севере. Он имел в виду произвести прорыв между Вишневским озером и Поставами, в направлении на Ковно, с одновременным натиском в северной части фронта, между Свенцянами и Ригой к берегу Балтийского моря. Мысль была недурна. Наступление было нацелено на ахиллесову пяту Германии—Восточную Пруссию. Новая угроза по адресу этой, уже столь сильно потерпевшей, провинции оттягивала от германского западного фронта сил более, чем какая либо иная операция. Наряду с главным ударом у Нарочского озера и у Постав, (схема 7) имевшим целью прорыв, предполагалось еще наступление на Видзы, Двинск и Якобштадт для отвлечения и для прикрепления германско-австрийских сил.

Русское наступление разразилось в марте. Оно предполагало получить начальный успех, вследствие значительно сильнейшего превосходства, ибо намеченный для наступления фронт был занят лишь тонкой линией спешенной кавалерии и ландвером. Отвратительное состояние путей, непроходимые в весеннюю оттепель дороги замедляли переброску германских резервов и таким образом создавали временный кризис. Но, к счастью, сила удара русского наступления весьма быстро ослабела, вследствие неслыханно хищнического истребления людского материала. К концу марта наступление русских на

Ковно захлебнулось. Занятая ими местами территория вновь была отнята у них месяц спустя наступлением X-ой германской армии.

Когда этот план на первых же порах потерпел крушение, русское командование обратило внимание на свои другие фронты, которые должны были поддерживать главное наступление, задуманное для сопровождения наступления на Сомме. Одновременным сильным натиском у Риги, Сморгони и Барановичей предполагалось пошатнуть германский восточный фронт, с целью поддержать своих западных союзников. Одновременно предполагалось произвести демонстративное наступление армий Брусилова на Волыни. Этот удар вначале, следовательно, вовсе не рассматривался в качестве главной операцией. „Сверхпрограммное" выступление Австро-Венгрии в Тироле весной 1916 г. отняло от восточного фронта последние сколько нибудь годные силы австрийских войск, чем и об'ясняется возросшая стойкость последних. Тирольскому наступлению не суждено было длиться сколько нибудь значительное время; позднее, австрийские войска на этом фронте были даже обращены к обороне.

Тогда же Тирольское наступление стало безнадежным. 2 июня, следовательно, перед началом боя на Сомме, началось восточнее Луцка наступление Брусиловской армии. Встретившаяся ей здесь IV-я австрийская армия была совершенно разбита.

Германское командование предполагало сначала локализовать катастрофу, разразившуюся в IV австрийской армии в излучине Стыря контрударом от Сокаля на южный фланг русского клина, уже проникавшего к Владимиру-Волынску. Но так как разбитые австрийские войска в массе вообще смиренно отказывались от боя, то приготовленнные для контрудара германские силы были быстро употреблены на то, чтобы сколько-нибудь, хотя бы фронтально, задержать русский напор. То, чего не могла сделать вся IV-ая австрийская армия, удалось совершить нескольким германским дивизиям на весьма растянутом фронте. Их боевая твердость остановили русскую наступательную волну.

Вскоре затем и в Буковине русский натиск проник вглубь австрийского фронта почти до Кирлибаба и Татарского ущелья. И здесь натиск пришлось останавливать быстро направленным сюда германским подкреплениям. После того, 13 июня, последовал удар южнее Барановичей, направление на которое первоначально считалось главным в русском наступательном плане. Ландверные войска Войршского отряда отразили его, не потеряв ни пяди территории. Натиск у Нарочского озера и у Барановичей имели тот же неудачный для русских результат.

Непредвиденный начальный успех в Стырской излучине над австрийскими войсками, а с другой стороны, не много обещающая русским стойкость германского фронта заставили их изменить свой оперативный план и перенести центр его тяжести к югу. Русские приняли стратегию „слабых пунктов", т. е. в развитии своих операций руководствовались, преимущественно, фактом ослабления неприятельского сопротивления, что на практике и приводило к тому, что русский центр тяжести оказывался обычно перед фронтом австрийцев. Такая стратегия приводила к очень хорошим результатам и к общему понижению боеспособности австрийских войск, давая постоянную возмож-

ность производства тактического натиска. Между тем, когда германское командование весной 1918 г. также начало руководствоваться в своих операциях этой точки зрения на основании русского опыта, то тактические успехи не могли открыть ему пути для успешной операции. Причиной этого было то, что на западе „слабые пункты“ своим возникновением были обязаны лишь тактическим ослаблением атакованного фронта, которые с развитием операции быстро исчезали и этим сообщали подобным „слабым пунктам“ твердость остального фронта и даже ее превосходящую, между тем, как слабое место, открывавшееся русскому командованию в 1916 г. пускало корни в боевой ценности противника, и, следовательно, получало постоянный характер, являясь не преходящим явлением, а постоянным фактором в в местном состоянии боевого фронта.

Следуя новой стратегии, в середине июля, в излучине Стыря был произведен новый натиск, вследствие чего в июле весь восточный фронт от Буковины до Двины во многих местах запылал.

Начавшийся бой на Сомме был предоставлен на стороне германцев своим собственным силам. Потребность оказать помощь австрийским войскам ослабила северную часть германского фронта вплоть до наличного состава рекрутских депо. У Войрша и в излучине Стыря, германским баталионам приходилось занимать позиции бежавших с поля сражения австрийских дивизий. Дуга вокруг Лыка растянулась до разрыва, заходя за Верхний Серет до Броды, до р. Турья и за Стоход. Вновь были брошены к Ковелю отдельные сборные баталионы из Курляндии, Литвы и северной Польши. В середине июля боевой огонь перекинулся и на Двинский фронт. Из Риги русский массовый удар направился на германский фронт, разредившийся почти до сторожевого охранения. Затем последовал новый удар из Барановичей. К жестоким ударам молота на Сомме присоединилось генеральное наступление русских на фронте от Румынии до Восточного моря. Германия, вся израненная, истекала кровью. Наступил кризис, ставший вопросом жизни. Генерал Людендорф метко характеризует положение, говоря, что за отливом всех сколько нибудь излишних отрядов и отрядиков в австрийскую армию, для первоначального германского фронта, на протяжении почти 1000 километров, в резерве оставалась одна единственная кавалерийская бригада. Наконец, в роли спасителей появились даже турки.

Тем не менее германский фронт стойко сохранял свои тонкие, не толще бумаги, позиции от Припяти до Восточного моря. В начале августа русским еще раз улыбнулось счастье, но лишь у австрийцев. Вновь в Лукской дуге, южнее Броды, и между Прутом и Днестром разразились самые тяжелые удары. Германские баталионы и кавалерийские полки останавливали потоки русских волн, хлынувших за австрийцами. В конце августа удалось преодолеть кризис во всей его совокупности, достигший во многих пунктах высшего напряжения.

Деморализация австрийской армии сильно ускорила подтачивающую работу энергии наступления на Сомме и вызвала на арену действий Румынию. Если германские войска выказали в этой цепи опасных для жизни кризисов свое превосходство над друзьями и

недругами и проявили чудеса храбрости и стойкости, то германское командование показало себя законченным мастером, несравненным в определенной сфере действий, сохранившим холодное спокойствие, нервную силу и заслуживающим бесконечного удивления.

ГЛАВА 23.

Успешное и на этот раз окончательное отражение французами германского предупредительного наступления на Верден.

Успешные „освободительные" „pour dégager Verdun" бои, которые велись французами в октябре и декабре 1916 г. ясно выказали понижение нравственного элемента германской пехоты по сравнению с западным противником, хотя поражение об'ясняется отчасти и неблагоприятными тактическими условиями на стороне немцев. Они несли тяжелые потери. Кратковременный успех в полном надежд наступлении, разрыв укрепленной полосы и оперативное закрепощение этим больших неприятельских сил в Вердене, удержать который удалось лишь с тяжелыми жертвами, все это также было потеряно. Отражение предупредительного наступления явилось отныне совершившимся фактом. В то же время противник подвергнул критике моральное состояние немецкой армии.

ГЛАВА 24.

Румынский эпизод.

Вступление Румынии в войну, 27 августа 1916 г., вновь воскресило на восточном фронте опасность, только перед тем с таким трудом отведенную. Генерал Людендорф говорит об этом так: „После об'явления Румынией войны, Карпаты получили иное значение. Протяжение нашего южного фланга нечего было ограничивать пространством между Днестром и Молдавией; он получил теперь широкий исходный базис во всю Румынию и становился необычайно результатным..." и далее: ...„если бы Румыны продолжали непрерывно наступать, то не только была бы совершенно окружена группа эрцгерцога Карла, но и открывался совершенно свободный путь к сердцу Венгрии и к нашим союзникам на Балканском полуострове: мы были бы побеждены" (схема 10).

Румыния, находясь между Трансильванией и Болгарией, была бы, с чисто оперативной точки зрения, в невыгоднейшем исходном положении, если бы ей пришлось выдерживать одновременно сильное наступление из обеих этих стран. Центральные державы могли, следовательно, создать решающий фактор из стратегически невыгодного начального положения Румынии только путем наступательной операции. Оборонительное выжидание избавляло Румынию от всякой опасности, давая

ей в руки все выгоды действий по внутрениим линиям по сравнению с бездеятельным противником. Севернее, игра уже началась. Если бы из рук противника быстро не вырвать инициативу, то это равносильно было бы окончательному падению восточного фронта, а следовательно и вообще срединных держав. Оттеснение румынских сил, не понесшим окончательного разгрома, обозначало бы, что угроза только отодвинулась, но опасность падения подточенного восточного фронта оставалась бы по прежнему во всей своей силе. Таким образом для укрепления вновь создавшегося серьезного положения срединных держав необходимо было нанести Румынии решительный удар; наилучшие же надежды для подобной операции всегда в наличии к началу возникновения военных действий. Немедленное наступление из Болгарии и Трансильвании являлось для срединных держав заповедью самосохранения. Между тем собрать силы для такого двойного наступления, при существовании тревожного положения, одинаково как на Западе, так и на Востоке, являлось для срединных держав без сомнения „coup de force".

Незначительность сил, имевшихся в Болгарии, временно отодвинула на второе место план нанесения отсюда удара через Дунай на Бухарест. Раньше всего нужно было соответственным образом ограничить оперативную свободу действий румын в тылу более сильным наступлением из Трансильвании. Наступление из Болгарии деятельно подготовлялось, для чего прежде всего была занята Добруджа до линии Галац—устье Дуная, а это заставило румынскую оборону Дуная растянуться почти вдвое от участка Орсова—Тутракан: до участка Орсова—устье Дуная, и соответственно разредиться.

Оперативная готовность сил, предназначенных для удара из Трансильвании (IX-ая германская и I-ая австрийская армии), замедлилась более, чем это было желательно. Район сосредоточения, южный фланг австрийской группы эрцгерцога Карла, притянул к себе головные, назначенные для Румынии, германские дивизии на свой изменчивый Карпатский фронт.

Наконец, тыл и фланги операции против Румынии казались достаточно обезпеченными. На Западе истекавшая кровью германская армия приняла на свои плечи еще Карпатский и Галицийский фронты. Германскому верховному командованию были пред'явлены такие требования, которые могли быть выполнены только при широком доверии к работоспособности войск.

Медлительное движение союзников в Трансильвании делало положение опасным. Готовая к бою румынская армия находилась лишь в однодневном переходе перед фронтом еще не готовых в оперативном отношении сил центральных держав, сконцентрированных в Трансильвании. На глубоком левом фланге союзников, группа их, прикрывавшая операцию в Карпатах, колебалась под ожесточенным натиском русских. Если бы румыны и русские с'умели использовать представившиеся выгоды положения и соединенными силами из Молдавии в направлении к Будапешту вогнали клин, действуя между двигавшимися в Трансильванию войсками и тылом Карпатского фронта, то их игра была бы выиграна. Защитники Карпатского фронта побросали бы оружие, и собиравшимся в Трансильвании корпусам грозило бы наступление с трех сторон. Только быстрое отступление за Тиссу и Дунай могло бы спасти

их остатки. Южный фланг союзного восточного фронта был бы уничтожен. Будапешт, Вена, Бреславль манили как победный приз. Обстановка была в высшей степени критическая. Но противник страдал в соответственно высокой степени недостатком энергии и остроты взгляда. Русские уже были однажды раздражены неблагоприятным наступлением в Карпатах. Румынам же ударил по ногам натиск Макензена в Добрудже. Опасный противник стал покорной боевой жертвой. Имя Гинденбурга явилось, как некогда имя великого императора французов, залогом успеха операции.

Закончив в конце сентября в Трансильвании свои переброски, германо-австрийские войска оказались перед тремя румынскими армиями, окружившими их широким полукругом от верхнего течения Мароса, через Чекели Удваргели, Фогарас, Германштадт, до Петрошени. Румыны подпали под влияние стратегии Шварценберга начала октября 1813 г., под властью которой армии союзников, по выражению Клаузавица, стояли перед встревоженным корсиканцем „как лягавые псы перед стаей куропаток". Операция союзников должна была вылиться в наступление IX-ой германской армии через Германштадт и Кронштад до гребня Трансильванских гор к югу, с уклонением влево, к востоку, и наступлением I-ой австрийской армии от Мароса к Вазаргели, тоже к востоку. I-ую румынскую армию нужно было уничтожить, а II-ую и северную—оттеснить в Молдавию.

Произведя вначале предварительное наступление, IX-ая германская армия Фалькенгайна достигла своим Альпийским корпусом тыла I-ой румынской армии у Германштадта и отрезала ей отступление через Ротентурмский проход. Наступление в сочетании с ударами в тыл и на фланги с юга и запада у недостаточно защищенных Вулканского и Чурдукского проходов, напоминает своим смелым замыслом охват, предпринятый в период зимней операции в Мазурах в направлении на Гродно и Ломжу.

Охват этот протянули далеко, хотя и ценою численного ослабления II-ой германской армии. К концу сентября с I-ой румынской армией все было покончено. Под прикрытием правого фланга от неприятельских групп, стоявших южнее Петрошени и Орсова, IX-ая германская армия повернула затем непосредственно севернее гребня гор на восток против стоявшей между Чекели Удваргели и Фогарас II-ой румынской армии. I-ая австрийская армия примыкала к ней непосредственно далее к северу. II-ая румынская армия также была разбита между Фогарасом и Кронштадтом. Однако, намеченное по плану оттеснение ее к востоку в направлении на Фокшаны не удалось. Она могла спастись в направлении Бухареста вглубь Валахии по обеим сторонам Кронштадта. Для того же, чтобы занять эту область, в чем была настоятельная необходимость по экономическим соображениям, требовалась новая операция.

Тем временем германская болгаро-турецкая дунайская армия проникла в южную Добруджу, заняла предмостные укрепления на Дунае — Силистрию и Тутраканы (Туртукай) и отразила румынский натиск на ее тыл западнее Тутракан (Туртукай).

Новая операция заключалась в том, чтобы, продвинувшись вперед, бить неприятеля в Валахии. Румынская армия не была еще надлом-

лена и получала подкрепления из России. Поэтому против румынских сил в Валахии, после того, как они оставили проход севернее пограничного горного хребта, приходилось в основу операции класть угрозу двумя фронтами. Центром тяжести, по определению германского верховного главнокомандования, послужила IX-ая германская армия, так как она имела лучшие для наступления коммуникации, чем армия Макензена, хотя для последней Дунай не составлял столь трудного препятствия на пути, какое имела перед собою IX-ая армия в виде Трансильванского пограничного горного хребта. Кроме того Дунай не так ограничивал выбор пункта наступления (и это впоследствии явилось решающим слагаемым), как непроходимая стена гор.

Необходимые для операции силы были взяты германским верховным командованием с Западного фронта, по прежнему находившегося в огне на Сомме и в последнее время у Вердена. Для решения задачи был привлечен и тот фронт восточного главнокомандующего, которому приходилось отражать лишь русские наступления западнее Лыка и на Нарове.

Операция началась действиями армии Макензена, находившейся в готовности для этого уже с начала октября, углублением натиска в северной Добрудже, с целью отвести глаза неприятеля от перехода через Дунай, составлявшего, согласно плану, вторую часть марша-маневра этой армии. После жестокого боя противник был отброшен за железную дорогу Констанца—Черноводы; была занята важная область, богатая нефтяными промыслами. Затем главные силы армии Макензена незаметно ушли назад к западу, на Дунай, южнее Бухареста.

Теперь очередь наступила за IX-ой германской армией. Для ее похода в Валахию стратегически выгодными пунктами наступления явились бы окрестности Кронштадта или по крайней мере Ротентурмский проход, который оспаривался обеими сторонами уже с самого начала враждебных действий, так как этот проход находился в достаточной близости к Галацу, где предполагалось сосредоточение новых румынских сил из России и Молдавии. Всякое смещение цели наступления IX-ой армии к западу облегчало румынам отход на восток, если бы дунайская армия не с'умела своевременно запереть им западный выход Галац—Фокшаны. Однако для этой задачи она была слишком слаба и к тому же избрала для переправы через Дунай—Систово, пункт, отстоящий от Галаца приблизительно на 300 километров. Уже теперь обнаружилось неудобство выбора центра тяжести операции на фронте, стесненном многочисленными трудностями местности. Как у Кронштадта, так и у Ротентурмского прохода тактические перспективы на прорыв были столь неблагоприятны, что германское верховное главнокомандование принуждено было волей-неволей решиться на прорыв через Вулканский и Чурдукский проходы. Таким образом центр тяжести на севере приходился как раз на высоте дна широко раскрывшегося мешка, в котором могли быть уничтожены румынские силы в Валахии и который простирался от линии Кронштадт—Черноводы почти на 300 километров вглубь на запад, приблизительно до Крайовы, между тем как центр тяжести движения на юге приходился на высоте приблизительно вдвое меньше той, которая была возможна. Вместо того, чтобы затянуть узлом мешок

выше Кронштадта и Силистрии, главные силы IX-ой германской армии, несмотря на казавшийся возможным охват румынского горного фронта, фактически очутилась против фронта румынских главных сил, как только этот фронт из базиса наступления стал оборонительным флангом. Это и должно было случиться, едва первая германская линия стрелков перешла Вулканский проход. Армии Макензена пришлось нанести у Систова румынскому фронту, который предполагался приблизительно на Альте или несколько восточнее, столь же поверхностный удар, какой в июле 1915 года армия Гальвица произвела по русскому фронту у Вислы. Таким образом „уничтожающего“ боя в Валахии получиться не могло. Это подтвердилось и ходом операции.

11 ноября IX-ая германская армия блестящим наступлением прервала румынские позиции на гребне хребта. Шесть дней спустя у Таргу были разбиты брошенные ей на встречу новые силы румынской Валашской армии. Через следующие шесть дней охватывающие войска находились во фронтальном бою по нижнему течению Альты. Дунайская армия перешла у Систова реку, но тотчас же была стеснена в своем стремлении к охвату Ведеа'ским и Нейловским участком. 30 ноября северный фланг IX-ой германской армии достиг линии Питешти—Кимпул-лунг—Синайя; группа прорыва стояла западнее Нейлова, а Дунайская армия—близь Бухареста.

Румынам, отступившим главным образом под фронтальным давлением, ни с юго-восточного угла Трансильвании, ни от Черновод не грозила опасность найти закрытыми ворота между Галацом и Фокшанами. Их командованию предоставлялась свобода действий по внутренним операционным линиям против армии Макензена, являвшей собою правый фланг германского фронта, хотя, правда, на короткое лишь время. Затем они планомерно уклонились к северо-востоку, чтобы, усилившись русскими подкреплениями, приобрести способность к более продолжительному, чем до сих пор это было, сопротивлению. Утомленным германским войскам приходилось во фронтальных боях, становившимся все более трудными, преодолевать участки у Яломница, Кальматуи, Бучау и, наконец, сопротивление у Браилова, после чего они примкнули к южному флангу фронта Дунай—Серет—Тротус.

Уничтожить румынские силы в Валахии—не посчастливилось. Начальное оперативное положение обеих сторон создавало для этого благоприятные условия, которые стали еще более счастливыми, когда наступление IX-ой германской армии втянуло главные силы неприятеля в пространство Таргу—Ию—Крайова. Нажим IX-ой германской армии из района у Кронштадта, или Дунайской армии из пространства Туртухай—Силистрия, на Бухарест привел бы румынскую армию, находившуюся в мешке западной Валахии, запертом Дунаем и лесистыми горами Трансильвании, к катастрофе, равной гибели армии Самсонова у Танненберга. Однако, оперативный центр тяжести IX-ой германской армии имел лишь один проход южнее Петрошени и потому переместился с тыла румынской армии перед ее фланг, который вскоре должен был стать фронтом. Другая группа, пригодная для тылового удара, а именно Дунайская армия, не была предназначена служить центром тяжести вследствие своей слабости. Кроме того, она была связана своим отношением к выбору места переправы и, следовательно, тем, что вхо-

дила в оперативный план. Ей приходилось выполнить уже давно подготовлявшуюся у Систова переправу, почему поневоле она могла нанести лишь поверхностный удар. Подобно тому, как в 1915 году линия соприкосновения армий Макензена и Гальвица находились впереди неприятельского фронта западнее Брест-Литовска, так и в этом случае Макензен и Фалькенгайн соприкасались между собою западнее Бухареста. В обоих случаях неприятель ускользнул. Достойно сожаления, что положение железных дорог делало невозможным перенесение центра тяжести к армии Макензена, этим самым назначая ее для глубокого тылового и флангового удара, или, по крайней мере, перемещение центра тяжести IX-ой германской армии далее на восток, с целью способствовать прорыву, чтобы таким образом с севера отрезать противнику отступление за линию Дунай—Серет. Основою плана и гарантией осуществимости операции было то обстоятельство, что все имевшиеся в распоряжении силы были вообще слабы для выполнения плана вовлечения неприятеля в мешок указанным выше способом. Верден, Сомма, Стырская дуга, Буковина—все это были каналы, по которым сочилась кровь германской армии. Принимая во внимание подобные, столь вообще ограниченные, средства, стратегический эпизод в Румынии дал во всяком случае значительные результаты. Южный фланг восточного фронта союзников, разорванный, вследствие об'явления Румынией войны, на глубину свыше 300 километров от местности восточнее Кронштадта до Орсовы, был сомкнут коротким победоносным походом. Была завоевана область колоссального экономического значения. Антанта же обогатилась новым тяжелым разочарованием.

ГЛАВА 25.

На переломе 1916—1917 г.г.

В предвидении войны 1917 года, факт борьбы на два фронта, без сомнения, стоял на первом плане соображений германского верховного главнокомандования. Боевая сила русской армии и румын была потрясена столь сильно, что вопрос, на каком из театров военных действий искать решения войны, ставился без возражений в пользу Западного. На Западе же, общее положение столь отчетливо принуждало германскую армию к обороне, что вопрос о вторичном наступлении со всеми его оперативными последствиями и не поднимался.

Хотя в этом отношении германское верховное главнокомандование и было свободно от всяких колебаний, однако с еще большею силою давили на его соображения неисчислимые заботы иного порядка. Армия сильно пострадала. Былые прочные кадры пехоты к концу 1916 года большей частью исчезли. Все, что осталось после кровопролитных боев маневренной войны 1914—1915 г.г. растаяло в безпримерных огневых штурмах у Вердена и на Сомме. Старинная солдатская философия, что смерть ищет себе жертв между лучшими, получила печальное подтверждение. Там, где до сих пор стояли наиболее муже-

ственные, надежные офицеры и солдаты, теперь зияла широкая брешь Все, что оставалось, было средним и ниже среднего. И эта потрясенная армия была ошеломлена изборожденным боевым полем на Сомме. Удручающее превосходство западных держав в области техники заменило прежнюю веру в победу чувством подавленности, открыло путь представлению, что война безнадежно проиграна, а, следовательно, и малодушию. Вместе с этим отечественный дух малодушия, равнодушия и даже измены влил свои зловредные струи в чистый источник верности германской армии своему долгу. Неприятельская пропаганда работала на фронте верною рукою. В осенних боях 1916 г., у Вердена германская пехота обнаружила катастрофическое понижение своей моральной силы. Ее тяжелые потери требовали обильных подкреплений. Были ясны хронические пробелы: они подходили к полю сражения в виде лишь одетых в мундиры людей, но не солдат. Даже в чисто физическом отношении новые пополнения не отвечали всем требованиям. Молодые, но не имевшие достаточного питания, бурши лишь с трудом выдерживали напряженные условия окопной войны. Страна же снабдила их напутствием, что первейшая забота солдата—беречь свою жизнь.

Наряду с необходимостью управлять дряблыми войсками в качестве оперативного инструмента, верховное германское главнокомандование было удручено сознанием, что начинают отказывать даже известные до сих пор принципы войны.

Такова была работа, накопившаяся перед новыми деятелями германского верховного главнокомандования; работу эту, достойную духовного геркулеса, необходимо было выполнить в течение немногих месяцев, почему она и требовала почти сверхчеловеческой воли, работоспособности, а также веры в дело. Недостаточно было исцелить армию от внутренней болезни, приходилось еще и создавать новую тактику. Оказалось необходимым выбросить за борт значительную часть представлявшихся прежде надежными правил, основанных на чувстве беззаветности и на добросовестной работе, делать выбор под, зачастую, пререкающиеся голоса фронта и создавать новый способ ведения войны, в сознании всей ответственности такого шага. Он должен был выдержать боевое крещение.

Напротив стоял враг, вся огромная промышленность которого по изготовлению вооружения, развернулась ныне до высшей степени производительности, войска которого, именно британские. численно непрерывно росли. Противник, которому технические вспомогательные средства могли дать в наступавшем году материальный перевес, превосходивший тот, который оказался в бою на Сомме, чувствовал себя победителем. Сначала на Сомме, затем у Дуомона и у Пфефферрюкена он первоначально смотрел недоверчиво и с изумлением, как испуганный неприятель показывал тыл, как целые полки доселе победоносной немецкой пехоты, на которую он глядел с полным ненависти удивлением, сдавались в плен, словно стадо баранов, Моральный перевес, который до сих пор покоился на чашке весов германской армии, решая бои в ее пользу, начал медленно склоняться в сторону Антанты, чтобы там присоединиться к перевесу как в числе, так и в боевых средствах. Угрожал мощный натиск подоб-

ного противника, и всех, кто только бросал взгляд на серьезность положения, озабочивал вопрос: „каковы же будут наши дела в 1917 г.?“

Однако, ни тяжесть забот, ни затруднения не могли отнять от руководителей германского верховного главнокомандования ледяного спокойствия и уверенности; это лишь побуждало их все более и более напрягать свои силы. Из громадного количества добросовестно продуманной и взвешенной работы ума, на основе тактического опыта прошедших материальных боев, было выведено правило: в глубоких поясах вести бой незначительным числом людей при возможно большем количестве машин, не страшиться потери территории, если только при этом противник несет большие потери, свои же силы сберегаются. Бессмертный догмат Клаузевица, что на войне конечная цель всех боевых операций должна выражаться в уничтожении неприятельских сил,—витал над первым даром полевой армии ее нового начальника генерального штаба,—над наставлением: „Управление в оборонительном бою“. Единственное, что можно было поставить этому наставлению в упрек, это то, что в нем наступательная идея слишком уж отходила на задний план. Если бы даже условия и не позволяли западным германским армиям производить большие наступления, всетаки оборона против неприятельского наступления случайно могла бы перейти от чистого отражения к вылазке. Между тем наставление совершенно не проводило идеи подобной инициативы. Очень подробно излагая основной тезис Клаузевица, оно совершенно обходило важный лозунг его: „сверкающий меч возмездия“. В этом отношении оно шло дальше по путям фалькенгайна.

Тщательным регламентированием войсковых перебросок желали достигнуть возможного сбережения войск, избежать разрыва связи и усилить их внутреннюю спайку. С тою же целью стремились уменьшить число фронтовых дивизий, посредством увеличения отдельных участков, чтобы они таким образом дали более значительному числу дивизий продолжительный отдых и возможность подучиваться. Это достигалось увеличением числа пулеметов при дивизиях.

В области стратегии предусмотрительно обращалось внимание на возможное развитие тыловой зоны позиций. Были намечены участки, предназначенные к вероятному оставлению, и отход с них должен был быть подготовлен в общих чертах. В заключение была поднята борьба с неприятельскою военною промышленностью. Недостаток материальной части и боевых припасов, поставивший на Сомме германскую артиллерию и воздушные боевые силы в безнадежную подчиненность, более не должны были иметь места. „Программа Гинденбурга“ расчитывала на широкую помощь. С этой целью германское верховное главнокомандование давало в распоряжение отечественной промышленности 125.000 рабочих. Чудесная производительность германской техники и тяжелой индустрии ответили на ожидания. Хотя преимущество Антанты в области вооружения и были недосягаемы, тем не менее угнетающая приниженность в этом отношении германской армии осенью 1916 г. значительно ослабела.

С февраля 1917 года решающее значение в наступательной войне перешло к подводным лодкам. Сухопутная армия должна была держаться до тех пор, пока подводная война не перережет неприя-

тельский жизненный нерв. Казалось, что армия доросла до выполнения такой задачи. Хотя она по прежнему оставалась численно более слабой, как это выяснилось из штурмов 1916 г., но внутренняя ее спайка начинала вновь проявляться под умелым руководством ген. Людендорфа, и даже ее физические силы мало по малу возвратились к тому состоянию, которое они имели в спокойные зимние месяцы.

ГЛАВА 26.

Продолжение планомерного наступления Антанты на Западе.

Антанта намеревалась в 1917 году продолжать начатую в 1916 г. постепенную атаку. Ее возобновленное участие в делах Восточного фронта выходило в этом году из области возможного. (Чертеж 9).

Военные силы России заметно ослабли от внутреннего кризиса, в противовес чему вступление в войну Соединенных Штатов знаменовало собой существенный прирост сил, моральное и экономическое значение которого для 1917 г. было, без сомнения, значительно больше, чем возрастание количества бойцов. Этот фактор в глазах вождей Антанты вначале не представлялся достаточно веским. Они считали, что тактическое превосходство на поле сражения на Сомме для них обеспечено. В противном случае главнокомандование Антанты для возобновления осады выждало бы американской помощи. Временем, ведь, они стеснены не были. Над ними тогда еще не висела угроза подводной войны. Даже при полной разгрузке восточного германского фронта имелись еще хорошие перспективы, хотя в России из государственной постройки уже начинал выкрашиваться цемент.

Тем не менее Антанте казалось, что ей достаточно было бы лишь одного последнего напряжения, чтобы весною 1917 года собрать плоды, созревшие летом 1916 г. При посредстве большого наступления, поддерживаемого еще более мощными техническими средствами, чем это было на Сомме, она уверенно считала возможным прорвать германский фронт. А затем потрясенное тело германской армии, каким оно представлялось им осенью и ранней зимой 1916 г. у Вердена, не было бы уже в состоянии оказать превосходящим силам противника в открытом поле какое-либо сопротивление. Успех казался обеспеченным.

Перевес во всех отношениях был на стороне Антанты; как в численности, так в техническом отношении и в моральном состоянии войск; по крайней мере она так мнила.

Наконец, совершенство и искусство управления уже более не казалось имеющим решающее значение, настолько весу серой массы приписывали преимущество над духом. Антанта не придавала особой цены тому, чтобы приобрести преимущество над германским командованием в оперативной области. В своей уверенности в победе, Антанта почти вовсе отказалась от маскировки своих наступательных замыслов и, следовательно, от выгод оперативной неожиданно-

сти; германскому верховному главнокомандованию великодушно представлялась возможность самым тщательным образом подготовиться к предстоящим ударам, насколько это было еще возможно. Положение его было и так безнадежно. Невиданная до сих пор огневая атака нынещней планомерной артиллерийской подготовки должна была смыть оборону. За вновь изобретенною завесою огневой волны французская и английская пехота беспрепятственно перемахнула бы через бреши, проделанные танками, вкрапленными в различных местах оборонительного фронта и уподоблявшимися ударным войскам.

Неудержимая штурмовая волна залила бы германские позиции, и единственною ее заботою было бы брать в плен оставшихся в них живых защитников, „la cigarette à la bouche“, „с папиросой в зубах“ по выражению одной французской газеты, выходившей в свет на театре военных действий. И сколько обещаний делалось постоянно войскам в докладах, при помощи кинематографа, демонстраций вновь изобретенных танков и исполинских орудий в 40 и 52 сантиметров калибров и т. д., пока такая „préparation morale“ не вселила твердой уверенности в победе и не вызвала порыва к наступлению. Столь же уверено было командование Антанты и в совершенно неизбежном тактическом успехе. Ее доказанное уже на Сомме артиллерийское превосходство должно было стать еще более выразительным. В воздухе не смел показаться ни один немецкий аэроплан; их броневики издевались над пулеметным огнем и гранатами доведенной до отчаяния германской пехоты. Машина, она единственная, в своем разнообразии форм, должна была победить, расчистить поле битвы, захватить пленных и всякую иную добычу. Подобно тому, как ставшее почти символом материальной тактики Антанты,—стальное чудовище—танк со слоновьей неуклюжестью переваливало через все столь хитро продуманные препятствия, так и масса машин должна была сокрушить и низвергнуть всякую, сколь она ни была бы организована, оборону живой силы. Таким образом, особо соображенная подготовка, базирующагося на средства техники, наступления помощью мер маскировки, демонстраций и т. д., по справедливости, являлась излишнею. Забота об этом могла быть предоставлена приговоренным к смерти бошам.

Тактика, а во многих случаях и стратегия, Антанты, с весны 1917 г. была построена единственно на предположении оказаться в материальном бою еще более бесспорным победителем, чем в прошлом году. Ведь ее технические боевые средства возросли под диктовку опыта сражения на Сомме и значительно усилились в своей действительности. Что, быть может, противнику удастся значительно усилить свою оборонительную мощь и противопоставить штурму нечто подобное же и даже равноценное, на это, казалось, Антанта серьезно и не разсчитывала. Хотя подобная возможность должна была совершенно опрокинуть ее план, всецело опиравшийся на работу техники. Даже ген. Нивелль это допускал, говоря, что наступление разбилось бы, если бы, против всякого ожидания, ему не удалось бы в первые же 24 или самое большее 48 часов довести прорыв до тыла артиллерийской позиции обороняющегося. Поэтому во всей деятельной работе англо-французского командования, духовным отцом которой был генерал Нивелль, сквозит такая поверхностность, столь глубокое заблуждение отно-

сительно ценности решающих бой факторов, что она напоминает явное диллетантство. Но если бы в рядах французского генерального штаба осмелилась раздаться суровая критика подобной доктрины, то генерал Нивелль с'умел бы ее обезвредить лишь простой угрозою отрешения от должности, но не осмысленными возражениями. В этом случае Антанта составляла противоположность прусско-немецкому консерватизму в его скептической осторожности по отношению к технике, слишком переоценивая машину, что было бы неудивительно со стороны военного профана, обуреваемого фантазией Жюля Верна, но для полководца же, от которого требуется беспристрастное взвешивание всех возможностей, это служит прискорбной рекомендацией.

Как было упомянуто, Антанта перестала беспокоиться о том, чтобы помощью неожиданности самой операции создать тактическому успеху особо выгодные предпосылки. Она находила более удобным для себя оставаться при избранной с 1915 г. основной стратегической идее, спрямить германский фронт, выдававшийся дугою в северную Францию, при посредстве знаменитых „клещей Нуайона“ с флангами Ньюпорт—Мулен су Туван и Мулен су Туван севернее Вердена, чтобы затем довести прорыв до замыкания, приблизительно, у Намюра. С этою целью одна англо-французская группа прорыва должна была наступать по расширившемуся с обеих сторон прошлогоднему полю наступления на Сомме, приблизительно между Ляссиньи и Вими, а другая, состоящая из цвета французской армии—между Суассоном и Реймсом, совместно с фланговым наступлением восточнее Реймса.

В таком случае весь германский фронт от Вердена до самого моря был бы разгромлен, а Северная Франция и Бельгия очищены от неприятеля. Если бы германская армия была вообще способна образовать живой фронт, то этот последний прежде всего мог бы укрепиться, приблизительно, на линии Люттих—Мец—Страсбург—Обергейн. Эта, далеко не новая, идея служила также основою для назначенного на 1917 г. окончательного овладения германской цитаделью во Франции. Она была выдвинута на авансцену после тяжелых предродовых мук. Начальник британского экспедиционного корпуса фельдмаршал Хейг долго протестовал против своего, хотя и временного, подчинения французскому генералиссимусу.

Пока Антанта не начала своих приготовлений к наступлению, германское верховное командование, естественно, стояло перед некоторою неясностью. Хотя продолжение „зажимающего“ наступления, ставшего в некотором ряде историческим, казалось довольно вероятным, тем не менее в выборе более узких наступательных участков оно допускало значительный произвол. В бывшем перед тем районе наступления, на Сомме, все было подготовлено для генерального наступления. Здесь противник мог ударить во всякое время. Подобным же образом и у Вердена французы имели в своем распоряжении все необходимые для наступления средства, для устройства позиций и батарей, аэродромы, склады и т. п., так что и в этом пункте можно было во всякое время ожидать внезапного наступления. Судить о том, будет-ли это главный удар или демонстрация,—в первые моменты было трудно. Наконец, оживившаяся деятельность французов в Лотарин-

гии и в Зундгау тоже требовала разрешения загадки: „наступление или оборона“.

Равным образом, трудно было своевременно и заранее определить момент наступления. На Сомме и у Вердена наступление могло быть начато во всякое время, на прочих же угрожаемых участках фронта— немедленно после того, как это было бы разгадано. Добытый приказ свидетельствовал, что противник, расчитывая на свое артиллерийское превосходство, хотел отказаться от создания исходного пункта наступления в настоящем смысле слова, а намеревался лишь соответственно оборудовать сеть дорог и железнодорожных путей, склады боевых припасов и аэродромы. При некоторых условиях это могло быть выполнено весьма быстро, принимая во внимание имевшуюся у Антанты армию рабочих. Техническое же усиление германской армии в начале 1917 года находилось еще в зачаточном состоянии. До его окончания невозможно было принимать бой, имея в виду осведомленность о неприятельских исполинских вооружениях. Продление срока пребывания в покое становилось полезным и для наростания боевой мощи германских войск. Таким образом, в стремлении временно оттянуть наступление, германское верховное главнокомандование хотело отнять у противника его наиболее вероятные базы наступления. Такими служили прежде всего уже подготовленные участки на Сомме, где могла быть приложена северная губа клещей, позиции по обе стороны Реймса и у Вердена, где могло действовать южное плечо тех же клещей. Здесь, благодаря своему оборудованию, неприятель также мог быстро перейти в наступление. С этих трамплинов оказывалось возможным либо прямым наступлением отбросить противника назад, либо принудить его к оставлению этих позиций при помощи собственного отступления. О первом не могло быть и речи при желании задержать начало боев. Второе средство было применимо лишь там, где стратегические позиции были готовы к занятию. Впереди Вердена и в Шампани такие позиции, насколько вообще можно было говорить о готовности, располагались слишком близко за тогдашним фронтом. Занятие их не могло бы обесценить для неприятеля все сделанное им оборудование: этому требованию удовлетворяла лишь Зигфридская позиция, в смысле общего устройства самая совершенная и составлявшая один из неприятельских этапов на путях от подготовленного поля сражения на Сомме. В то же время она способствовала весьма желательному сокращению фронта, которое давало германскому верховному главнокомандованию возможность иметь резервы и, по крайней мере для ближайшего времени, оставалась совершенно спокойным участком, суживая границы возможностей неприятельского наступления.

4-го февраля 1917 года вышел приказ относительно планомерной подготовки к отступлению. Огромные работы по снятию с позиций в условиях сохранения тайны операции соединились с систематическим разрушением впереди лежащей местности, перед новой позицией, на глубине в 15 километров. К 16-му марта приготовления закончились. Стоявший напротив враг усмотрел признаки чего то подготовлявшегося в течение последних недель, но его главнокомандование не придавало им значения. Когда затем началось отступление, смущенный неприятель заподозрел первоначально какой то коварный замысел,—ожидание

которого до сих пор при всяком тактическом успехе сковывало его оперативную инициативу. Затем, разобравшись в обстановке, он вскоре произвел сильный натиск, чтобы через несколько дней остановиться перед новообразованной позицией.

Зона наступления Антанты ограничивалась теперь Фландрией, районом Арраса, фронтом вдоль Эна, участком в Шампани между Реймсом и Аргоннами и, наконец, Верденом. Лотарингия и Зундгау, на основании имевшихся сведений, совершенно отступили на второй план; по крайней мере, на первых порах. О с'ужении протянувшегося с запада на восток наступательного фронта, германскому верховному главнокомандованию удалось узнать из добытого у неприятеля, во время одного поиска в середине февраля у фермы Мезон де-Шампань, приказа по дивизии. Он недвусмысленно указывал на предстоящее большое наступление на Эне. На фронте же, простиравшемся с севера на юг, все признаки указывали скорее на пространство у Арраса, чем на Фландрию. Картина неприятельского расположения говорила о наступлении с целью производства зажима у Арраса и по обе стороны Реймса. К концу марта, оживившиеся приготовления, которые неприятель, как было выше упомянуто, вел довольно откровенно, устранили всякое сомнение в предстоящем наступлении и даже позволяли приблизительно отнести момент такового к первой половине апреля. Наконец, удачной разведке 10-ой резервной дивизии 5-го апреля, южнее Берри-о-Бак удалось добыть приказ, в котором предстоящее наступление расписывалось во всех деталях. Если бы германское начальство не было слишком методически погружено в неизбежную оборону, то этот счастливый случай должен был бы внушить ему мысль о контр-наступлении на флангах. Оно, однако, осталось при своих исключительно оборонительных мероприятиях и продолжало снабжать, сообразно этому положению, высшее командование угрожаемых частей значительным количеством дивизий, артиллерии и боевых припасов. Оно с уверенностью смотрело навстречу наступающим событиям, ибо боевая ценность войск вновь заметно возросла, а их тактическое обучение могло ответить на ожидаемое наступление.

На стороне неприятеля начинали возникать сомнения, обнаруживавшиеся даже у самих командующих наступательными армиями; это привело к созыву 6-го апреля военного совета в Компьене. Вопреки всем возражениях, ген. Нивелль, угрожая отставкою, сумел добиться постановления о наступлении, хотя штаб одной из армий и сообщал о потере вчерашнего приказа. Камень покатился под гору. К неизбежному року, к которому три четверти года позднее, германское главнокомандование, не подозревая предательства, двигалось, шатаясь, как бы с завязанными глазами, французские вожди на этот раз шли с открытым взором. Одно из свойств полководца—неуклонно проводить раз принятое решение, принадлежит к числу драгоценнейших. Однако, существует предел, за которым упорное нежелание *видеть*,—уничтожает все доблести полководца, оставляя одно лишь ослепленное высокомерие. Генерал Нивелль дошел до этого предела и даже перешагнул через него. Хуже было там, где новый способ обороны должен был выдержать огневое испытание, а новые правила не были еще претворены в действительность. Пехота находилась на позициях

устарелого типа, перекроенных в бою из первых окопов, и еще не была расчленена в глубину.

Кроме того, VI корпус полагал, что время наступления еще не пришло. Артиллерия только еще развертывалась, вместо того, что-бы уже давно принять артиллерийский бой, для предупреждения наступления. Дивизии, предназначенные для непосредственной схватки с противником, занимали тыловые позиции.

9-го апреля, после кратковременной, но сильной артиллерийской подготовки, неожиданно, по обеим сторонам Скарпы разразился штурм. Неприятелю, при помощи танков, удалось в нескольких пунктах произвести широкие и глубокие нажимы. Оставшиеся на месте соседние участки оказались в мешках и также должны были пасть. Между тем английская пехота заливала уже артиллерийские позиции.

Достигнув, однако, предела досягаемости своей артиллерии, она остановилась в бездействии. Во всяком случае положение стало критическим. Как и в прошлом году, на Сомме, противник, добившись надлома, оставался в открытом поле. На пути его не было ничего заслуживающего внимания. Вскоре должно было сказаться, послужили ли на пользу ошибки прошлого года; следовало на этот раз быстрым натиском развить достигнутый в прорыве успех. Противник этого не сделал. Стратегические уроки прошлого года прошли бесследно мимо английского генерального штаба, который сумел лишь разобраться в тактическом успехе материального боя. Прорванный фронт обороняющегося получил таким образом время для подвоза новых дивизий и батарей. Когда на следующий день англичане возобновили наступление, то благоприятный момент был уже упущен. Им удалось еще упорными боями расширить свой нажим, но достигнуть вновь результатов начального удара, они не могли, несмотря на то, что наступление 23—28 апреля и 3 мая по силе не уступало наступлению 9 апреля. Тем временем суровая необходимость научила обороняющегося новому методу борьбы. Новое развертывание английской артиллерии подверглось тяжелому испытанию. Когда же она вздумала вновь начать подготовительную огневую атаку, то уже не нашла для своей цели окопов, ибо германская пехота залегла в изрытом воронками поле, прикрываясь им как шапкой—невидимкою. Удар распылился и превратился в мыльный пузырь. Пехота встретила живучего противника и тотчас же залегла. Бой продолжался до конца апреля, однако стратегическая гроза первого дня уже не повторилась.

Еще во время его наивысшего напряжения, французы произвели наступление 16-го апреля на Эне и восточнее Реймса. Артиллерийская подготовка была здесь еще сильнее, чем у Арраса и продолжалась несколько дней. Нет сомнения, погода весьма неблагоприятствовала наступлению. В западной части наступление по Эн-Марнскому каналу между Бримоном и Берри-о-Баком и по крутому пересеченному оврагами откосу Шемэн-де-Дам между Винтербергом и Конде имело перед собой такой путь, который представлял тяжкое затруднение главному деятелю наступления—танкам. Приходилось работать одной пехоте. Доверяя уничтожающему огню артиллерийской подготовки и сопровождающей огневой завесе, она кинулась на штурм плотными массами, чтобы на этот раз прорваться вглубь. На этот раз стратегический прорыв

ей приходилось однако добывать силою. Этому должна была способствовать энергия движения массы, как в былых наполеоновских колоннах. Однако, расчеты не оправдались. Тот или иной из оставшихся немецких пулеметов своим дождем поливал компактные цели. В первый же день французское наступление безнадежно рухнуло и повлекло за собой такие потери, которых не стоило еще ни одно наступление в течение всей Мировой войны. Местные приобретения территории и цифра пленных ничего не смягчили в этом жестоком факте. Возобновление наступления 17 и 18-го ни в чем не могло изменить общей картины. Равным образом и в западной части, наступление, начавшееся 17 апреля и достигнувшее гребня высот Маронвилье, было отбито артиллерийским огнем. Германская артиллерия, которая согласно программе уже давно должна была перестать существовать, обнаружила и здесь поразительно большую силу огня. Неприятель и в данном случае остался при выигрыше лишь одного, хотя и значительного в тактическом отношении, пункта. Надежда на прорыв окончательно рухнула. Несмотря на большую напряженность устремления, французское наступление не имело здесь тактического успеха, даже близкого к тому, который за несколько недель до того имели англичане. Опыт Арраса был претворен в жизнь германским командованием уже на Шмэн-де-Дам. Германское верховное главнокомандование по праву могло сказать в одном из признаков за эти дни: „Наши правила оборонительного боя оправдали себя в полной мере".

Нечто иное мы видим на стороне противника. Здесь тактика потерпела полную неудачу. Обобщение Соммских опытов и предположение, что неприятелю уроки также не послужили на пользу, горько отомстили за себя. „Nos troupes venaient de faire l'expérience de la nouvelle méthode de combat allemande et notamment de la contre attaque de profondeur. On ignorait encore l'excellence des procédés mis en oeuvre par nos ennemis" (Пьеррефэ) *).

Слишком дорого стоил этот урок. Более 30 дивизий истекли кровью только на Эне. На-ряду с этим французское командование произвело опыт, который немецкие вожди обрели еще 15 августа 1918 года, именно, что с громадными потерями безнадежно отбитое большое наступление, на которое возлагались решительные поддержки, расшатывает внутреннюю спайку войск значительно сильнее, чем несчастливый оборонительный бой, несмотря на потери в людях, уступку местности и урон материальной части. Учитывая даже угнетающее сознание неприятельского превосходства, падение с небесных высот будет не столь стремительно, как в первом случае. Французская армия испытала нервный шок, гораздо более чувствительный, чем германцы после боя на Сомме, и который выразился многочисленными бунтами войсковых частей и даже насилиями над начальниками. Такие мятежи разразились одновременно в 16-м армейском корпусе, когда бунтовщики с красными знаменами и с криками „á bas la guerre, à bas les chefs incapables" **) проходили перед расположением высших штабов.

---

*) Наши войска только-что испытали на себе новый германский способ ведения боя, в частности, контр-атаку из глубины. Тогда еще не знали превосходства наших противников в процессе самого выполнения.

**) „Долой войну, долой бездарных начальников"!

Только взоры на сказочную страну Америку, равным образом энергичное и благоразумное поведение правительства спасли от полного нервного коллапса. У хладнокровных бриттов моральное впечатление неудачи было слабее. Однако и здесь приходилось оплакивать громадные потери.

ГЛАВА 27.

Особое наступление на германскую базу подводных лодок в связи с демонстративными ударами у Вердена и на выступ у Лаффо—Эн.

После того, как радужные весенние надежды погибли в кровопролитном бою, Антанта увидела, что от своей цели она удалилась еще больше, чем это чувствовалось ею, упоенной радостью победы после успехов 1916 г. Ее силы на Западе сильно пострадали. Содействие же России, после революции, совершенно отпало, по крайней мере в первое время. Антанте предстояло взвесить, может-ли она с оставшимися силами отважиться на новую попытку к наступлению в 1917 г. или же, быть может, не лучше-ли подождать помощи американской армии.

Однако, при решении этого вопроса она не являлась свободным распорядителем своих решений, как в первые месяцы года, и уже не могла выжидать по своему желанию. С февраля 1917 г. германская подводная война проявила столь энергичную активность, которая, по словам одной английской торговой газеты, создала критическое положение до степени, еще не переживавшейся Англией с самого начала войны. Оборона не была еще упрочнена, и существование Англии представлялось в опасности. Кроме того, нужно было обезопасить перевозку американских армий. Таким образом, если бы Антанта и не надеялась решительным успехом, как два месяца тому назад, быстро устранить эту угрозу дальнейшему ходу войны, то общее положение вещей требовало немедленного решения.

Был смысл—овладеть опорным пунктом германских подводных лодок на Фландрском берегу.

Хотя безопасность американских транспортов интересовала одинаково обоих главных противников Германии, однако же сама по себе оперативная цель получила совершенно особое значение именно для Англии, обуславливающее разгрузку ее отечества. Таким образом ее армия принуждена была нести и главную тяжесть войны. Французская армия, без сомнения, пострадавшая еще сильнее, могла взять на себя лишь обязанность производить отвлекающие наступления в большом масштабе и поставлять английскому фронту подкрепления. На основе апрельского опыта, во французской главной квартире лихорадочно трудились над формулировкой новой наступательной тактики, соответствовавшей новому германскому способу обороны, опиравшейся главным образом на более густой артиллерийской подготовке и более редких построениях пехоты.

После успешного отражения большого наступления, германское верховное главнокомандование первоначально оказалось вновь в не-

определенном положении. Не выяснены были условия, в которых находится противник, и прежде всего каковы последствия неудачного наступления.

Оставался открытым вопрос,—предполагает-ли противник возобновить большое наступление и, в таком случае, где именно. На прежних пунктах столкновения бой еще все продолжался, хотя и не в виде общего большого наступления, вернее, отдельными сильными ударами. Тем не менее он мог во всякое время вновь разгореться до ужасающих размеров. В начале июня, по некоторым признакам, можно было судить о подготовке к наступлению во Фландрии.

Наступление неприятеля из Ипрского района на восток было взято во фланг с Мессинского плоскогорья. Целью же наступления было—захват этого плоскогорья, скашивание выступа германского фронта, известного под именем Витшетской дуги.

Эту основную операцию неприятель подготовлял в течение продолжительного времени: здесь работы производились с подземным минированием, в огромном масштабе, немецкой позиции, причем неприятель сумел обеспечить себе под землей некоторое определенное преимущество. Немцы могли избежать катастрофы только предупредив неприятеля собственным наступлением, или очистив подземную позицию, как только вырисуется опасность. Однако, вследствие тонкого поведения врага, этого не удалось узнать. IV-ая германская армия продолжала сидеть на „бочке с порохом". 7 июня 1917 г. она взлетела на воздух, а вместе с нею и большая часть первой германской позиции. Ничто более не мешало неприятелю ворваться во внутренность ее, но он удовольствовался тем, что овладел плато Мессина—Витшет. Во Фландрии вновь воцарилось спокойствие. Спокойствие перед бурей. Во многочисленных местах Западного фронта во время этой паузы произошли местные столкновения. Частью они были вызваны неприятелем, например, англичанами, имевшими целью отвлечь внимание у Арраса и Ленса. Частью же, наступающей стороной были немцы, в задачи которых входило местное усовершенствование позиции. Таковы были наступления морского корпуса IV-ой армии у берегов, группы Файли VII-ой армии на западном поле битвы у Шемен-де-Дам и западной Маасской группы V-ой армии на пресловутой высоте „304" северо-западнее Вердена.

31-го июля, англичане, после страшнейшей артиллерийской подготовки в течение всего дня, начали наступление во Фландрии. Фландрский бой, которому пришлось продолжаться до ноября постоянно возобновлявшимися схватками, служит началом этих последних и вместе с тем предверием нового периода войны, рисуя геройскую оборону вновь окрепшей германской пехоты в самом ярком свете. В грязном, полуразмякшем от почвенных вод и от вечно падающего дождя, грунте, получившем от миллиардов гранатных воронок обнаженный, мертвенно-застывший вид лунного ландшафта, ютился обороняющийся. В сырой земляной дыре, имея над собой серое туманное небо Фландрии, голодный, вечно зябнувщий, простуженный, в вязкой грязи. Часто, в течение многих дней изолированные защитники позиций питались лишь размоченным черным хлебом и консервным мясом. Никаких укрытий, чтобы просушиться и обогреться, никаких траншей для удобства сколько

нибудь человеческого способа передвижения. Перепрыгивая от одной гранатной воронки до другой или переползая через густую грязь, сновали спереди назад и обратно вестовые, разнощики пищи и смены, неизбежно подвергаясь опасности заблудиться в однообразии пустынного поля воронок и попасть к неприятелю. И над всем этим серотуманным навозным болотом, в пронизывающей до костей сырости, бушевал адский огонь неисчислимой английской артиллерии. Днем и ночью; ночью и днем; иногда затихая на короткие томительные паузы, а затем вновь быстро разгораясь с неистовою жестокостью, так что гул выстрелов и звон лопающихся снарядов торопливо сплетались в какую то какафонию. Над серобурым полем воронок стояло темное пламя разрывов, носился вихрь стальных осколков и комьев грязи, подобно хлопьям снега зимою. И курящийся едкий чад, подобно покрывалу, стлался во влажном воздухе. Ядовитый зеленоватый туман убийственных газов пресмыкался над истерзанною землею, подобно сказочному чудовищу. В этом аду германская пехота билась не днями, а целыми неделями и месяцами. Тела убитых и тяжело раненых засасывались грязью. Адский ужас отражался на искаженных лицах, унесенных в могилу. Потрясаемые хриплым кашлем, с воспламененными слезящимися газами ощупью тащились назад ослепленные удушливыми газами. Легко раненые плелись к перевязочным пунктам через залитые грязью воронки с невероятными страданиями и трудностями. Тут поднимались облепленные грязью фигуры и тяжелыми шагами направлялись к ним. Были ли это свои или англичане? Форма стального шлема зачастую позволяла различить это лишь в непосредственной близости. Полный чада воздух, залепленные грязью стекла газовых масок помрачали взор. Грязь окрашивала друга и недруга в одинаковый цвет. И вот руки быстро хватаются за пулеметы, тщательно оберегаемые от грязи и от сырости на краях воронок, и в лицо наступающего посылается убийственный огонь со всем жестоким упрямством обороняющегося. Его засосало в болоте. Оно прикрыло упавшего и раненого, и вот, два человека, трясясь всем телом от лихорадки истерзанных нервов, томятся ожиданием, что будет дальше. Отбито ли наступление также и по обе стороны его или же „Томми" вдруг зашел им в тыл. Сосед лежит где нибудь рядом в такой же грязной яме. До него не было никакого окопа. Только ночью можно было переползти и осторожно высмотреть—кто забился в воронку; свой или англичанин. Или же оба истерзанные друг другом, в смертельных судорогах, застыли в сырой земле. Таким образом немецкой пехоте приходилось разбиваться на отдельные, более или менее небольшие группы, постоянно терзаясь тревогой о том, не предоставлен ли кто нибудь самому себе в полном одиночестве. Для этого требовалось почти сверхчеловеческое мужество. И немецкая пехота дала свидетельство его. Армия, истощенная боями на Сомме, нашла в имени „Гинденбург" новую, твердую, как скала опору. Животворящий дух ген. Людендорфа вливал новый мозг в ее позвоночный столб. Победоносное отражение у Шемен-де-Дам подняло веру в свои силы. Фландрский бой оправдал назначение нового руководителя германским верховным главнокомандованием; он же стал трогательной легендой германской армии.

Фландрский бой 31-го июля начался наступлением пехоты на фронте

в 25 километров, в сопровождении броневиков, против немецкого фронта, потрясенного таким массовым огнем, выдержать который до сих пор считалось невозможным. После нескольких местных кризисов, IV-й германской армии пришлось сдерживать нажим далее в тылу и не допускать его до прорыва. Наряду с потерею значительного пространства местности, весьма чувствительны были также потери в людях и в материальной части. 10, 16, 22 и 25 августа вновь последовал ряд больших атак, подготовленных жесточайшим огнем и поддержанных сильными отрядами танков. Постепенно, боевые линии немцев, под давлением могучих повторных ударов, были потеснены назад между Меркемом и Голлебеком, местами до 5 километров. Потери были весьма велики. Однако противник со своею артиллериею все еще сидел в болотном котле Ипра. Высоты Поэлькапелле, Пашендаеле и Бецелаере оставались еще в руках немцев.

Эта первая часть исполинского боя сопровождалась несколькими второстепенными наступлениями, имевшими целью задержание германских сил подальше от центрального места боя. До известной степени они достигли своей цели, позволив артиллерии связаться со своими парками. Так, наступления состоялись 9-го августа у Арраса, 15 августа у Ленса, французов—по обе стороны Мааса у Вердена. Последнее наступление особенно показало, — на какой окружности и с каким успехом противник без труда сломил массовым огнем своих крупнейших орудий сопротивление германских позиций и тем сберег свою пехоту, легким успехом подняв ее самоуверенность, потрясенную у Шемэн-де-Дам. Деятельность дивизий „завязки боя“ противник усилил до известной степени, указав своей пехоте тактические цели столь близко, что она на этих линиях стала на место упомянутых дивизий, вполне устроенное для обороны. Поэтому здесь, как и во Фландрии, у немцев назревала идея поверхностной обороны на поле снарядных воронок.

После томительной паузы, 20-го сентября англичане яростно устремились на вышеупомянутую гористую местность Пашендаеле. Совершенно понятно, что владевший этой местностью видел противника лежащим у своих ног. Отдельными ударами, нанесенными 20, 25 и 26 сентября, враг шаг за шагом подвигался вперед в кровопролитнейших для обеих сторон боях. Его новая тактика наступления „с ограниченною целью“ и здесь торжествовала победу, которую она и мела у Вердена, на вершине „Toter Mann“ (Мертвец) и на высоте „304“. За сильными, весьма дествительными волнами огня следовали, 4, 9 12 октября, дальнейшие наступления англичан с ограниченною целью. Тем временем, возникавший постепенно во Фландрии, из инстинкта войск и своеобразности боевой обстановки, способ ведения боя на поле воронок с „предпольем“ перенес центр тяжести на сторону неприятеля. Это и было задачей германского верховного главнокомандования: человеческий материал стоял выше целей обладания местностью.

Своей кульминационной точки „машинный“ и „материальный“ натиск противника достиг 22 окт. Об этом генерал Людендорф говорит в следующих выражениях: „огромные массы боевых припасов, о которых человеческий разум не мог и помыслить перед войной, был выброшен против человеческих тел, которые, будучи рассеянными в глубоко заполнен-

ных болотом снарядных воронках, едва сохраняли свою жизнь. Ужасы поля воронок у Вердена были превзойдены. Это была уже не жизнь, а не поддающиеся описанию страдания. И из мира болот наступающий вновь выкатывался медленными волнами, но все еще плотными массами. Встреченный в передовом поле ураганом наших снарядов, он часто разбивался, и лишь одиночные люди оставались на изрытом воронками поле. Вновь подходили массы. Оружие и пулеметы засасывались болотом. Люди боролись один на один, и чаще имела успех масса". 26 и 30 октября, 6 и 10 ноября были пробиты новые бреши в рядах германской армии. Тогда бой постепенно стал стихать.

Англичане не достигли своей цели, отвода германских подводных людей от фландрского берега, хотя те и добивались этого с чисто англосаксонским упорством. Для этой цели они ввели в дело такое количество орудий, техники и людей, которое оставило позади себя все, что было на Сомме. Они применились к мешкотному, дорогому способу наступления „с ограниченною целью", и все же, в конце концов, потерпели неудачу. Не только вследствие сопротивления германской армии, но на этот раз и вследствие быстрого приспособления последней к тактике неприятеля против его способа наступления, которому она сумела противопоставить целесообразное противодействие.

Во Фландрии, в 1917 г., на стороне обороняющегося были более деятельные вожди, чем в 1917—на Сомме.

Тем не менее из фландрского кровавого болота германская армия вышла с неизбежною потерею нервной силы, которая, по сравнению с всегда слабейшим по качеству пополнением из недр отечества, была немаловажна, в особенности, если принять во внимание, что настроение в стране с начала года шло к точке замиранья исполинскими шагами. И, наконец, сила войск должна была рано или поздно оказать решительное влияние.

За демонстративным наступлением у Вердена последовало подобное же наступление 22 октября против так называемого угла Лаффо. Тактические условия принуждали французов, для улучшения своего положения у Шемэн-де-Дам, занять командующий пункт у форта Мальмезон. На узком плоскогорьи у Лаффо, изрезанном большими оврагами, залегла немецкая пехота под перекрестным огнем французской артиллерийской атаки. На основании августовского Верденского опыта она должна была предпочесть массовый огонь, направленный для обстрела на узкого пространства. Приэтом, выдвинутое французами для артиллерийской подготовки количество батарей самых тяжелых калибров превосходило на этот раз все прежние размеры. Были пробиты и разрушены даже подземные пещеры в Монпарнасских каменоломнях. Положение принадлежало к числу таких, когда правила оборонительного боя советуют прекратить таковой, если поддерживать его можно лишь при весьма больших потерях. Между тем, местное начальство цеплялось за эту позицию, как за возвышенный пункт, допускавший наблюдение. Упорствовали в этом даже тогда, когда продолжавшийся в течение целой недели неприятельский газовый обстрел значительно ослабил сопротивляемость защитников. После этого на потрясенную часть фронта было произведено наступление, которое при искусном использовании наблюдаемых оврагов, могло бы глубоко вклиниться в

оборонительную систему. VII-ая германская армия принуждена была 1-го ноября отойти на фронт позади Уазского канала и р. Эльст, где, согласно последнему опыту, предполагалось организовать главное сопротивление еще до нового наступления. На указанных возвышенных позициях имевшаяся зона передового поля должна была бы перенести центр тяжести на сторону французов и тем не позволить им достигнуть желаемой стратегической цели. Верховному германскому главнокомандованию, таким образом, неоднократно удавалось с неизменною гибкостью своих контр мер парировать всякие попытки неприятеля.

ГЛАВА 28.

Бой танков у Камбрэ.

Свои демонстративные удары, протекавшие наряду с Фландрским боем, англичане увенчали еще одним ударом, юго-западнее Камбрэ. Германский фронт, казалось, был в этом месте обеспечен от всяких неожиданностей хорошо устроенными и защищенными на близком протяжении искусственными препятствиями Зигфридской позиции. Поэтому гарнизон этих позиций был слабый. По данным прежнего опыта наступление на эти позиции требовало бы в течение нескольких дней сильной артиллерийской подготовки, что давало время, достаточное для подведения необходимых подкреплений. Но здесь, вместе с стратегическою демонстрацией, англичане произвели еще и тактический эксперимент. Они отказались от требования пробивать бреши помощью артиллерии и попытались устроить их помощью танков. Это им удалось. Новый способ действий выдвинул, по сравнению с артиллерийской огневой атакой, то преимущество, что не требовал никаких приготовлений, которые не трудно было бы разгадать. Танки можно было доставить на дистанцию штурма ночью, перед наступлением. Это было идеалом внезапного наступления в большом масштабе.

К счастью для верховного германского главнокомандования, сам неприятель, очевидно, не придал значения своему тактическому успеху. Подготовленной для натиска пехоты оказалось недостаточно для достижения стратегических результатов. В противном случае, для Западного германского фронта, лишенного оперативных резервов, вследствие создавшейся обстановки во Фландрии и выступления к тому времени Италии, наступил бы тяжелый кризис. Со стороны англичан было весьма неразумно такое новое тактическое боевое средство, как танки, заменившие собой артиллерийскую подготовку, любезно демонстрировать перед обороняющимся на генеральной репетиции прежде, чем снять с предстоящего спектакля полный сбор. Правда и германское верховное главнокомандование, имея в 1915 г. в своих руках новое боевое средство ввиде газа, разоблачило его применение преждевременно в малых дозах вместо того, чтобы воспользоваться им сразу в большом масштабе для достижения решающего для войны результата.

На этот раз англичане повторили ту же ошибку. Между тем германское верховное главнокомандование со своей точки зрения не ис-

пользовало этот неосторожный поступок противника. Оно замкнулось в застарелом скептицизме по отношению к тактическо-техническим новшествам у Камбрэ; по крайней мере, для своих собственных наступательных предположений.

Наступление было неожиданно, как ни одно из ранее предпринятых. Танки проходили через немецкие позиции, то широким фронтом, то ударными отрядами, разметывая пехоту. Пораженный неожиданностью, обороняющийся залел в мышиные норы своих укрытий. Резервов на местах не оказалось. Находившаяся наготове английская кавалерия доскакала до предместьев Камбрэ. К счастью, ее не сопровождала пехота. Перепуганное верховное германское главнокомандование и войска группы крон-принца баварского Руппрехта быстро бросили к Камбрэ свои резервы. Этим резервам удалось до 23 ноября остановить у Шельдского канала главные силы неприятеля, который и сам не верил своему успеху.

Важное значение узлового железнодорожного пункта Камбрэ вынудило германское верховное главнокомандование к контр-наступлению. Оно было направлено на фланги неприятеля, вторгшегося внутрь дуги Мевр-Бурлон-Фонтен — Фонтен-Маньер-Бантэ. В свою очередь, англичане также никоим образом на него не разсчитывали. Они привыкли, по отражении немедленного контр-наступления, оставаться затем неоспоримыми обладателями захваченного. Таким образом германское контр-наступление 30 ноября имело хороший результат. Оно показало, что основою удачи является неожиданность. Этим уроком германское верховное главнокомандование воспользовалось в следующем году. К сожалению, оно не приняло во внимание еще и того обстоятельства, что танк является наилучшим и надежнейшим орудием для достижения неожиданности.

ГЛАВА 29.

Предсмертная борьба русских.

Успешная политика Англии всегда умела извлекать из своих союзников все силы, до полного истощения, на службу общему делу. Хотя внутренний переворот в России и не позволил ей с своей стороны поддержать весеннее наступление на Западе и тем повторить генеральное наступление прошлого года в наиболее действительной форме наступления с двух фронтов, тем не менее новое русское правительство, едва только оно стало у власти, было вовлечено волею Англии в водоворот войны. (Схема 8).

1-го июля, близкую к внутреннему распаду русскую армию подстрекнули на ее последний предсмертный шаг. План русского командования состоял в том, чтобы центр тяжести борьбы перенести на более податливый фронт в Восточной Галиции, где главным образом действовали австрийские войска. Наряду с этим, предполагалось, наступлениями у Риги, у Нарочского озера и у Сморгони, отвлекать германские силы от решительного пункта. Главное наступление в Восточной Галиции, веденное французскими офицерами по западному образцу с

сильнейшею артиллерийскою подготовкою, разразилось сначала на севере между Зборовым и Бржезанами. Стоявшие там австрийские войска, в общем, обратились в бегство. Германские резервы на следующий день отбили удар. 4-го июля бой распространился к югу от германской армии, позади Нараювки. Русское наступление разбилось начисто с огромными кровавыми жертвами. Наконец, 6-го июля наступление перекинулось и на фронт южнее Днестра. Так как там тоже стояли австрийские войска, то повторилась картина 1-го июля. Натиск был доведен до Ломницы, и здесь опять таки был остановлен германскими войсками, которые предназначались собственно для контр-наступления. Далее к северу, русские демонстративные удары разбились безрезультатно о стойкость германских войск, нисколько не связывая силы, предназначенные для задуманного уже давно контр-наступления. Эти последние лишь несколько ослаблялись, будучи отвлекаемы на поддержку австрийского фронта.

Наконец, 19-го июля, разразилось контр-наступление. Севернее Зборова, между Стрыпой и Серетом удар был произведен в южном направлении во фланг русским наступающим армиям. Он начался блестящим тактическим успехом. Спустя шесть дней был взят Тарнополь, и первоначальный натиск развернулся в серьезную операцию. Русский фронт севернее Днестра, начиная с северного фланга, дрогнул. Затем русские подались также между Днестром и Карпатами. 3-го августа фронт союзников достиг Збруча. 3-го августа он докатился до Збруча, далее на юге были взяты Черновиц, Радуч, Кимпул-лунг. Затем, операция, получив развитие вперед на 150 километров, остановилась вследствие удаленности войск от своих тылов. Русско-румынская попытка разгрузить главный фронт, натиском между Отточ и Путно, привела к ряду боев переменного успеха, не имевших стратегической ценности. В это время начался бой исполинов во Франции.

Германское верховное главнокомандование увидело ясно, какое решительное влияние на общее положение имело бы то обстоятельство, если бы вместо неустойчивого, латентного состояния войны на Востоке, там произошло бы окончательное разрушение русской боевой силы. Между тем русская армия была, как показали июльские бои, далеко нерасшатана. Новый успех дал возможность яснее увидеть конец дела. Германское верховное главнокомандование твердо решилась раз навсегда избавиться от опасности, еще тлевшей на Востоке. Это дало бы возможность значительно усилить германский западный фронт, а также фронт у Изонцо, который настоятельно требовал подкрепления. Это решение не могло быть поколеблено критическими боями на Западе. Германское верховное главнокомандование нашло в себе достаточно нервной силы, чтобы с напряженного до крайности французского фронта взять дивизии, предназначавшиеся для того, чтобы окончательно разбить русских.

По окончании операции в Буковине, был нанесен удар у Риги. Этот удар подготовлялся уже давно. Принимая во внимание притупившуюся боеспособность русской армии, главнокомандующий Восточным фронтом отважился на операцию с некоторым тактическим риском. 1-го сентября, у Икскюля немцы, под сильным огнем с русских позиций, перешли Двину. Угроза тылу заставила русских поспешно оставить

Ригу и очистить расположенное южнее ее предместное укрепление. Выдерживая местные арьергардные бои, германские войска с своей стороны распространились по северному берегу Двины до Хинценберга.

Возникшая вследствие этого угроза Петрограду стала определенной опасностью вслед за взятием Якобштадтского предместного укрепления и счастливого занятия островов Рижского залива в октябре 1917 года.

Боевые операции против России таким образом закончились. Русская армия распалась. Вторая революция принесла с собою Советское правительство партии большевиков и этим самым вывела Россию из ряда военных противников Германии.

ГЛАВА 30.

Поход против Италии.

Одиннадцатый бой у Изонцо показал, что стойкость австрийской армии пришла к концу. (Схема 11). Австрийское главнокомандование обратилось поэтому к германскому верховному главнокомандованию с просьбой о переброске германских дивизий на Изонцский фронт с тем, чтобы поддержать последний по примеру Галицийского. Германское верховное главнокомандование на это не могло согласиться. Выделение германских войск для обороны против Италии знаменовало продолжительную оттяжку сил с Западного фронта, между тем как до сих пор в продолжении трех лет это делалось за счет Восточного фронта. Можно было бы согласиться лишь на временную уступку. В течение этого времени, следовательно, итальянская угроза должна была быть совершенно разряжена. Это принуждало к наступлению, подобно тому, как в мае 1915 года из тождественных соображений выдвигались наступление на русский фронт.

Выполняя поручение германского верховного главнокомандования, генерал Краффт-фон-Дельмензинген об'ехал итальянский фронт. Несколько дней спустя об этом напечатали в „Matin“. Поразить итальянцев неожиданностью стало вследствие этого значительно труднее. Генерал Краффт-фон-Дельмензинген высказался за нанесение удара в направлении из Тироля на Венецию. Со стратегической точки зрения оставалось только согласиться с этим проектом. Исходная оперативная обстановка была сходна с положением румын в Валахии. Здесь также натиск приводил к уничтожающему бою на окружение тем надежнее, чем глубже он был бы заведен в тыл фронта главных итальянских сил. Австрийское главнокомандование отказалось пойти по предложенному пути, выдвигая в качестве существенной причины то обстоятельство, что его собственные войска, после весенней неудачи 1916 года у Азиаго—Арсьеро не должны быть двигаемы в наступление на тот же пункт. Так как в распоряжении верховного германского главнокомандования, в виду кризиса во Фландрии, не могло оставаться столько сил, чтобы вести рещительное наступление исключительно германскими войсками, а приходилось расчитывать на содействие австрийских войск, то волей—неволей с этим аргументом пришлось согласиться. Приходилось довольствоваться наступлением на такой пункт, который, к счастью, нахо-

дился перед глазами австрийских войск и при этом обещал наименьшую сумму возможностей оперативного развития. Это было как раз пространство по обе стороны Толмейна. Своевременное вторжение на юго-запад, приблизительно к устью Тольяменто, создавало, по крайней мере для береговой итальянской армии, все возможности уничтожающего боя. Для того, чтобы равным образом, связать силы, группировавшиеся к северу и расположенные плоской, выдавшейся на север, дугой вдоль Тирольской границы, необходимо было произвести быстрый натиск с прорывом к западу, в пространство у Азиаго. Однако в этом направлении наступление затруднялось рядом поперечных речных участков.

Главным ядром для производства прорыва служила XIV-ая германская армия между Флитчем и Толмейном. Ее дивизии, за исключением одной, были распределены, приблизительно, равномерно на широком фронте и назначались для наступления на гребень гор западного берега Изонцо. Только одна дивизия, а именно 12 пехотная, предназначалась для клинообразного вторжения вглубь итальянской позиции по долинной дороге, ведущей от Толмейно на Карфрейт. Направление ее удара шло в обход Монте Матаюр, на Чивидале и затем к упомянутому выше устью Тальяменто. Нельзя было одобрить того, что для этого удара, от своевременности которого зависело наростание возможностей уничтожения итальянской побережной армии, были назначены слабые силы в качестве одной единственной дивизии. Пользуясь сложною, в смысле наблюдения, пересеченностью гористой местности, можно было столь легко избегнуть весьма неинтенсивного огня обороняющегося, что для операций в долинной дороге свободно можно было уделить, по крайней мере, одну из дивизий второй наступательной волны. 12-ая пехотная дивизия об этом докладывала неоднократно и притом самым настоятельным образом, но безуспешно. Ход операций показал, что она была права.

Построение боевого порядка было разглашено во всех деталях дезертировавшими австрийскими солдатами. Тем не менее итальянцы нигде не воспрепятствовали продвижению, стесненному немногими горными дорогами. Этому обстоятельству трудно найти об'яснение. Равным образом неприятель не попытался смелым натиском обрушиться на артиллерию и минометы, которые в начале были прикрыты лишь слабой пехотной завесой. Он ожидал, пребывая в бездействии.

Наступление началось 24-го октября и шло повсюду быстрым темпом. К сожалению, 12-ая дивизия слишком рано обессилела. В соединении с какой нибудь иной дивизией, она могла бы наступлением в тыл привести к падению весь Матаюрской горный узел и примыкавшие с юга высоты еще до 24-го октября, вместо того; чтобы 24 часа спустя долбить их утомительными фронтальными атаками. Наконец, 27-го октября ударная группа XIV-ой германской армии достигла Чивидале. Итальянской прибрежной армии было предоставлено в дар дорогое время. Правда, левый фланг XIV армии ударил через Удине на Кадройпо для преграждения ей пути отступления у Тальяменто. Тем не менее 30-го ноября вместо всей армии герцога Аостского,

был отрезан лишь ее северный фланг. В руки победителя попали 60.000 пленных.

11-го декабря фронт союзников достиг линии Азиаго—северный край Монте Граппа, восточный берег Пиаве. Как и в Румынии в 1916 г., центр тяжести находился у края мешка, откуда неприятель был изгнан фронтальным напором.

Подобно тому, как IX-й германской армии от Кронштадта и Дунайской армии—от Силистрии не удалось тогда запереть румынским армиям узкий путь отступления, так и в данном случае, здесь в Тироле, австрийская армия не смогла преградить тыл неприятельской Изонцской армии, заперев узкий проход в Азиаго—Венеция. Ход операции во многом подобен Румынской, и результаты их также сходны. Подобно румынской армии, итальянская избегла неизбежного, как казалось, уничтожения, хотя и понесла тяжелые потери. У Пиаве и перед горным узлом Монте Граппа, прикрывавшем пиавский фронт итальянцев с севера, наступление распылилось. Фронтальное наступление от Изонцо до Пиаве замерло. Ничего иного, согласно прежним опытам, при существующих условиях применения поддержек и быть не могло. Там же, где они с самого начала, как и теперь, могли бы иметь решающее значение, в пространстве Азиаго-Арсьеро—там отсутствовал центр тяжести. Зима положила конец всем дальнейшим планам.

Итальянское наступление достигло только одного: именно, как раз того, что от него ожидалось первоначально,—разгрузки австрийского юго-западного фронта. Падение Италии, которое безусловно осуществилось бы в случае уничтожения итальянской армии, находившейся восточнее линии Арсьеро—Венеция и для которого представлялся счастливый случай, не было достигнуто. Наступательная сила австрийских войск слишком быстро иссякала, едва входя в соприкосновение с каким нибудь препятствием. Одна—две немецких дивизий не могли сделать всего. Здесь нужно лишь обратить внимание на то, какие стратегические и даже политические последствия повлекло бы за собою полное крушение Италии и поход германских сил через Турин в Южную Францию. Весьма вероятным последствием явилось бы крушение Франции, которая в то время еще не находилась в твердых руках Клемансо. Решительный бой северо-восточнее Венеции, стоил, следовательно, благородных усилий.

ГЛАВА 31.

На рубеже 1917/1918 г.г.

Итоги 1917 года сводятся, прежде всего к тому, что Германия успешно отразила задуманное уничтожение ее. Ей даже удалось окончательно выбить оружие из рук восточного противника. Зато, несомненно, на Западе, появился новый враг. Однако, до полного его военного развития, боевой перевес на Западе временно находился на стороне Германии. Ибо победа над Италией позволяла Австро-Венгрии установить наблюдение за Востоком преимущественно лишь

своими собственными силами. Второй решительный результат кампании 1917 года заключался в том, что *ожидавшийся успех подводной войны не оправдался, вследствие чего стратегические задачи западного германского фронта совершенно изменились.*

Главная военно-политическая черта в борьбе германского государства за свое существование представляет параллель с деятельностью Наполеона. Оба видели в Германии единственного коренного врага, который с хладнокровным расчетом искал ее уничтожения. Вокруг Англии в наполеоновскую эпоху кристаллизовались союзники многих различных коалиций, влекомые к войне не более как кабинетною политикою и политикой чувства, подобно тому, как члены Согласия сосредоточивались вокруг Эдуарда VII. То, что говорилось по поводу Англии, когда после заключения Кампо-Формийского мира Наполеон писал Талейрану, что Франция должна уничтожить Англию, дабы не быть самой уничтоженною этою последнею, на повороте столетия,—отчасти, а с 4-го августа 1914 года вполне определенно, относилось к Германии.

Наполеон ведь долго добивался этой цели и нашел настоящий к ней путь, когда писал: „Обратим все наше внимание на флот и уничтожим Англию". Что его старания не имели успеха, это нисколько не отвергает правильности его взглядов. Последние должны иметь такое же значение и для Германии.

По примеру Наполеона и Германия должна была сначала стремиться уязвить жизненный нерв Англии—обрушиться на ее морское господство. Подводная война представляла для этого средство с весьма хорошими шансами на успех. Пока германское правительство рассчитывало на прочность базиса для надежного ведения подобной войны, до тех пор сухопутная война на Западе должна была обретать свои задачи под охраною именно этой базы. Было бы нецелесообразно бросать цвет армии на производство решительных и вместе с тем рискованных ударов, которые при неудаче могли сделать призрачною самую возможность подводной войны. По этому поводу Клаузевиц говорит: „Кто стремится достигнуть всего выигрышем времени и экономией сил, тот не смеет сам усиливать энергию ведения войны".

Когда к концу 1917 года недежды на неограниченные возможности подводной войны, которыми жили в начале этого года, стали значительно призрачными, решающая роль целиком перешла к сухопутной армии.

По отношению к этому соображению верховное германское главнокомандование должно было задаться серьезным вопросом: „Могла ли сухопутная армия выполнить эту задачу? Исследование этого вопроса тотчас же влекло за собою его производную": делают ли возможным решение этой задачи отечественные условия.

Обсуждая эти вопросы, германское верховное главнокомандование проникло, собственно, в чуждую ему область, именно, в сферу внутренней политики, но, конечно, не затем, чтобы разбираться в ней непосредственно, а лишь для того, чтобы правильно оценить ее влияние на имевшиеся в распоряжении средства. Ибо источник военных сил—это родина. При обсуждении отечественных условий, германское верховное главнокомандование должно было еще значительно раньше, задолго до конца 1917 г., придти к убеждению, что условия развиваются

не в том направлении, которое могло бы продолжительно поддерживать в войске волю к победе. Поэтому названное главнокомандование уже раньше стояло перед альтернатавой: либо вызвать перемену такого состояния пока еще не было поздно, т. е. пока не слишком остро чувствовались противоположные веяния, либо признать невозможность такой перемены и извлечь из этого следствия.

Предположения, необходимые в первом случае, заключались лишь во времени принятия программы Гинденбурга, так как с проведением ее началась постоянно возраставшая капитуляция правительства перед рабочим классом и его безмерными требованиями. Началом явился исковерканный закон о пособиях за службу. Следствием непрекращавшихся платежей, в качестве вознаграждения, явилось возрастание цен, а затем и ростовщичество. Когда эти три главнейшие зла: сознавшие свою силу домогательства пролетариата, удорожание жизни и аппетит к барышам от войны стали одновременно раз'едать нацию, было уже поздно принимать курс по образцу Клемансо.

Являлся вопрос—в состоянии ли был справиться с этой эволюцией начальник генерального штаба, от которого ожидали, что он эту эволюцию своевременно предусмотрел. Что сделал маршал Френч, когда пришел к убеждению, что неспособность отечественных ведомств мешает победе? Он обратился к лидерам партий и к общественному мнению. Он мог это сделать, ибо у английского народа не могло быть разговора по вопросу—необходима ли победа, или нет. Там, цель элементарно сама собою разумелась; командование могло быть лишь на пути к ней. К сожалению, германское верховное главнокомандование не было в состоянии действовать таким же порядком. Правда, германский народ в массе желал победы, но не того хотело значительное число его невидимых повелителей—вождей партий. То меньшинство их, которое стремилось к победе для сохранения за Германией великодержавного значения, ничего не значило в политической жизни, заимствовавшей свой характер от большинства. А это последнее вовсе не вводило полную победу в партийную программу. За социал-демократов это высказал депутат Штребель уже в 1915 году, с достойного признания откровенностью говоря в „Vorwärts". „Я сознаюсь совершенно открыто, что полная победа государства не отвечает интересам социал-демократии". У остальных членов большинства, национальные чувства заслонялись частью клерикальными интересами, частью подсчетом прибылей и убытков мирового капитала. Таким образом от национального сознания политических вождей — Германия не могла ждать помощи. Подавление этих влияний возможно было поэтому лишь путем приостановления действия конституции, временною диктатурою.

Осуществление подобного государственного переворота, принимая во внимание индивидуальность повелителя и характер канцлера, являлось задачею трудною, почти неразрешимою. „Загадка личности", говоря словами Трейчке, одна могла устранить кризис, удалив острым ножем тлетворную грязь из отечественного дома. Менее всего подходящим временем для того, чтобы сообщить надлежащий вес соответствующему требованию германского верховного главнокомандования, являлся безусловно тот момент, когда в конце несчастливого в военном

отношении лета 1916 года генерал-фельдмаршал фон. Гинденбург стал во главе генерального штаба действующей армии.

Когда, следовательно, в конце 1917 года этот момент уже давно миновал, и упомянутые выще три ядовитые потока начали заливать родину, германскому верховному главнокомандованию пришлось сделать горькое признание, что способность германского народа к военному сопротивлению может просуществовать еще лишь самый ограниченный срок. Когда именно наступил момент такого признания, об этом можно было спорить. Генерал Людендорф сам пишет, что рассмотрение в рейхстаге закона о пособиях за службу показало, что здоровье германского народа внушает опасение. Но что прихварывание начало переходить в агонию, на это могла дать указание психологам генерального штаба пораженческая резолюция в июле 1917 года. Этот процесс разложения пришлось признать без возражений, когда мятеж во флоте летом 1917 года прорвался как первый злокачественный нарыв на зараженном народном теле, и глубоко изменнически настроенные депутаты социалистических партий вышли не только безнаказанными, но еще и получили следуемые извинения от сочленов центральных партий. С этого момента неминуемое крушение отечества стало очевидным. Для французской политики в Германии не нашлось сильной руки, когда для этого было еще время. Таким образом германскому верховному главнокомандованию нужно было задаться вопросом — дают или нет совершающиеся на глазах события серьезные надежды на благоприятное окончание войны силою оружия до возникновения катастрофы, момент наступления которой еще определить нельзя, но которая безусловно недалека.

Можно ли было ожидать этого от весеннего наступления 1918 года, или же итальянский успех должен был повториться на этот раз по отношению к англичанам и французам, об этом нельзя было составить решительного суждения. Решение этого вопроса зависело от определения величины оставшихся, у войска и народа, моральных ценностей. А такой вывод мог быть только суб'ективным. Этим и об'ясняется с человеческой точки зрения, что такой горячий патриот и гордый солдат, как Людендорф, не склонен был на решение признать наличие поражения, но всеми фибрами своего сердца цеплялся за веру в победу. Его высокому уму был слишком чужд скудоумный образ мыслей отечественных гениев и тупое равнодушие масс войска и народа, чтобы он мог их постигнуть. Об этом генерал Людендорф высказывается в следующих словах: „без сомнения, о наличной энергии народа я составил себе слишком благоприятное представление...“

Равным образом становится понятным и то обстоятельство, что германское верховное главнокомандование делало весной 1918 г. ошибочные заключения о боевой ценности германских войск. Без сомнения, удалось произвести нечто вроде обогащения армий боевым духом; однако, по сравнению с волей к победе, которой армия была охвачена в 1914 г. это напоминало лишь обреченные на умирание побеги некоторых деревьев поздней теплой осенью рядом с полным сил и жизни весенним распусканием почек. Прибывшие извнутри страны пополнения были уже заражены тягчайщим образом. Питательная почва для обогащения военным духом, т. е. национальное чувство, вообще отсутствовала.

Единственно, что, казалось, можно было еще желать от наступления, это была надежда, что вместе с тем придет конец и „свинству". Когда же исчезла и эта надежда, то пропала и всякая охота воевать. Не нужно затем забывать, что долголетняя позиционная война даже у лучших солдат вытравила солдатскую доблесть. Сущность позиционной войны состоит, ведь, в самозакрытии. Инстинкт самосохранения мог здесь соединиться с выполнением долга гораздо скорее, чем в маневренной войне. Его влияние приобретало таким образом значительный перевес. Каждому хотелось прежде всего вернуться „из болот" домой здоровым. Если при этом удавалось еще быть и победителем, то это было, конечно, прекрасно, но не должно быть связано с слишком большой опасностью для жизни. Позиционная война стала таким образом „могилой наступательного духа". С другой стороны, она потрясла и один из основных столбов дисциплины—послушание. Когда, например, часть окопа попадала при атаке в руки неприятеля, то слышалось стереотипное приказание начальства: „взять окоп обратно". Войска храбро отвечали: „идет контр-удар". Когда же было поздно, то—„будет сделано контр-наступление". Между тем редко случалось то или другое. Это может подтвердить каждый фронтовой офицер. Между тем такое сознательное неповиновение получило роковое значение. Верховное главнокомандование вряд ли знало об этом. Кроме того, не доставало пульсирующего проводника с фронтов. Случайно посылавшийся туда, в качестве агента связи, офицер генерального штаба,—очевидно получал об этих вещах ограниченное понятие.

Так как при существовавшей системе скрашивания, твердившие об этом положении голоса не могли дойти до главы верховного германского главнокомандования, то и в данном вопросе генерал Людендорф впал в самообман, веря своим немецким сердцем, будто вся масса войск воодушевлена его собственною национальною гордостью, думает его мыслями, и потому отважился на крупный удар. Ему дали оскорбительное прозвище „гениальный азартный игрок".

При внешней лишь оценке факторов и, главным образом, при суждениях по последующим результатам, подобная причина, как кажется, имеет зернышко вероятности. Между тем это совершенно несправедливо. Ибо кажущееся легкомыслие отваги ген. Людендорфа коренилось исключительно в его высоком мнении о массе своих солдат. Вся сущность последней игры, которую партнер держал в своих руках в надежде на развал Германии, была непонятна сознающему свой долг и честолюбивому облику ген. Людендорфа. Он полагал, что предел отваги можно определить по чисто военной работоспособности Германии и не верил тому, что сама она, раз'едаемая национальною костоедою, представляет лишь обманчивое пустое тело. Это обстоятельство препятствовало ему признать еще до начала весеннего наступления 1918 г. то, чему он должен был своим сопротивляющимся сердцем уступить 8-го августа 1918 г. под давлением суровой действительности. Уже и тогда был бы неизбежным ограничительный для Германии мир, но тогда революция еще не выбила из ее рук оружия, уничтожив тем самым предел неприятельским требованиям. Слишком позднее осознание всей весомости фактов, из за благороднейшего самообмана, основанного на собственном представлении человеческих достоинств,

ускорившее тем развязку в судьбе германской цитадели, неминуемо назревавшую со времени пораженческой резолюции, когда предательство разбило ворота, разрушило стены и вместо почетной капитуляции довело лишь до безусловного подчинения, вот в чем заключается потрясающая трагедия, которая, к несчастью для Германии, заставила распылиться чистейшую волю генерала Людендорфа.

Но если вслед за этим германское верховное главнокомандование пришло к положительному результату в вопросе о том, достаточно ли наличных сил для ведения войны с той энергией, которая требовалась решительною борьбою на Западе со всеми ожидавшимися ее колебаниями, то стремление добиться этого решения путем наступления, являлось логическим следствием такого именно заключения. Ибо рядом с отказом или решимостью поставить все на карту наступления, уже не могло быть третьей возможности пассивного ожидания. Помощь Америки, положение дел в отечестве, ослабление сил всех союзников, все это делало ожидание равносильным отказу. Опыты 1917 года показали, что оборонительные бои еще более истощают силы войск и требуют еще больших по численности жертв, чем любое собственное наступление. Если, вообще говоря, германская армия считалась еще способною к решению борьбы оружием, то наступлением ей легче было вынести это испытание, чем самосебяисчерпывающей обороною. Это видно было из сопоставления Фландрского боя с собственным наступлением у Камбрэ и у Изонцо.

Условием успешного наступления было отправление всех имевшихся в распоряжении дивизий на Запад, притом насколько возможно скорее, чтобы противник ни в коем случае не мог упредить своим собственным наступлением.

Таким образом, в интересах благополучного решения войны, явилось своевременным прекращение военного положения на Востоке. Только в таком случае вся масса германского Восточного фронта могла быть спокойно переведена на Западный фронт, без опасений, что невменяемые русские произведут нападение в тыл Западному фронту, как это произошло в 1916 году.

ГЛАВА 32.

Военное давление на Российскую Советскую Республику.

Одной только дипломатии не удалось, в период с 22 декабря 1917 г. по февраль 1918 года, придти к миру с ловко увертывавшимися и тянувшими „волынку“ представителями правительства „большевиков“. Потребовалось военное давление для того, чтобы избежать дальнейшей потери времени, которая могла бы подточить решение на Западе. Действительнейшим средством являлся поэтому поход на Петроград. Вместе с тем нужно было обеспечить за собою и экономический источник сил на Украйне.

18 февраля, отказав в перемирии, германская восточная армия начала наступление, не встретив никакого, сколько нибудь серьезного,

сопротивления. В большинстве случаев войска следовали просто по железной дороге. К 3-му марта они достигли линии Нарва—Псков—Полоцк—Орша—Гомель—Харьков—Новочеркасск—Ростов и заняли Крым. В этот день был подписан Брест-Литовский мир. Через два дня последовало перемирие с Румынией в Буфтеа.

Положение на Востоке требовало еще некоторого числа войск для обеспечения выговоренного при заключении мира подвоза для нужд срединных держав. После их отозвания можно было перебросить на Запад более 40 германских дивизий.

ГЛАВА 33.

Большая вылазка из германской западной крепости.

После того, как германское верховное главнокомандование решило с наступательным мечем в руке еще раз испытать военное счастье, ему пришлось прежде всего выбрать исходный пункт наступления (схема 11). В общем, верховное главнокомандование имело в виду наступать на возможно широком фронте, чтобы одновременно сковать возможно больше неприятельских сил.

Такое положение было вообще целесообразно. Оно устраняло слабую сторону, которой страдали до тех пор наступления противника, именно, преждевременное раскрытие обороняющимся центра тяжести наступления. Момент неуверенности, неясности для неприятеля возрастал с величиною фронта наступления; решительность его командования, центром тяжести управления которого являлись его оперативные резервы, сильно колебалась; этим наступающий выигрывал инициативу.

Для наступления, строго говоря, имелось четыре участка фронта: Фландрский—от Ипра до Ленса; Зигфридский фронт; Аррас—Ля-Фер, Шампань и Лотарингия. В своем труде, генерал Людендорф приводит мнение верховного германского главнокомандования по поводу этих фронтов. Против наступления во Фландрии говорило предполагавшееся там сильное массирование неприятельских сил и затруднения местного характера, которые отодвигали возможность наступления до 2-ой половины апреля, что было нежелательно. Перед фронтами Шампани и в Лотарингии пролегала гористая местность; кроме того за первым из них находились еще сильные неприятельские резервы. На фронте Аррас—Ля-Фер условия местности непосредственно впереди и на самой позиции не представляли никаких затруднений. Приходилось принять в расчет предстоящую необходимость преодолеть препятствия бывшего поля сражения на Сомме. В противовес этому, стоявший здесь противник занимал сравнительно тонкое расположение. В чисто оперативном отношении, верховное германское главнокомандование ожидало от наступления во Фландрии, в лучшем случае, лишь сокращения фронта. То же самое ожидалось и от фронта по обе стороны Вердена. При натиске с зигфридских позиций с центром тяжести у Амьена предполагалось расколоть на двое французский и английский фронты.

В конце концов германское верховное главнокомандование оста-

новило свой выбор в пользу наступления между Круазиль и С. Кантеном, главным образом вследствие выгод местных тактических условий.

Сам же Людендорф говорит: „тактика была поставлена выше стратегии".

Это соображение наводит на размышления. Оно было бы вполне уместно в предприятии, не имевшем ясно определенной оперативной цели, например, при наступлении для разгрузки или деконцентрации, но ни в коем случае не при наступлении, которое являлось операцией не обычной, а имеющей значение решительной.

Однако германское верховное главнокомандование рассматривало наступление как операцию, имевшую скорее посредственную, чем непосредственную стратегическую цель. Генерал Людендорф заканчивает предварительное обсуждение наступления следующими словами: „это будет сильное устремление, начинающееся в одном пункте, вспыхивающее в другом и возникающее таким же образом в течение долгого времени". Генерал Людендорф отчетливо представлял себе решение своей собственной задачи, и этим решением было никогда не стареющее требование Клаузевица: для решительного уничтожения, или по крайней мере ослабления неприятельских военных сил, пользоваться стратегией расшатывания. Постоянными, неожиданными нападениями на неприятеля с фронта, там, где он этого не ожидал, его следовало ставить в необходимость непрерывно расходовать свои резервы, для заделывания образующихся брешей и таким образом заставлять истекать кровью; приэтом, собственные потери, при удаче нечаянного нападения, должны были быть невелики. Эта стратегия в корне отлична от стратегии Мольтке и в особенности от стратегии Шлиффена, которая кует успехи не на наковальне многочисленных расслабляющих ударах, а основывает на мощном маневре,—на операции.

К подобной операции и стремилось германское верховное главнокомандование в 1918 году. но только не как к непосредственнейшей цели. Избранный им путь, являвшийся крайним средством, в случае невозможности выполнить операцию, — оперативный путь слабо связанных между собой, разсчитанных на изнурение противника, ударов в чисто стратегическом отношении скрывал в себе опасную слабость. В этом случае неожиданность нападения должна была удасться не только однажды, как в том случае, когда ведется решительное наступление, но должна была повторяться несколько раз. Ибо вместе с неожиданностью каждый раз поднимается и падает цель нападения при каждом отдельном ударе,—истощение неприятельских сил.

При неудаче же неожиданного нападения, искомый результат, наоборот, отодвигается назад, и оперативное преимущество весьма легко может перейти на сторону неприятельского лагеря. Неверный, зависящий от многочисленных случайностей бег на приз около стратегической инициативы приходилось предпринимать не один раз, а несколько, притом, естественно, с меньшими шансами на успех. Эта постоянная, слишком заметная, зависимость от недопускающих учета факторов, в настоящем случае говорила за полное отклонение стратегии отдельных истощающих ударов. Подобная стратегия могла быть подходящей для такого наступающего, который нисколько не был стеснен

ни в отношении времени, ни в отношении расхода сил и должен был принять ее по необходимости, так как решение оперативных задач, значительно более трудных, было ему не по силам. Так, например, и эта стратегия, как нельзя быть более приличествовала главнокомандующему английскими войсками, но совершенно не была пригодна для германского верховного главнокомандования. Ибо, первое из вышеупомянутых предположений,—касающееся неограниченности времени и силы, никоим образом здесь не подходило, второе же о принятии такой стратегии в силу неотложной необходимости, вероятно, тоже не годилось. Прежние оперативные опыты генерала Людендорфа в Восточной Пруссии, Польше и в Мазурах генерал Гофман вряд ли признавал удачными. К сожалению, он был оставлен на второстепенном театре военных действий. Общее положение германской армии достаточно указывало на необходимость искать скорого решения в большой операции. Поэтому наступление должно было заключать в себе элементы уничтожающего боя. Сообразно этому, фронт наступления следовало выбрать особенно тщательно.

Под таким углом зрения фронты наступления, о котором идет речь, получали иное значение. Большое наступление в Лотарингии вскоре привело бы к огороженным сталью участкам Мааса и Мозеля. Удалось ли бы продвинуться быстро через эти участки, что составляло существенный интерес для достижения главного решения, еще большой вопрос. Верден 1916 г. стоял предостерегающим знаком. Гораздо более надежд подавало наступление из Шампани на Марну. Оно вело в обход оборонительной линии Верден—Туль—Эпиналь—Бельфор, обещавшей такие же перспективы, как и в Верденском наступлении 1916 г., но вследствие выбора более выгодного, чем в 1916 году в тактическом отношении пункта наступления, было сопряжено с значительно большей вероятностью успеха.

Наиболее выгодным являлось двойное наступление из Лотарингии и Шампани, благодаря большой ширине фронта. Однако, при этой операции, даже в случае крушения французского Лотаринго-Вогезского фронта, позади противника растилалось широкое пространство, на котором он, при искусном управлении, мог бы уклоняться от решительного боя до тех пор, пока наступающий вследствие трудностей коммуникации и изнурения, не потерял бы своей инерции.

Ход операций на востоке в Румынии и в Италии преподал не мало таких уроков; затем, даже в случае отнятия у противника больших пространств, оставался не разрешенным вопрос о том, уничтожена ли или нет главная масса его сил.

Между тем это то и являлось конечно целью операции. Таким образом германскому верховному главнокомандованию нужно было подыскать такое направление для удара, которое своевременно отняло бы у противника возможность уклонения и заставило бы его принять решительный бой. Его нужно было прижать к стене подобно тому, как в1870 г. победитель при Седане прижал французскую армию к бельгийской границе и уничтожил ее. Так именно наказывал граф Шлиффен в своем стратегическом завещании „Канны", говоря о победах великого короля, где основою всех этих побед было стремление „оттеснить противника к непроходимому препятствию и затем уничто-

жить его охватом одного или двух флангов...“ Таким препятствием в 1918 году являлись берега канала и Северного моря от Кале до Аббевиля. Они отстояли, приблизительно, на 100 килом. от фронта. Южнее— берега уж слишком сильно отходили к западу. Опасность, что наступление останется незавершенным, возрастала. Поэтому, с военно-географической и оперативной точек зрения благоприятным районом для уничтожения крупных неприятельских сил являлось пространство Ньюпорт—С. Кантен—Аббевиль—Кале.

Таким образом, наступление могло быть произведено в промежутке между морем, Ньюпортом и С. Кантеном. Оттеснить северный неприятельский фланг с последующим затем охватом всего фронта с севера—тактически было совершенно невозможно, так как этому препятствовала затопленная область севернее Ипра. Да и в оперативном отношении такой охват не являлся заманчивым, ибо предоставлял противнику открытым путь к югу. Оставалась, следовательно, лишь возможность *прорыва* в каком либо пункте с последующим развертыванием к северу или югу. В последнем направлении по близости возникал оборонительный фланг. В северном направлении фланговое наступление могло развиваться против неприятельских сил, уже замкнутых с трех сторон: на востоке—германским фронтом южнее Ньюпорта; на севере—берегом канала Ньюпорт, мыс Гри-Не; на западе—морским берегом у Булони и еще южнее.

Оставалось избрать пункт прорыва.

В военно-географическом и оперативном отношениях можно было отметить следующее: чем далее к северу, тем пространство, в котором предполагалось уничтожить северную группу неприятеля, было уже, и, следовательно, тем быстрее могла быть закончена эта предварительная фаза операции. Однако, с другой стороны, чем меньше были численные потери неприятеля, падавшие на эту часть операции, тем значительнее являлось его сопротивление, приходившееся на остальные ее стадии. Это, естественно, заставило переместить центр тяжести операции „на прорыв“ на обращенный к югу оборонительный фланг для того, чтобы смять примыкавший с юга неприятельский фронт от севера до Уазы у Ля-Фера или даже до Реймса. При предварительном рассмотрении этой второй, главнейшей, операции было установлено, что неприятелю сравнительно легко было лишить немцев всякой возможности натиска на его северном фланге пока это приходилось делать лишь на узком пространстве между береговым участком Булонь—устье Соммы и фронтом Ньюпорт—Аррас; следовательно, до тех пор, пока пункт прорыва намечался севернее линии Аррас—Аббевиль. Чем южнее, тем более широкое пространство представлялось для дальнейшего распространения германского прорыва на юг, отклоняющегося к западу береговою линиею устье Соммы — Диепп — Гавр. Эти соображения заставляли избрать для наступления пространство, примерно, между Аррасом и С. Кантеном, на Амьен. Кроме того, при таком направлении наступления, линия Эрозаский канал—течение Соммы между Гамом, Перонном, Амьеном являлась тактически выгодным оборонительным флангом операции.

Далее, были приняты во внимание и соображения о положении неприятеля. Компактная группировка его между Ипром и Бетюн и, на-

против того, разреженность сил между Аррасом и Перонном указывали на выгоды прорыва также на фронте южнее Арраса. Ибо в таком случае прорыву не приходилось наталкиваться на фронт неприятельских оперативных резервов, следовательно, на его главнейшее сопротивление, а скорее всего удавалось пройти мимо. Затем, в связи с одновременно производимыми соединенными наступлениями на том фронте, позади которого стояли эти резервы вследствие угрозы флангам, наступало расщепление его и общее ослабление неприятельского сопротивления.

Наконец, следовало исследовать еще вопрос об организации тыла. Этот вопрос являлся кардинальным, так как от него находились в зависимости, в последнем счете, глубина прорыва, его сила, а, следовательно, вообще успех всей операции в целом. Львиная доля подвоза падала на боевые припасы и продовольствие как для людей, так и лошадей.

Первые достижения при современных тактических условиях, в условиях огромных количеств, всей тяжестью ложились на организацию дальнейшего подвоза; продовольствие в значительной степени могло протекать из захваченных складов неприятеля и из местных средств района, в котором производилась операция. Во Фландрии, к зоне, где были расположены позиции, примыкала густонаселенная, изобиловавшая всякого рода запасами, область, Южнее Арраса, по линии Альберт — Шольн — Руа нельзя было рассчитывать даже на крошку хлеба. В первые недели подвоз был расчитан исключительно на работу войсковых обозов, а потому зависел лишь от путей сообщения в завоеванной полосе. Повсюду приходилось сначала проходить по бездорожной позиционной зоне. Но затем, во Фландрии, начиналась сеть хороших дорог; южнее Арраса примыкали пустынные полосы „зона Альбериха“ и бывшего поля битвы на Сомме. Эти факты приводили к следующему выводу: южнее Арраса условия местности исключают возможность подвоза средств снабжения и, вследствие бедности преодолеваемой полосы, подачи войскам продовольствия в таких размерах, которые допускали бы широкую операцию. Во Фландрии через несколько дней подвоз мог ограничиться главным образом предметами боевого снабжения. В случае удачи прорыва, продовольствие большей частью удалось бы получить внутри самой страны. Эти требования подвоза могли быть в достаточной мере удовлетворены средствами сообщения района операции. Таким образом, в итоге получалось положение, в силу которого наступление, не стесняемое организацией подвоза и допускающее его развитие, соответствующее потребностям решительного боя, возможно было лишь севернее Ленса. Южнее Арраса его можно было вести без надежных гарантий для оперативных возможностей.

Эти соображения должны были быть главенствующими. Решительный удар, который должен был привести к уничтожению противника, мог быть веден лишь по обеим сторонам Лилля на Кале, хотя оперативно-географические соображения и общее положение неприятеля обещали удару в более южном направлении лучший гороскоп, не взирая на то, что условия местности у Лилля и состояние погоды требовали отсрочки до апреля. Если бы германское

верховное главнокомандование не пожелало предоставить неприятелю возможность упреждающих действий, то оно могло бы, разумеется, сохранить за собою инициативу, соответственно своевременным наступлением на каком нибудь ином фронте, например, между Аррасом и С. Кантеном. Но подобное наступление должно было стать в таком случае демонстративным наступлением в большом масштабе, оно не поглотило бы цвета наступательных дивизий. Главный удар, вслед за назреванием его, должен был последовать на Калé. Уверенное в себе, германское верховное главнокомандование решило иначе. Оно вообще не хотело производить решительного, расчитанного исключительно на операцию наступления в каком нибудь определенном пункте; скорее всего предполагалось, что обстановка в пунктах, где это будет допущено выгодностью положения, собственно говоря, сама породит операцию, на остальных же участках достаточно будет ограничиться ролью истощающих ударов.

Такое ослабление воли к операции естественно повлекло к тому, что „тактика взяла верх над стратегиею". Вопросу об организации тыла не было придано сколько нибудь серьезного значения.

На такой стратегической основе коренились и принципы ведения предполагавшегося наступления. Германское верховное главнокомандование решило допустить, чтобы процесс наступления определялся тактическим развитием, выявлением „слабых мест". Такое решение согласовалось с требованием истощающего удара, направленного оперативно по линии наименьшего сопротивления. Для выполнения операции с ясно поставленною целью, подобное решение было чрезмерно переобременено тактикою, в ущерб стратегии. Что допустимо без всяких ограничений в рамках задач дивизии, корпуса, даже армии, так как здесь верность направления на большую цель обеспечивается твердостью выполнения самой поставленной задачи, то для германского верховного главнокомандования позволительно было только в том случае, когда цель указывалась в границах, хотя бы и широких, определенного оперативного плана.

Наши враги, во время своих больших наступлений в 1916 и 1917 г.г. выказали при начальном развитии тактического нажима слишком мало подвижности ума, рабски и нерешительно придерживаясь раз избранного оперативного плана. Германское верховное главнокомандование впало в другую крайность, оно излишне вверило себя улыбке случая и тем потеряло возможность выполнить операцию.

Стремясь к этому, правда, можно было в начале с целью тактического нажима, установить центр тяжести операции соответственно тактическим преимуществам, но впоследствии, при начале прорыва, нужно было переместить его исключительно сообразно требованиям операции.

У противника господствовала понятная нервозность, хотя французская большая главная квартира глядела спокойно навстречу событиям, не сомневаясь в том, что фронты наступления могут быть своевременно открыты. В действительности же, немцам, благодаря принятым мерам скрытности, удалось, однако, совершенно замаскировать наступление.

Еще бо̀льшею неожиданностью оказалось для французского командования широкое применение газовых атак, которых не предугадали. Кое какие противомеры не были приведены в исполнение. Известные круги во французской главной квартире говорили об упреждающем наступлении, но не настояли на своем. Главнокомандующий, генерал Петэн, лично желал вести оборону в большом масштабе маневренным способом в подражание германским предупредительным мероприятиям весною 1917 года Однако, под давлением политиканов, которые пугали вредным действием таких мероприятий на настроение народа, должен был отказаться от своего плана. Таким образом противник ожидал германского наступления, сохраняя полнейшую пассивность.

1. Удар на Амьен и Мондидье.

21 марта, лучшие наступательные силы германской армии были направлены для прорыва между Круазиль и С. Кантеном. Далее, к югу от Ля-Фер, наступление с ограниченною целью должно было округлить возникающий южный фланг у Кроза-канала и по верхнему течению Соммы. Наступление было произведено в условиях достигнутой внезапности, при выгодной тактической обстановке, однако, операцию можно было развивать только тогда, когда центр тяжести достигнет пространства Аббевиль между Аррасом и Перонном, притом вести быстро, дабы неотвратимый кризис в подвозе не заключил ее в свои парализующие тиски.

Центр тяжести первоначально и находился на указанном направлении. Однако, военное счастье позволило возникнуть „слабому месту" между верхним течением Соммы и Уазою, между тем, как назначенные для решительного удара XVII-ая и II-ая армии преждевременно замялись. Направление, в котором быстрее всего начало ослабевать неприятельское сопротивление, шло на XVIII армию, на Руа-Мондидье. Однако, в этом направлении операция вообще не предвиделась. Если бы германское верховное главнокомандование, преследуя основную задачу, переместило свой центр тяжести, не смотря на XVIII-ую армию, то могло бы вести операцию только лишь еще южнее вокруг Амьена, раскрывая с тыла путь упрямо пробиравшимся вперед действительным носителям прорыва, XVII-й и II-й армиям. Этот обходный путь был очень далек. Обращенный к югу оборонительный фланг XVIII-ой германской армии нерешительно распространялся в ширину. Возникало опасение, что непущенные еще в дело силы XVIII-ой армии на длинном пути будут истощены своею изнурительною фланговою обороною раньше, чем на высоте Амьена возникнет решительное дело. К такому заключению дала повод группа германского кронпринца, когда она уже в первые дни наступления предложила отказаться от тактического успеха, который улыбался ее XVIII-й армии, и хотела удовольствоваться скромною ролью обеспечения фланга у Кроза-канала и Соммы до Перонна. Ее, еще не бывшие в деле, около 15 дивизий второй и третьей линий должны были раскрыть путь на Альберт и Аббевиль не косвенно, при помощи сомнительного обхода, а вспомогательным ударом на самом месте расположения

XVII-й и II-й армий. Германское верховное главнокомандование не согласилось с этим предложением и, верное своему правилу, решило поместить центр тяжести перед „слабым местом", не обращая внимания на его малозаметную оперативную ценность в общей обстановке. Сделанное затем сотрудниками верховного германского главнокомандования указание, что дальнейший сильный напор, вслед за наступлением XVII-й и II-й армий, повел бы лишь к бесполезному кровопролитию, как показали наступления Антанты в прошлом году, было тогда еще не убедительно. Движение все еще продолжалось, хотя и медленно. Устройство своего фронта, на что Антанта в 1917 году в промежутке между отдельными ударами часто уделяла целую неделю, враг не мог начать даже и на третий день наступления. Самым правильным в оперативном отношении было бы, без сомнения, вести наступление уже и теперь, вообще на всем фронте, сохраняя еще неизрасходованные силы для главного удара во Фландрии. На это наступление можно было расчитывать тем более, что превосходно оборудованная у французов сеть путей сообщений допускала быструю переброску подкреплений и что поэтому после первых дней наступления фаза „слабых мест" должна была бы миновать. И если бы быстрый прорыв XVII-й и II-й армиям не удался, его можно было еще поддерживать медленным нажимом, посылая подкрепления этим армиям, частями из XVIII-й армии. Но судьба грядущего кровавого столкновения уже носилась над изрытой воронками пустынного поля битвы на Сомме. Оно не могло уже привести к операции. Еще менее, однако, можно было надеяться на операцию через Мондидье.

Здесь группа германского кронпринца была бесспорно права, и события вскоре подтвердили это. Достигнув Аврского участка, XVIII-ая армия потеряла свою, основанную на глубоком боевом порядке, ударную силу вследствие постоянного уширения фронта и углубления ее левого фланга. В отношении подвоза, удаление станций выгрузки от промежуточных базисных складов и магазинов было слишком велико. Удалось лишь устроить небольшое мостовое укрепление западнее Авра.

Только теперь, нажимом отсюда на запад и последующим сильным напором на Амьен можно было бы косвенным образом ускорить операцию. Однако, у XVIII армии для этого было мало сил; сдвинуть события с мертвой точки могли бы, быть может, танки совместно с сильною армейскою кавалериею.

В связи с этим возникла необходимость затишья по всему фронту наступления, вследствие чего противник получил время для собственного устройства. Ожидавшиеся затруднения вызвали ослабление удара раньше, чем он мог привести к операции. Он превратился в настоящий удар, при всем том весьма успешный.

Последующие наступательные предприятия: XVIII армии 30 марта к югу было оперативно бесцельным; II-ой армии —4 апреля, на Амьен— прошло без успеха. Не было элемента неожиданности.

Судьба первого германского наступления была предрешена. Помимо слабых надежд на то, что оно приведет к операции, это наступление не было к тому же своевременно прервано, когда в единственном направлении, где оно могло дать успех, атака захлебнулась.

Дальнейшее развитие его южнее Амьена было стратегически бесцельно и влекло за собой расход сил, которыми благоразумнее было бы воспользоваться для решительного акта в другом месте. Пришлось пожать плоды того обстоятельства, что наступление было основано по преимуществу, на тактических точках зрения и это более или менее вытеснило оперативную идею. Генерал Буа („Людендорф“ изд. Пайо и С°) говорит по этому поводу: „весьма блестящая тактика не доводилась до степени развития, при которой можно было бы добыть выгодное стратегическое положение; нужно даже сказать, что она приводила к противоположным результатам... Это служит доказательством, если только оно вообще необходимо, того положения, что направление тактического наступления в стратегическом отношении не безразлично“. Дух Шлиффена не парил над наступлением. Не видно было здесь и подготовки Ивангородского и Варшавского наступлений. Иначе, германское верховное главнокомандование не избрало бы фронтом, потребовавшим массу сил, дугу Альберт—Морейль, Мондидье—Нуайон, о которой и речи не было, как об исходном положении для дальнейших операций. Подобная операция могла иметь успех лишь севернее Соммы. Уже одна возможность связать неприятельские силы угрозою от Амьена не оправдала занятия названной дуги. Налаженное вскоре артиллерийское противодействие, которому наша, страдавшая от подвоза, артиллерия не могла противопоставить ничего равноценного, истощило силы лежавших в открытом поле позиционных дивизий столь быстро, что нельзя было сомневаться—на чьей стороне окажутся большие потери от удержания дуги Мондидье.

2. Наступление на Кале.

Вслед за первой наступательной волной, исчерпавшей свои силы, наступила пауза. 7-го апреля, VII-ая армия произвела местное исправление позиций до канала между Уазой и Эном по линии Бизанкур, Аниси, Ле-Шато, не имевшее, однако, оперативного значения.

Последующие затем наступления с ограниченною целью должны были создать более выгодное положение для предполагавшегося оперативного удара в низменности Лиса. Взятию высот между Бетюном и Ленсом, а также высоты Лоретто, из за которой много дрались в 1915 г., левым флангом VI-ой германской армии, должен был помочь предварительный удар правого фланга XVII армии, на высоты восточнее и севернее Арраса. Так как этот последний удар уже не удался, то не состоялся и первый. Насколько обладание высотами северо-западнее Ленса, отстоящими от равнины Лиса приблизительно на 20 килом., могло оказать решающее влияние на наступление на Лисе, являлось вопросом спорным.

Германское верховное главнокомандование, уверенное в себе, остановилось на наступлении на Хазебрук—Кале, которое кронпринц Рупрехт с своей стороны предлагал в качестве многообещавшего пути к операции для главного удара. Ныне, когда натиск на Амьен бесцельно вышел из рамок подготовленного демонстративного удара, у него для указанной цели не имелось в распоряжении потребного количества

сил. Во всяком случае это наступление имело хотя бы выгодную тактическую основу. По сравнению с исходным фронтом Фромелль—Виолен, португальские войска представляли, в общем, менее серьезного противника. Масса английских оперативных резервов, собравшихся первоначально между Ипром и Бетюном, сильно разредилась после наступления на Амьен.

Удар, произведенный 9 апреля, имел все таки большой первоначальный успех. Вечером, германские войска достигли местности между Эрквингем и Эстер-дю-Лис, далее проникли южнее Вьелль Шапелль и Рихебурга. В последующие дни наступление шло успешно на Байлель и главным образом на Мервилль, слабее против Бетюн. Однако, и это также не решило дела. Центр тяжести надо было направить на высоты севернее Байлеля и у Касселя. Во второй день наступления левый фланг IV-ой армии овладел Мессинским плато, как предварительною ступенью для этого. Восточный хребет упомянутых высот севернее Байлеля, Кеммельская гора была взята, однако, спустя лишь две недели. Это было слишком поздно. Тем временем, неприятель помощью подошедших резервов, запер дорогу на Кассель. У Ипра и севернее его, он выравнял свой фронт, выступавший после потери Мессинского плато. Вначале мая, удар, наиболее богатый надеждами, чем все остальные, когда либо производившиеся западными германскими армиями, пошел на убыль. Причина этого лучше всего ясна из слов неприятеля. Маршал Френч, обсуждая угрожавшую уже в Ипрском сражении в ноябре 1914 года возможность занятия немцами вершины Кеммельской горы с ее районными отрогами, говорил: „если бы такое положение наступило, мы увидели бы все французские, бельгийские и британские отряды севернее линии, проходящей через Кеммель с востока на запад, отрезанными и оттесненными в море. Оглядываясь назад, я убеждаюсь, что жизненные интересы британского государства были в опасности...

Нужно признать, что в таком случае вѐсь берег от Остенде до Гавра был бы в руках неприятеля...

Так, прорыв у Кале грозил разгромом британской армии, а какое значение для общего положения имело бы крушение этого позвоночного хребта Антанты, принимая во внимание потрясенные силы французов, об этом говорит нам другой неприятельский полководец—Сер Дуглас Хейг. „Чрезвычайные тяготы, понесенные храброй французской армией в первый период войны, причинили такие потери, которые чувствовались в продолжение всей войны“. Ядро неприятельского сопротивления следовало искать в Кале, а вовсе не в Париже.

Однако, наступление, сулившее в стратегическом отношении только успех, чрезвычайно затянулось и потому не могло перейти в операцию. Как известно, его судьба решилась тактическим успехом первого дня. Главной причиной незначительности этих успехов, наряду с неоспоримыми трудностями болотистой местности, являлась недостаточность сил. По этому именно поводу генерал Людендорф пишет: „Войска следовало бы пускать в дело более свежими. Часто же они задерживались в поисках продовольствия. Дивизии, здесь дравшиеся, не были наступательными дивизиями в том смысле, как 21 марта“. В этом и заключается корень неудачи операции. Верховное германское главно-

командование перенесло стратегический центр тяжести на удар, проходивший через прежнее поле битвы на Сомме, несмотря на то, что как было указано выще, этот удар не мог быть достаточно полновесным; наступление же на Хазебрук — Кале превратило его в чисто истощающий удар. Обратное создало бы катастрофу.

3. Майское затишье.

С прекращением движения на Амьен и у Лиса, германское верховное главнокомандование должно было остановиться на окончательном решении. Если бы оно с самого начала искало решения своей задачи в операции, в ясном сознании, что только этим путем можно быть уверенным в успехе пользуясь пока благоприятным для этого моментом, то в таком случае ему следовало задаться важным вопросом, имело ли оно еще вообще надежду придти к операции. Создать таковую целиком в новом пункте, оно, после двух первых больших наступлений, не имело более сил. Совершенно независимо от того, что фронт между Ипром и С. Кантеном являлся единственным, подающим надежды, базисом. Таким образом оставалось лишь одно—развивать операцию до конца в прежнем районе на основе уже здесь достигнутого. Цель ее оставалась та же, как и перед прорывом к морю. Исходными положениями являлись вновь приобретенные участки фронта: Кеммель—Ля-Бассе и Аррас—Альберт. Из них последний был менее пригоден, имея в виду, что позади его южной половины лежало былое поле сражения на Сомме, которое должно было безнадежно стеснить необходимый для операции подвоз. Таким образом намечать операцию можно было лищь в направлении начатого 9-го апреля удара на Хазебрук—Кале. При этом германскому верховному главнокомандованию должно было быть ясным, что теперь, после того как первый натиск, слишком слабый для достижения оперативного успеха, заставил неприятеля обратить внимание на свою ахиллесову пяту, второй удар подходил к этой задаче при менее выгодных условиях. Хотя, вопреки мнению французского генерала Буа, наступательные перспективы для немцев на рассматриваемом фронте вовсе не были плохи, несмотря на то, что Антанта собрала там большие силы, тем не менее для удара оставалось лишь прорвать первую, полевую позицию, позади которой не было никаких тыловых линий. Да и необходимая глубина прорыва, целью которого явился бы Кассель, была бы сравнительно невелика. Тем не менее германскому верховному главнокомандованию представлялся во всех случаях необходимым детонированный удар в каком либо пункте, намеченном на тот или иной жизненный центр неприятеля и потому способный оттянуть большие его силы с места скопления их между С. Омером и Амьеном. Не легко было решиться на такое подготовительное наступление, ибо для этого требовался новый расход сил, которые настоятельно были необходимы для того, чтобы впоследствии обеспечить исход главного решения. Это последнее, возникшее только после трех подготовительных больших наступлений, стояло под угрожающим знаком анемии. Правда, и противник в двух первых ударах понес большие потери. Из 59 английских дивизий пришлось ввести 53; некоторые из них даже

дважды, а из французских оперативных резервов были пущены в бой около половины. Положим, и германские наступательные дивизии уже отдали для той же надобности все лучшее. Но к их услугам не имелось источника пополнений, как это было у Антанты в лице американской армии.

Поэтому приходилось опасаться, что после дальнейших, в некотором роде подготовительных, наступлений, для главной операции в конце концов на стороне немцев не окажется того численного и, главным образом, качественного превосходства, что только и могло бы обеспечить успех.

Для германского верховного главнокомандования, которое внутренне вовсе не смотрело столь односторонне на операцию, но лишь близко придерживалось основ стратегии истощения, подобное решение—попытаться наступать в другом пункте, по прежнему без видов на операцию, принять было легче. Во всех случаях ближайший удар следовало произвести возможно скорее, ибо затишье усиливало обе стороны; однако, что являлось самым существенным, чем дольше оно продолжалось, тем более выигрывал противник во времени для того, чтобы захватить инициативу действий. А этого ни при каких условиях допустить было нельзя. К концу мая все необходимые передвижения войск и приготовления к наступлению могли быть закончены. Для предстоящего наступления, которое должно было играть роль декоративного удара, при выборе пункта наступления на первый план выступали тактические условия. Силы неприятеля группировались против фронта VII-й и I-й германских армий. Группа германского кронпринца разработала и подготовила несколько наступательных планов. Ядром действий являлось наступление VII-й армии от линии Аниси ле-Шато—Берри-о-Бак по направлению на Суассон—Фим—Дэпоншери до Вель. В зависимости от обстановки, фронт наступления мог быть расширен справа примыканием VII-й армии к Уаза-Энскому каналу и движением XVIII-й армии от линии Орвилль—Нуайон на Компьен, а слева—примыканием I-й армии между Берри-о-Баком и Реймсом до Вель. В случае, если бы этот удар достаточно разрядил положение во Фландрии, германское верховное главнокомандование намеревалось вернуться там к операции. Такое намерение держаться оперативной линии поведения было совершенно правильным.

4) Демонстративный удар между Суассоном и Реймсом.

27 мая VII-я германская армия открыла подготовленное наступление между Аниси-ле-Шато и Берри-о Бак с невиданным до сих пор тактическим успехом. Неприятель, обративший свои взоры лишь на фронт группы кронпринца Руппрехта, точно с облаков упал, хотя за несколько часов до наступления он с изумлением все таки узнал о предстоящем из показаний пленных. Удар распространился с неудержимою силою по избороженному воронками крутому горному скату Шемэн-де-Дам, устремляясь быстрым потоком к югу. Такое тактическое начало представляло идеал оперативного вступления. К сожалению, достигнуть здесь последнего было трудно. Рано или поздно ему пришлось бы

фронтально замереть, так как впереди не было никакой „стены", к которой можно было бы припереть врага. Во всяком случае такой оборот дела, наряду с демонстрацией, способствовал сильно желаемому истощению неприятеля. Первоначальная цель (Вель) осталась далеко позади уже на второй день. Наступление шло вперед без затруднений. Неприятель вначале почти не имел резервов. Последние, подвозимые частями из Фландрии и бросаемые из вагонов прямо в бой, являлись каплями воды на раскаленном камне. Было также положительно необходимо сначала дать противнику возможность выйти из первоначально начертанных рамок, пока расход его сил не перестанет соответствовать стратегической цели—демонстрации и истощению. Германское верховное главнокомандование стремилось также к частичной операции. VII-й армии было предписано установить центр тяжести удара в направлении Компьен—Крепи—ан'Балуа. В случае выигрыша, в этом направлении, пространства, наступление могло, соединившись с подготовленным наступлением XVIII-й армии от линии Орвилль—Нуайон к югу, уничтожить французские силы вокруг Компьена. Однако, французы правильно оценили уязвимость этого пункта и оказывали отчаянно-упорное сопротивление южнее Суассона и на восточных окраинах Вилье-Коттереского леса, притом не без успеха. В южном направлении они не стремились задерживать движения, хорошо понимая, что Марна своевременно положит ему конец. Поэтому далее к югу нельзя было расчитывать на „операцию". На четвертый день южная группа VII-й германской армии достигла Марны. Здесь наступление потеряло свою стремительность и лишь в отдельных пунктах увенчалось небольшим выигрышем местности. Однако, там, где такой выигрыш имел оперативное значение, в направлении Компьен и Эпернэ, наступление задерживалось в Вилье-Коттереском лесу и в лесистых горах Реймса. До начала июня движение потребовало от неприятеля таких жертв, которые не шли ни в какое сравнение с весьма высокими потерями его в людях и в материальной части. Таким образом, истощающая цель была вполне достигнута. Равным образом также вполне оправдался и демонстративный характер наступления. Французские и американские дивизии из оперативного резерва Антанты устремились к Реймсу—Вилье-Коттере для охраны угрожаемых флангов на фронтах Мондидье—Нуайон и Реймс—Аргонны.

Вслед за остановкой движения повторилась прежняя картина. Артиллерийское сопротивление врага росло с каждым днем и приобретало все большую и большую наступательную напряженность; вскоре же последовали и сильные наступления. На подобие дуги Амьен—Нуайон и дуга Суассон—Шато-Тьерри—Реймс явилась расширением общего германского фронта, которое оказывало в высшей степени вредное влияние на количество оперативных резервов. Как и в начале апреля, когда напрашивалось соображение об очистке пожирающего силы выступа южнее Соммы, так и теперь мешок между Эн и Марна, находившийся в подобных же опасных условиях в отношении подвоза, настоятельно требовал той же меры. Из всего этого вытекало, что пока фронт продвигался до Марны, нечего было и ожидать изменения условий распределения сил в благоприятном для германской армии смысле, по отношению к главному решению, как и

раньше ожидавшемуся во Фландрии. В июне расход сил у немцев стал уже больше, чем у неприятеля. Сохранение упомянутого выступающего положения могло быть оправдано, если бы оно послужило трамплином для окончательного решительного удара. Так как это вовсе не имело места, то сохранение позиций на Марне являлось лишь стратегически бесполезным занятием территории. Возможно, что магическое имя „Париж“ действовало гипнотически на германское верховное главнокомандование. Во всяком случае, здесь меньше, чем в случае расположения между Амьеном и Шони, оно могло решиться на частичное отступление, сберегая силы в пользу главного решения. Само собою разумеется, что выполнение задачи могло бы начаться не раньше, чем тогда, когда развитие следующего наступления дошло бы до такой степени, которая, по мнению германского главнокомандования, обеспечивала бы там оперативное преимущество. Если бы положение допускало это, то достаточно было бы и подготовки обширного ослабляющего движения, которое, как и весной 1917 года, можно было произвести во всякое время.

1 июня VII-я армия расширила фронт своего натиска на линии Эн—Уаза в Компьенском направлении. Затем 9 июня последовало давно задуманное наступление XVII-й армии на Компьен между Мондидье и Карле. Так как VII-й армии не удалось, как было уже сказано, пройти на Компьен и Крепи-ан-Балуа с востока, то упомянутое наступление не могло созреть в операцию, а превратилось лишь в истощающий удар. Но так как на этот раз противник разгадал и ожидал наступление, то являлось вопросом, удалось-ли бы вызвать у него значительные усилия без ценных жертв с своей стороны. Было бы предпочтительнее вовсе не производить наступления. Оно лишь выковало новое звено в постепенно удлинявшуюся цепь ослабляющих подготовительных наступлений.

Главное решение по прежнему покоилось на слабом фундаменте. На первых порах вновь наступила пауза. Возникла опасность, что противник может захватить инициативу раньше, чем верховное германское главнокомандование приступит, наконец, к решительному удару во Фландрии.

5) Новое оперативное затишье в июне и в июле.

Вторично перед германским верховным главнокомандованием встал вопрос, в каком направлении идти далее к победе. Решение вопроса оказалось еще более затруднительным, чем в мае. Ибо соотношение сил на обеих сторонах проявилось еще с большею остротою. Противник безусловно нес большие потери, значительно превосходившие потери немцев, но только во время движения. По восстановлении равновесия, расход сил у обеих сторон в боях около вновь образовавшегося позиционного фронта должен был стать приблизительно одинаковым.

Эпидемия инфлуенции свирепствовала одинаково сильно у обоих противников. Между тем, явное понижение морального элемента, а вместе с тем и боеспособности на стороне немцев, выявлялось в зна-

чительно большей степени. Источник боевых сил немецкой армии с каждым днем становился все более скудным и замутненным. Антанта же получала совершенно новый, полный сил запас подкреплений в лице Америки. Взоры устремились в исполненное угроз ближайшее будущее, когда произведение из числа на внутреннее качество войск должно было достигнуть на стороне Антанты более значительной величины. Таким образом для решения войны посредством операции, в распоряжении германского верховного главнокомандования оставался весьма короткий промежуток времени. Повторное, стратегически лишь подготовительное наступление для главной решительной операции, все дальше и дальше отодвигало эту последнюю к критическому предельному положению развивающихся условий сил обеих сторон, все больше и больше приближало ее к стадии, когда противник получит возможность вырвать инициативу из усталых рук германского командования. А тогда с возможностью операции пришлось бы распрощаться навсегда. Поэтому германскому верховному главнокомандованию приходилось смотреть на ближайший удар как на безусловно последний, непосредственно возможный путь к конечному решению вопроса.

Поступи оно так, как при подготовке наступления по обеим сторонам Реймса в середине июля, это было бы совершенно понятно с стратегической точки зрения. На втором плане являлась необходимость испытать—оправдалось ли оперативными соображениями очищение Фландрии для нового фронта и должно ли привести теперь к иным результатам вышеприведенное суждение о значении отдельных фронтов для решительной операции. Это казалось спорным. Однако, об этом излишне распространяться подробнее, так как наступление по обеим сторонам Реймса не считалось германским верховным главнокомандованием решительною операциею. Оно, как и раньше во Фландрии, стремилось к нему, но считало необходимым расчистить ему путь наносимым где-нибудь в другом месте отвлекающим ударом. Было ли неизбежно вторичное ослабление неприятельского фландрского фронта раньше привлечения туда для решительного боя группы кронпринца Руппрехта, судить трудно. Ясно должно было быть, однако, что новое подготовительное наступление, даже сделав чувствительную брешь в неприятельских резервах, израсходовало вместе с тем те немецкие силы, которые имелись как раз для того, чтобы обеспечить главному решению минимально-необходимую живую силу.

В силу этих соображений нельзя одобрить решения германского верховного главнокомандования произвести перед главною решительною операциею во Фландрии, назначенною на начало августа, пятое подготовительное наступление. Оно не считалось с ослаблением собственных сил, а лишь излищне натягивало тетиву лука. Эта ошибка коренилась в отмеченной выше недостаточности связи германского верховного главнокомандования с войсками и вытекающей отсюда переоценки своих сил. Допустим, что наступление на Реймс удалось бы в той мере, как этого хотелось германскому верховному главнокомандованию; допустим, что противник был бы ослаблен настолько, что должен был бы на целые недели и даже месяцы отказаться от мысли произвести собственное наступление, однако окончательно

сломить его сопротивление, имея в виду американскую помощь, оно не смогло бы. Это могла бы сделать только—операция. А эта последняя, после пятикратной предварительной подготовки, уже не дала бы столь полновесного удара, как при прежнем состоянии германских сил. Это доказывается уже тем фактом, что недостаток сил не допускал, хотя бы даже в приблизительной мере, обеспечения флангов наступления усилением угрожаемого фронта Суассон—Шато-Тьерри, в чем была настоятельная необходимость. Главная операция снизилась бы до шестого и, вероятно, последнего истощающегося удара, если только положение вещей фактически допустило бы возможность такого удара. Германская же армия уже не могла бы более окрепнуть для мощного, смертоносного удара. Не то было у противника. После того, как германская стратегия в 1918 г. упустила удобный момент достигнуть главного решения, именно 9-го апреля, возможность этого решения надолго отодвинулась, а тем временем ничтожный запас сил готовился придти к концу.

Излишне большим числом своих подготовительных ударов она в стратегических рамках делала то, что генерал Людендорф так осуждал в области тактики; она „играла в сражение". И в этом случае интересно мнение противника. Генерал Буа пишет: „Людендорф недостаточно бережно обходился со своею пехотою. Он искал решения, пока оно не созрело, он расточительно расходовал свои силы до момента жатвы, которую он уже не мог собрать". Удар на Реймс явился последним напряжением сил германского верховного главнокомандования. Так как оно не имело целью окончательное решение, то бессознательно и отказалось от последнего даже раньше, чем маршал Фош вырвал у него инициативу.

Во всяком случае столь крутая перемена, фактически происшедшая 18 июля, не вызвана естественным развитием. Без особых причин германское наступление 15 июля имело бы, вероятно, более значительный, хотя бы не решительный успех. Тесное обложение Реймса, которое имелось в виду, заставило бы неприятеля понести большие потери. Вот тогда то и можно было бы, наконец, произвести решительный удар во Фландрии. Но и он, как это видно из всего сказанного, вероятно, ослабел бы после столь же хорошего начального успеха, не докатившись до искомой цели. Для прорыва этот удар не обладал достаточной силой. Его судьба должна быть тождественна судьбе германского прорыва в Марнском бою 1914 года, который также был слишком ослаблен второстепенными оперативными боевыми операциями. После продолжительной паузы, вызванной обоюдным утомлением, инициатива окончательно перешла бы к Антанте.

6) Демонстративный удар по обеим сторонам Реймса.

Наступление XII-ой армии 15-го июля, направленное с линии Жольгонь—Курма в общем юго-восточном направлении, должно было развиваться по обеим сторонам Марны на Эпернэ, между тем, как I-я и III я германские армии, наступая от линии Прюнэ—Таюр получили задание проникнуть к югу—к Марне между Эпернэ и Шалоном.

Предполагалось тесно обложить на Марне с обеих сторон пространство Реймс—Эпернэ. Тактически наступление было нелегко. Притом не только в силу того, что, для VII ой армии необходимость переправы через Марну представляла серьезное предприятие, но прежде всего по характеру своего дальнейшего развития. Это последнее представляло особые трудности, так как тактические затруднения при первом напоре могли бы быть преодолены при содействии тогда еще сильной артиллерийской подготовки. Позднее, после перехода за пределы досягаемости исходной артиллерийской позиции, следующая за пехотой артиллерия уже не могла производить столь деятельной расчистки пути в непредвиденных положениях. Как раз в этот именно момент, густо-лесистая местность между Дорманс и Эпернэ должна была представить VII-ой армии большие тактические трудности; артиллерийское же содействие батарей, коими насыщен был горный узел (forêt de Reims) между Аи и Верси сильно было стеснено движением I-й армии. Не смотря на это, тактический успех вообще был возможен, и, на основании минувшего опыта, германское верховное главнокомандование имело полное основание рассчитывать на него. В действительности, цель наступления, даже план его в общих чертах стали известны противнику. Сообщил эти сведения сознательно или неосторожно один пионерный капитан VII-ой армии, который в начале июля производил разведку для установки моста и при этом попал в руки неприятеля. Вместе с утратой элемента неожиданности рушились и все расчеты наступления. Это несчастье было возможно, но не было предусмотрено.

Происшедшая тактическая неудача не может быть поэтому поставлена в вину германскому верховному главнокомандованию.

Еще до дня наступления стали обнаруживаться признаки угрожавшего французского наступления из леса у Вилье-Коттере. Прежде всего об этом сообщили аэропланы, затем начался обстрел германских войск; 9-го июля получено было агентурное сообщение; наконец, 11-го июля перебежчики сообщили о предстоящем в ближайшем времени массовом наступлении танков. I-ая германская армия весьма тщательно наблюдала за своим правым флангом, который при наступлении на Эпернэ стал почти тылом. Потребные для сопротивления силы она сумела свести к минимуму. Фронт между Суассоном и Шато-Тьерри в промежуток времени от 6-го июля до 13-го июля был целью около четырнадцати неприятельских наступлений, то большого, то малого масштаба.

Общий недостаток сил не допускал возможности смены в соответствующих размерах. Противник пытался планомерными, почти ежедневными частыми ударами расшатать фронт, который он, очевидно, уже давно присмотрел для стратегической retour offensif (контр-наступления). Очевидным стало и его стремление завладеть хорошими наблюдательными пунктами. Командование VII-ой армии неоднократно указывало на то, что усиление его западного фронта для надежной фланговой обороны является необходимым условием для наступления 15-го июля; однако ему послана была лишь часть просимых подкреплений дивизиями и артиллерией.

Становившиеся все более настойчивыми указания германского

верховного главнокомандования по поводу необходимости тщательнейшего расчленения при обороне, принятия мер против танков и т. д. не могли предотвратить опасности. Если для осуществления этих мер не доставало сил, то все приказания оставались мертвою буквою. Еще перед самым началом наступления, командование VII-ой армии вновь заявило о своих опасениях, ссылаясь на косвенные признаки, и даже нашло отклик в самом германском верховном главнокомандовании. Оперативное отделение последнего отвергло, однако, представления VII-ой армии, как галлюцинации, особенно после того, как 14-го июля, к каковому дню (французский национальный праздник) агентурные сообщения и показания перебежчиков приурочивали наступление, таковое не состоялось. То обстоятельство, что германское наступление первоначально было назначено на 12 июля и это решение стало известно противнику, делает вероятным предположение, что и маршал Фош также назначил свой удар первоначально на более раннее число, чем в действительности таковой был произведен, т. е. приблизительно на 14 июля. Когда затем германский удар замедлился, Фош также отложил свое наступление, ибо для достижения лучшего успеха, он должен был сперва дождаться германского наступления, а не связывать свой удар с политическим празднеством.

Так как германское верховное главнокомандование не могло предвидеть измены, то этим об'ясняется, что неисполнившееся предсказание оно отнесло к области басен. Предполагая, что его наступление 15 июля будет для неприятеля, как и прежде, неожиданным, оно могло по праву расчитывать, что своим наступлением нанесет врагу катастрофический удар, который вовлечет в вихрь событий неприятельские силы, стоявшие перед тем в готовности против западного фронта VII-ой германской армии и тем самым помешает выполнению их первоначального назначения. Точно также и на прочих фронтах это наступление должно было связать полностью неприятельские резервы крепче, чем в том случае, если бы неприятелю были известны германские намерения. Таким образом, само по себе, действительно весьма смелое, обнажение западного фронта VII-ой армии не представляется, однако же, легкомысленным, как это кажется из последующего развития событий.

Только при знании неприятелем германского плана, опасность такого обнажения являлась жизненною, но это обстоятельство не было известно верховному германскому главнокомандованию.

15-го июля началось германское наступление по обеим сторонам Реймса и, одержав некоторый тактический успех, приостановилось. Французы, в особенности в Шампани, на примере произвели блестящую пробу того способа, который был рекомендован германским верховным главнокомандованием, как квинт-эссенция его многочисленных оборонительных боев—располагать центр тяжести сопротивления позади глубокой, слабо занятой передовой зоны в тыловой полосе большого боя. От германского верховного главнокомандования не надолго укрылась неудача удара. Уже 16 июля было приказано остановиться в первую очередь I и III армиям, где наступление дало особенно незначительный успех. Только VII армия должна была еще попытаться прорваться севернее Марны и занять хотя бы угловой железнодорожный пункт у Реймса, как плод наступления. Силам, находившимся уже

южнее реки, пред'явлено было требование подготовить отступление на северный берег. Удар, считавшийся демонстрацией, казалось, выполнил свое назначение.

Уже германское верховное главнокомандование обратилось к окончательному удару во Фландрии. В это время контр-наступление французов 18 июля вырвало из его рук инициативу. Чрезмерно долгое откладывание нашло свое возмездие.

ГЛАВА 34.

Заключительное наступление Антанты.

Когда маршал Фош увидел, что значительная степень истощения противника позволяет ему перейти к retour offensif, то главной его целью должно было стать быстрое уничтожение еще имевшейся у противника боевой силы. Вследствие того, что германский наступательный план стал ему известен, притом достаточно заблаговременно, он был в состоянии оценить распределение германских сил на 15 июля с большою точностью. Ему нужно было ослабить возможно значительнее все прочие свои фронты в пользу своего контр-наступления, час которого теперь пробил; при этом, вследствие отпадения момента неожиданности, маршал Фош мог получить возможность с самого начала вырвать жало у германского наступления. Он сумел связать германскую группу, притом отборную, с одной стороны в мешке Шато-Тьерри—Реймс, а с другой—в Шампани. (Схемы 9 и 11).

Его удар, следовательно, должен был быть выполнен таким образом, чтобы эти силы были возможно скорее уничтожены. Как показал опыт, подобная цель достигается всего быстрее и вернее заключением неприятеля в мешок. В Шампани слишком прямолинейный фронт не представлял для этого особенно выгодных условий; не то было между Марною и Эн, где занятый VII-ой германской армией выступ на это как бы напрашивался. Удар из Виль—Коттереского леса на Эн и далее на Лаон должен был опрокинуть всю массу VII-ой германской армии в сеть, из которой не было спасения.

Маршал Фош использовал горький опыт своего предшественника Нивелля, почерпнутый из весеннего германского наступления 1917 года; он не столь слепо доверился одной технике, а совершенно правильно искал главный центр тяжести в оперативной неожиданности, не пользуясь никакими машинами. Выполнению этого намерения особенно благоприятствовала возможность совершенно замаскировать приготовления, обусловленная лесистою местностью. Таким образом контр-наступление маршала Фоша, которое в дальнейшем своем развитии в северо-восточном направлении перехватило как фронт Северное море—Мондидье, так и Реймс—Верденский участок немцев, было стратегически задумано превосходно, равно, как и удачно выбран для начала его момент, которого он ожидал хладнокровно, именно, момент, когда произойдет заедание наступательных германских армий. Имевшихся в его распоряжении сил было совершенно достаточно, несмотря на

сильные потери, понесенные французской и английской армиями в предшествовавших боях. Само германское верховное главнокомандование исчисляло его резервы в круглых числах, от 30 до 40 боеспособных дивизий; к ним в середине июля прибавилось около 22 американских дивизий. Этими последними освобождались французские дивизии на спокойных фронтах и шли на усиление ударной армии Фоша. Упрек, который неоднократно делали германскому верховному главнокомандованию в том, что оно, в своем легкомысленном оптимизме, слишком недооценивало неприятельские резервы, таким образом лишен основания. Правда, однако оно ошибалось, когда предполагало, что эти резервы распределены по всему фронту, а не сосредоточены для контр-наступления у Амьена и Вилье—Коттере.

Тем не менее, как было упомянуто, общее его представление об обстановке при нормальных условиях совершенно подтвердилось. Равным образом, оно могло расчитывать и на то, что его наступление на Реймс должно было привлечь неприятельские резервы, которые, несмотря на их значительное общее количество, вначале не представляли противнику никакой возможности для производства собственной операции. То обстоятельство, что в Реймской дуге не произошло катастрофы, равно как и не последовало освобождения резервов, которые до сих пор были связаны на других фронтах, все это являлось главным образом следствием происшедшего предательства, и эти оба фактора опрокинули расчеты германского верховного главнокомандования. Предусмотреть же их оно не могло. С упомянутою выше резкою переменою ему не нужно было считаться. Свои расчеты оно основало на не полных данных о собственном наступлении, однако же совершенное проникновение в германские окопы, что как впоследствии было установлено, стало возможным лишь вследствие предательства, лежало за пределами учитываемой вероятности.

18 июля маршал Фош начал свой удар. Танки, значительно более совершенные по своему техническому устройству, введенные в бой в невиданной до сих пор массе, катились длинной непрерывной линией впереди своей пехоты, часто скрываясь в высоких хлебах. Германская оборона не была готова к такому массовому налету по всему фронту и потому не могла быть действительною. Пехота увидела себя брошенною перед быстро двигавшимися, извергавшими огонь машинами и сплошь да рядом утрачивала мужество. Тактический успех наступления был велик. Весь германский фронт между Эном и ручьем был разорван в клочья. Однако уже в следующие часы и дни маршалу Фошу можно было бы сказать: „vincere scis, Hannibal, victoria uti nescis“ [1]).

Взгляд, что решение лежит за стратегическим развитием тактического успеха в первые его часы, неприятельским командованием, повидимому, не был усвоен из опытов на собственном теле, а потому оно не извлекло важнейшего урока из собственных поражений. Как и во всех предыдущих боях с целью прорыва, боязливое стремление обратиться к основательной и тщательной подготовке всех наступательных операций, быть может обусловленное малою боеспособностью предоставленной самой себе пехоты, имело слишком большой перевес—

---

[1]) „Умея побеждать, Ганнибал, ты не умеешь пользоваться победой“.

однако эта тенденция тормозила дальнейшее развитие успеха. После полудня 18-го июля и в следующую затем ночь, войска Антанты предоставили своему противнику несколько дорогих часов, которые дали возможность укрепить разбитый фронт, пополнить его и устроить позади него несколько подготовленных для встречи врага позиций. Таким образом, последующие удары, которые кроме того не несли с собою элемента неожиданности, увенчались лишь скромной долей успеха, достигнутого в первый день. Неприятельский прорыв на Суассон был отбит, хотя, без сомнения, фронтальным противодействием, пожирающим, как известно, наибольшее количество сил. Совершенно так же, как и в оборонительных боях 1916 и 1917 г. г., оперативное отражение при помощи контр-наступле́ния, на подобие боя в ноябре 1917 года при Камбрэ, которое в германском генеральном штабе считалось блестящим образцом высокоразвитой всесторонне обдуманной оборонительной тактики, в данном случае не нашло себе повторения. Было ли для этого мало сил и времени, или же командование, долгие годы нашпиговываемое тактикою фронтальной обороны, об этом вовсе не думало, судить трудно. Во всяком случае, оборона помощью контр-наступления, если таковое и было возможно, давала бы надежды восстановить все положение и приподнести маршалу Фошу такое же разочарование, какое его предшественник Нивелль испытал в 1917 году на Шемэн-де-Дам. Чисто же фронтальная оборона, даже самая удачная, только-только ослабляла тяжесть кризиса.

Тем не менее положение VII-й германской армии оставалось в крайней опасности. Ее существенная, заводящая в мешок Шато—Тьерри, жизненная артерия—дорога Суассон, Шато-Тьерри уже находилась в сфере неприятельского огня. Поэтому представлялось невозможным подвозить к этому фронту боевые припасы и свежие войска в той мере, какая требовалась ожидавшимися оборонительными боями. Поэтому германское верховное главнокомандование совершенно правильно решилось оттянуть фронт на линию Фер-ан'Тарденуа—Виль ан' Тарденуа. Впоследствии предполагалось отойти на Вель. Предварительно же понадобилось убрать, откуда только можно было, большие запасы южнее Вель. Таким образом войскам приходилось отражать в первую очередь на прежней линии предстоящее большое наступление. Ожидавщийся большой расход сил побудил германское верховное главнокомандование к тяжелому решению—перенести наступление во Фландрию. Всех его сил не хватало для того, чтобы одновременно питать серьезное наступление и оборонительный бой большого масштаба. Оперативное решение таким образом погибло, притом навсегда. Это горькое признание пришлось таки сделать германскому верховному главнокомандованию. То обстоятельство, что оно, не взирая на это, носилось еще с наступательной идеей для группы принца Руппрехта, где прежде всего нельзя даже было и ожидать никакой решительной операции, свидетельствует о большом его оптимизме при подсчете своих сил. 2-го августа с занятием позиции у Вель VII армией, оборонительному бою между Вель и Марною был положен конец. И этим маршал Фош сохранил возможность, закончив окружение VII-ой германской армии в мешок, достигнуть своей цели—уничтожения больших неприятельских сил, в некотором роде „элегантным“ стратегиче-

ским способом. Косвенно он, без сомнения, был близок к этому, ибо оборонительный бой между Суассоном и Реймсом стоил германскому верховному главнокомандованию столь значительный энергии, что оно окончательно потеряло оперативную инициативу.

Германское верховное главнокомандование должно было признать, что рещить войну наступательным образом оно уж более не в состоянии. Но раз печальная необходимость отказаться от горячо желанной и уже близкой цели окончания войны победным наступлением, силою вещей, стала совершившимся фактом, после того, как германская армия из стратегического наступления была отброшена к обороне, приходилось решить еще вопрос: „какие принять меры для увеличения силы сопротивления этой обороны"?

Кроме того, артерия, связывавшая войска с верховным главнокомандованием, должна была пульсировать настолько энергично, чтобы в центре руководства о состоянии, утомленных травлею, разбитых, подавленных размерами своей задачи и разлагаемых извнутри родины, войск не могли существовать столь обманчивые представления, какие были на самом деле. Являлась настоятельная необходимость сокращения в большом масштабе изнуренного, от моря до Аргонн, фронта для его освежения и выделения потребного количества оперативных резервов. Неоднократно указывавшаяся в качестве „полного решения" задача дуги у VII-ой германской армии являлась в действительности лищь полурешением до тех пор, пока добровольно не будет очищена и отведена назад на Зигфридские позиции дуга у II и XVIII армий, где, с отказом от наступления, стал бесполезно удлиняться фронт и пожирались силы. Такое решение являлось безусловно тягостным отречением и требовало от полководца почти сверхчеловеческого. Германскому верховному главнокомандованию периода весны 1917 г., которое ясно, без заблуждения, сознавая все стратегически-целесообразное, вместе с тем проводило и политически невыгодные мероприятия, было бы трудно проследовать после 18-го июля через 8 августа. Германскому же верховному главнокомандованию 1918 года, очевидно, еще не вполне было ясно, что только что пережитый кризис южнее Вель являлся лишь началом чего то более значительного. Наряду с риском сохранения, навстречу грядущему, всего прежнего широко растянувшегося фронта, не смотря на истощение своих сил на фронте, предназначенном именно для ближайшего испытания, господствовала большая беззаботность, которую верховное германское главнокомандование не обуздывало. Командиры и офицеры генерального штаба отправились в отпуск. Сохранившееся еще от весеннего наступления разделение боевых участков не было согласовано с условиями обороны. Они шли от с—в на ю—з. Затем, англичане оказались столь не любезны, что произвели наступление с запада на восток, это следовало бы предвидеть, и таким образом своевременно зашли в тыл этих участков, которые с фронта ему вовсе не потребовалось атаковать. Все это не спасло бы верховное германское главнокомандование, сознававшее всю тяжесть угрожающего ему удара.

Маршал Фош, даже в конце июля 1918 года, не верил, что силы германской армии уже совершенно исчерпаны. Не смотря на это, он принял совершенно правильное решение не подвергать себя,

вследствие медлительности, опасности нового захвата инициативы противником.

На прежнем поле битвы близкое продолжение большого наступления было невозможно. Нужно было сначала устроить тыл. Поэтому маршал Фош вновь взялся за старый рецепт „клещей" и решил произвести наступление на другой фланг выступа германского фронта у Мондидье. Командовавшие там ген. Эмбер и маршал Хейг, донесли, что у них для большого наступления не хватило бы резервов. Тем не менее Фош настаивал на своем смелом плане. Вследствие недостатка резервов силы дивизий первой линии предполагалось сберечь возможно больше массовым применением танков.

Выигрывает тот, кто рискует. 8-го августа австралийцы, канадцы и французы приступили к неожиданному наступлению между Альбертом и Морейлем. Эскадры танков, двигавшиеся в густом тумане, выполнили свое обещание, данное 20 ноября 1917 г. у Камбрэ. Английская пехота еще до полудня, никем не тревожимая, достигла Харбоньера, лежавшего почти в 12 километрах позади фронта, вследствие незадачливого управления германскими боевыми участками и их связью. Вечером первого дня, между Альбертом и Пьеррепоном на Авре получился прогиб глубиною до 14 килом. следовательно, больший, чем постепенно дали Антанте продолжавшиеся целыми неделями бои на Сомме в 1916 г. Семь германских дивизий были сметены. В брешь, шириною около 25 километров, могли быть введены сначала лишь около 4-х дивизий, которые отдыхали после боев. Положение немцев стало весьма серьезно. Лишь теперь началось постепенное оставление фронтального выступа у Руа, которое являлось единственно целесообразною мерою перед наступлением. Теперь, под давлением врага, неизбежные потери в снабжении и людях стали значительно чувствительнее. Англичане и здесь не могли осмелиться на прямой прорыв. Таким образом II и XVIII германские армии выиграли время для того, чтобы устроить в тылу хотя бы тонкую боевую линию с целью задержать арьергардными боями неприятельское движение в последующие дни. Тем не менее положение оставалось крайне угрожающим. Помимо весьма тяжелых потерь, германское верховное главнокомандование неожиданно открыло для себя падение морального чувства среди войск. Об этом обстоятельстве генерал Людендорф говорит: „Командированный мною на поле сражения офицер генерального штаба описал мне состояние дивизий первой линии перед наступлением 8 августа в таком виде, что я был глубоко поражен. Я вызвал командиров и офицеров с фронта в Авен для того, чтобы обсудить с ними близящиеся события. Я услышал о блестящих делах, но и поступках, которые,—я должен высказать это открыто, в германской армии считались недопустимыми: как группы отдельных всадников сдавались сомкнутым отделениям танков; одну из свежо и храбро наступавших дивизий отступавшие части назвали „штрейкбрехерами", „затягивателями войны",—слова, которые раздавались и позднее. Офицеры во многих местах утратили свое влияние, допустили увлечь себя"...

Отсюда ген. Людендорф вывел необходимое следствие. Перевес окончательно перешел на сторону Антанты. Мысль о наступлении в свою очередь пришлось теперь отложить. Однако, при нынешнем

состоянии войск, нечего было также думать о продолжительном успешном задерживании неприятеля изнурительными оборонительными боями. Существовавшая еще зимою 1917—1918 г. возможность выбора между тказом от наступательных действий и последнею попыткой склонить военное счастье на свою сторону—теперь отпала. Оставалось лишь первое. Стратегически это знаменовало: задерживающий бой и выигрыш времени.

ГЛАВА 35.

Германское отступление.

После своего сильного удара из Вилье-Коттереского леса и по обоим сторонам ведущей из Амьена на восток военной дороги, маршал Фош перешел к развитию своей наступательной деятельности на возможно более широких основаниях. В то время, как между Соммою и Уазою продолжался натиск врага на Руа, англичане произвели 21 августа наступление сначала южнее Арраса между Буале и Альбертом. Затем бой перешел на южный берег Соммы и достиг Брэ.

Хотя и здесь неприятель не мог произвести прорыва, однако, его повторные наступления массою танков оттеснили переутомленные германские дивизии к 25 августа почти до Бопома. Сам он понес в этом „материальном" бою незначительные потери.

Одновременно с этим французы атаковали 20 августа у колена Уаза-Эн 18-ю германскую дивизию и к вечеру 21 августа, после тяжелого боя, оттеснили ее за Уаза-Энский канал. Генерал Людендорф об этой неудаче говорит: „не смотря на все приготовления, этот бой снова прошел несчастливо. Нервы страдали. Войска уже не везде выдерживали сильный артиллерийский огонь и штурм танков. Это подтвердилось снова. Мы вновь несли тяжелые невознаградимые потери. День 20 августа также был тяжелым днем. Он положительно принудил неприятеля продолжать свое наступление"...

Натиски на Бопом и Шони принудили к отступлению. В ночь с 26 на 27 августа XVII, II и XVIII армии возвратились на так называемую позицию на каналах—восточнее линии Бопом—Перрон—Нель—Нуайон.

Однако, на занятой позиции отдельные, уже более не боеспособные, дивизии давали возможность теснившему врагу перейти представленное фронтом препятствие почти одновременно с ними. Этим уже с самого начала исключалась возможность продолжительного сопротивления.

26 августа англичане перенесли свой центр тяжести к северу по обе стороны Арраса. Первый удар в целодневных боях довел их почти до немецкой позиции у Вотана. Затем, 2-го сентября и эта позиция стала жертвою массового наступления танков. Позади канала, между Арле и Мевр, который задержал движение танков, XVII армии вновь удалось устроиться.

Это заставило отвести назад II, XVIII IX армии на Зигфридскую позицию Гузокур—С. Кантен—Ля-Фер—Бранкур, благодаря чему VII-ая армия, под ослабевшим теперь напором врага, могла бы очистить линию Вель и отступить за Эн. VI-ая армия также должна была от-

дать свои апрельские приобретения и вернуться в свое прежнее положение. 7-го сентября движение было закончено. Обладание Шемен-де-Дам оставалась единственным территориальным выигрышем от всех наступательных боев. Верховному германскому главнокомандованию приходилось искать новые возможности к отступлению. Танки не испугались бы и Зигфридской позиции. Таким образом возникла, само собою разумеется, главным образом на бумаге, Германская позиция, единственную силу которой видели в каналах, водных линиях и иных непроходимых для танков местных препятствиях и которая протягивалась от Экло позади Лиса и Шельды к юго-западу от Валянсьена через Солем, Ле-Шато, перходила у Дерси в устроенную позицию Хундинг—Брунхильд. Еще далее назад производилась разведка так называемой Антверпен—Маасской позиции, шедшей от Антверпена через Шарлеруа до Живэ, следуя по каналам и водным протокам, а затем переходя за Маасом до Дамвилье в Кримхильдскую позицию V-й германской армии. В Веврской равнине на Миельской позиции уже давно являлась возможность очистить выступ у С. Миеля.

Наступательная деятельность неприятеля приостановилась. Многочисленные удары, направленные то между Камбрэ и С. Кантеном против Зигфридской позиции, то от Суассона через изборожденный боями угол Лаффо на Лаон для захвата Шемэн-де-Дам, то в Вевре, являлись весьма последовательными мероприятиями, основанными на ясном понимании слабости германцев, заключавшейся в недостатке резервов. Вскоре германское верховное командование не знало откуда снимать силы для поддержки угрожаемых нападением участков. Повсюду враг наступал или был готов к наступлению.

При таком высоконалаженном положении на Западном фронте произошло крушение болгарской армии в Македонии. Вследствие этого и Турция, обреченная на падение, также отошла от союза со срединными державами. Тогда утомленным войной австро-венгерским армиям и народу стала угрожать опасность со стороны Балканского полуострова. Италия в свою очередь вскоре вновь перешла бы в наступление. Германия оказалась бы изолированною. Для Балкан пришлось бы отнять силы с истекавшего кровью Запада.

Во второй половине сентября приостановилось генеральное наступление неприятеля. У Ипра, Камбрэ, в Шампани и между Аргоннами и Маасом были произведены жестокие атаки. Во Фландрии и в Артуа неприятелю удалось забраться далеко вглубь, что вынудило немцев к отступлению.

Наоборот, в Шампани германской армии еще раз посчастливилось с блестящим успехом отразить атаку. Но северо-западнее Вердена, американцы глубоко проникли на север.

Немецкий фронт все таки по прежнему глубоко выступал по направлению к Парижу и своей вершиной снова приходился в углу Лаффо. Антанта по прежнему стремилась к двухстороннему прорыву на Намюр. Клещи продолжали сжиматься. Во Фландрии, неприятель в начале октября непрерывными боями проник до района Куртрэ. IV-ая германская армия принуждена была вернуться на Германскую

позицию. Далее, XVII германская армия была вовлечена в тяжелые бои. Она держалась на месте.

Напротив того, II-я германская армия была оттеснена через Ле-Кателе до Бохэн. Ей также пришлось вернуться на Германскую позицию, увлекая с собой на юге XVIII-ую, а на севере XVIII и VI германские армии. Все это повело к тому, что в конце концов не было возможности удерживать Шемэн-де-Дам. VII-ая и I армии также вернулись 27 мая на свои исходные позиции. На южном фланге выступа германского фронта в Шампани, неприятель продолжал сильно теснить. Фронт группы армий германского кронпринца в противоположность группе кронпринца Руппрехта имел позади себя удобные пути отступления на Хундинг-Брунхильдскую позицию. В ночь с 10 на 11 октября началось отступление на эту позицию, которое и закончилось 13 октября. Вскоре перед новой позицией завязались упорные непрерывные бои. XVIII германская армия 17 октября подверглась сильной атаке северо-восточнее Ля-Фера.

К концу октября бои за Германскую позицию распространились от голландской границы до Уазы. В направлении Ляндреси неприятель достиг района Ле-Като. Наоборот, атака, им предпринятая на Хундингскую позицию 25 октября, была отбита с большим кровопролитием. Точно также противник не имел никакого успеха на Брунхильдском фронте южнее Вузье и северо-западнее Вердена.

Развитие событий дошло до того, что фронт германских армий, обращенный на запад, оттеснялся постепенно назад, участок за участком; наконец, в руки неприятеля, как созревший плод, сама собою попала нетронутая позиция Хундинг-Брунхильд, которая была избрана главным образом в намерении сковать силы. Постепенное отступление германских войск должно было остановиться сначала у позиции на Майне, которая хотя и была слабо оборудована, но по своей природе могла считаться большей частью весьма сильной. Опасный, подверженный все более и более страшным танковым атакам, материковый мост, между Антверпеном и Намюром, мог быть еще, в случае надобности, отдан, для чего правому флангу нужно было отойти за прикрывающую линию Маас-Люттих-Намюр. В таком случае слабое место получилось бы еще далее к югу, вверх по течению реки от Шарлевилля. Фронтом для большого боя послужила бы и Лотарингия, между тем как Вогезы менее были пригодны к этому, вследствие близившейся зимы. Во всяком случае значительное сокращение фронта и оставление незанятыми широких частей фронта давало бы в руки германского верховного главнокомандования сильные резервы, так что упомянутые слабые места можно было бы основательно обеспечить посредством разчлененных вглубь резервов. Затем можно было бы еще, даже во время большого боя, постоянно располагать значительные части для отдыха и обучения позади фронта и таким образом, постепенным совершенствованием и освежением, вновь поднять силу сопротивления германских войск до внушительной высоты. Поступившее на фронт новое, действительное оружие для отражения танковых атак подняло виды на счастливую оборону. Верховное германское главнокомандование могло бы с упованием глядеть на этой позиции навстречу развитию военных событий, тем более, что и силы врага

сильно шли на убыль. По этому поводу не лишнее привести для примера мнение одного фронтового бойца („Тяжелая борьба на фронте“ ***, баталионного командира 2-го пехотного, кронпринца баварского, полка) *).

„Таков, следовательно был „превосходящий“ неприятель, перед которым мы должны были отступать, который позволял себе постоянно отклонять наши предложения о перемирии.

Французы оставались теми же, что и в 1914 году. Может быть и были у неприятеля войсковые части, сражавшиеся на редкость храбро и бывшие исключительно выдающимися, но, в общем, французская пехота и теперь уступала нашей. Она наступала только тогда, когда ее артиллерия и прочие бесчисленные технические средства, например, танки, расчищали ей путь; нашего наступления, особенно ближнего боя, они не выдерживали“. Это мнение участника, проведшего всю войну непрерывно на фронте и чувствовавшего биение пульса войск, должно было бы служить для тех кругов, которые в нашем отечестве с удовольствием несут всякий вздор о распаде германских войск на фронте, сдерживающим контр-доводом, основанном на основательном и личном опыте. А бессмысленный страх французов перед германскою боеспособностью, заставивший их с нетерпением ожидать заключения мира, служит дальнейшим сильным доказательством того чувства, с которым французские войска закончили кампанию, чувства глубокой подавленности. 5-го ноября войска начали отступление на Мааские позиции. Накануне расположения их на этих позициях было подписано перемирие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Для ретроспективного взгляда, германский генеральный штаб, в своей совокупности, представляется корпорацией, которая в огневом испытании Мировой войны проявила в себе то наилучшее, что только могла в этой области дать сила человеческого ума. Слабости, от которых человечество несвободно, присущи также и ему, но в столь незначительной мере, без которой творение рук человеческих обойтись никак не может.

Так, мы видим германский генеральный штаб в мирные годы охваченным тем заблуждением, которое прямо органически срослось с германской армией в предвоенное время: заблуждением относительно взаимноотношения между техникой и человеческим духом в природе новейшего боя. В последнюю свою войну 1870—71 г. г. германская армия одержала победу исключительно благодаря бурному мужеству своих бойцов, когда применение, хотя бы и целесообразное, каких бы то ни было иных источников силы значительно уступало перед моральными. Поэтому и в традициях армии, „воинской доблести“ был воздвигнут храм, в котором шелест увенчанных лаврами знамен напевал герой-

*) Wissen und Wehr. Yahrgang, 1920.

скую песнь германскому мужеству и победоносности. Гордое преклонение перед этой святыней не позволяло считать равным ей по достоинству ничто чужеземное. Генеральный штаб был детищем этой армии и впитал в себя, как бы с молоком матери, ликующую, основанную на ее мужестве, веру в непобедимость. Главные недостатки в воззрениях германской армии, а именно консерватизм и отрицательное отношение к значению техники, должен был неминуемо разделить и он. Несмотря, однако, на это, его работа и сотрудничество создали такую армию, от ударов которой неисчислимые полчища западных и восточных врагов, отчаявшись в себе—в своих силах, летели в бездну поражения. Внутреннее достоинство и командование германской армии показали изумленному миру такую степень совершенства, рядом с которой бледнела кустарная работа врага. Этот факт, предмет гордости Германии, не могли поколебать ни завистливая брань, ни лживые победные фанфары нынешних „победителей". Такой армии, как у Германии, ни один из них не мог выставить в поле в 1914 году. И пусть это счастливое сознание, заимствованное из тех времен, когда в Германии звучали колокола, развевались знамена, а стар и млад приветствовали героев, одетых в защитное платье, германский народ перенесет в темное будущее, как лучшее доказательство германской силы и германского уменья; да будет это сознание сверкающей звездой обетования.

Тем же, которые создали чудесную германскую армию 1914 г., пусть воздастся благодарное уважение потомства и да послужит они ему образцом подражания, если когда нибудь солнечный свет разума вытеснит сумерки нынешнего горячечного заблуждения.

В отношении своей второй главной задачи мирного времени, оперативного плана, германский генеральный штаб или, вернее говоря, его блестящий представитель, граф Шлиффен дал образец искусства, высоко парящего над какою бы то ни было современною диллетантскою критикою. Окруженная сонмом врагов, Германия могла одержать победу только смелым ударом. Стратегия Фабия Кунктатора и стратегия Шварценберга, при своей осторожности, не сумела бы воспользоваться выгодами первых недель. Она была бы безнадежно обречена на поражение. План же графа Шлиффена вел к уверенной победе на Западе. Но так как он не был бездарным кустарным изделием, имея целью круто вывести Германию из бедственного положения и привести ее к победе, то и был по плечу не ремесленнику, а лишь мастеру своего дела. А этих то мастеров среди германского генерального штаба 1914 года не оказалось; судьба, быть может по справедливости, отказала германскому народу, но не армии, в победном жребии.

Таким образом не могло проявиться совершенство идеи, искаженной рукой исполнителя. Счастливый момент быстро миновал.

Во время самой войны германский генеральный штаб делал все то, что только было возможно. Промахов и ошибок в общей его массе, поскольку они имели решающее значение, установить нельзя. Дурные последствия воззрений мирного времени, которые в вопросе о танках поставили решение на ложный путь, заслоняли взоры отдельных лиц из его состава. Вся масса генерального штаба думала иначе и чем ближе к фронту, тем отчетливее. Когда же обнаружилось, что ход операций не ведет к победе, то эти отдельные лица из генерального штаба вновь

впали в заблуждение. Между тем от невозможности победить до катастрофического разгрома — целая пропасть. И германская армия упала в нее; однако, генеральный штаб в этом неповинен. К этому привела рука отечества: того самого отечества, на котором лежал центр тяжести вражеской деятельности, встречавший с другой стороны, на германском фронте, твердость гранита. Германский народ, в своем пассивном легковерии, оказывал лицемерно скрытой разрушительной воле врага значительно меньшее сопротивление, чем боевое мужество германских солдат—его бессильной ярости. И среди тех, которые желали руководить германским народом, не мало находилось природных немцев „чистых безумцев", добросовестно завязщих в теоретических положениях, с улыбкой подбрасываемых им пронырливым врагом, знавшим прекрасно, что ни один народ, столь беспомощно не подпадает под действие их притягательной силы, как немецкий.

В ряду этих легковерных фантазеров находились и такие, которые являлись как бы порождением вражеского духа, сумели подслужиться ему; замаскированные пионеры с той стороны. Таким образом, одни бессознательно, другие — сознательно вводили в кровь германского народа убийственный яд, подготовлявшийся тонким лукавством врага; до тех пор, пока истрадавшееся тело этого народа не потеряло своего чистого духа и в туманных лихорадочных грезах не смешало друзей с врагами. Та же болезнь охватила и армию, неотделимую от народа. Сильным ударом меча Антанта не могла свергнуть немецкого исполина, но отравленною стрелою она зажгла его кровь, подкравшись сзади, незаметно для щитоносца германского войска,—его родины. И только тогда, когда исполин покачнулся и упал, охмелевший от лихорадки отравленной крови, только тогда враг, в хвастливом триумфе, мог наступить ему на затылок.

Бледный ужас перед мгновением, когда спадет завеса с глаз ослепленного народа, глядит с текста мирного договора. По смыслу его, германский народ должен быть закован в цепи на вечные времена. Но ничто не вечно в мировой истории. Колесо ее неизменно вертится; что сегодня внизу, то завтра поднимется выше вчерашнего. И если полный ненависти враг мог сегодня сковать руки германского народа, то на его мысли он наложить цепей—не в состоянии. Перед ним же— слова духовного завещания героической германской армии: „Наследуемое от своих родителей ты должен заслужить, чтобы иметь право владеть им".

АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЕ ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ 1915 ГОДА

СХЕМА 8.

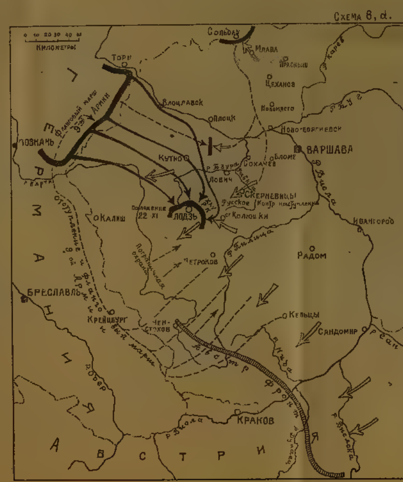
0 50 100 150
Километры

Балтийское море
Остров Готланд
Виндава
Либава
Хинценберг
Рига
Икскюль
р. Двина
Митава
Фридрихштадт
Якобштадт
Двинск
Оз. Дрисвяты
Полоцк
Видзы
Поставы
Неманская армия
Купишки
Н-Александровск
Оз. Вишневское
Поневеж
Вилькомир
Свенцяны
Оз. Нароч
р. Неман
Германский фронт
Германский и Австрийский фронт в начале сентября
Неманская армия.
Ковно
Вильна
Вилейка
Сморгонь
Молодечно
Минск
Крево
Кенигсберг
Инстербург
10. Армия
Ольта
Лида
Данциг
Сувалки
Августов
Гродно
Барановичи
Пруссия
Осовец
8. Армия
Волковыск
Слоним
Во 2-ой половине Августа
Белосток
Ломжа
Остроленка
12. Армия
9. Армия
Пружаны
Войрш
Пинск
р. Припять
Пинские болота
р. Висла
Малкин
Ново-Георгиевск
р. Буг
Седлец
Брест Литовск
Варшава
9. Армия
Лодзь
Рафаловка
Ивангород
Влодава
Ковель
р. Стоход
Люблин
Холм
Луцк
Владимир Волынск
р. Стырь
Ровно
Германский и Австрийский фронт 13 июля
Австрийский фронт
Сокаль
Дубно
Отр. из Армии Войрша
Силезия
р. Одер
1. Авст. Армия
11 Армия
Броды
Злочев
4. Авст. Армия
Тарнов
Краков
Львов
Галиция
Зборов
Тарнополь
Бережаны
11. Армия
Горлица
Бескиды
Карпаты
р. Днестр
р. Серет
р. Збруч
р. Стрыпа
Австрийский фронт
Авст. Армия
р. Прут
Черновицы
Венгрия
р. Тейса
Радауц
Кимпулунг
Кирлибаба
Пресбург
р. Дунай
Будапешт
Румыния

Схема 6, с

Схема 6, d.

- Бои у Танненберга и на Мазурских озерах. Схема 5.

Схема 2.
Расположение Прусской Армии перед боем
Расположение Австрийцев
Линия наступления по плану Шлиффена
Действительное наступление
2.Армия
1.Армия
Эльбская Армия
Горяц
Бенатек
Садова
Кенигрец
Поход в Румынию
Схема 10
Россия
Болгария
Бухарест
Черное море
Позиционная война на Западе.
Схема 9.
Антверпен
Брюссель
Гент
Брюгге
Остенде
Дюнкирхен
Лилль
Мехельн
Левен
Намюр
Маастрихт
Ахен
Люттих
Спа
Кельн
Дюссельдорф
Бонн
Трир
Люксембург
Мец
Саарбрюкен
Нанси
Верден
Реймс
Суассон
Компьен
Амьен
Аррас
Париж
Мо
С. Дени
Труа
Сенс
Оксер
Лангр
Эпиналь
Ремиремон
Бельфор
Везуль
р. Сена
р. Марна
р. Сона
Кил ометры

Схема 6, а-с. Бои в Южной и Северной Польше.
а. 28.IX-9.X.
Варшава
Новогеоргиевск
Ивангород
Краков
Карпаты
Марш-маневр Германских Армий
Схема 4
Обозначения:
Антверпен
Брюссель
Париж
Реймс
Страсбург
Нанси
Мец
Амьен
Кельн
Ахен
Дюссельдорф

СХЕМА 7 ЗИМНИЙ БОЙ В РАЙОНЕ МАЗУРСКИХ ОЗЕР

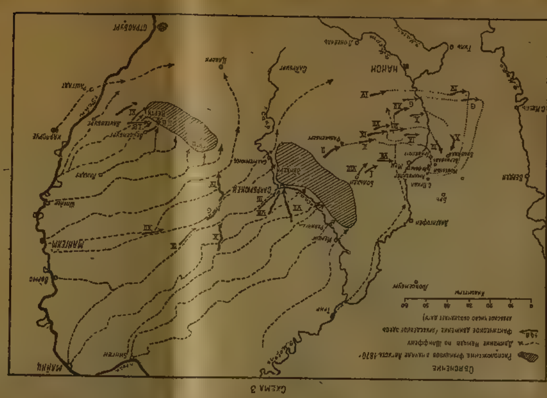

СХЕМА 3

так называемого „научного языка", ... оборотов речи, то
ным, порой доходящим до курьезных сопоставлений
смело можно утверждать, что читать книгу М. П. Каменского не труд, а
удовольствие". С. ...

Военный Вестник № 6—1923 года.

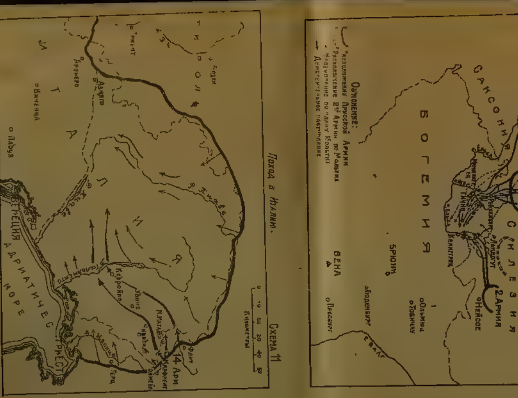
„**ОПИСАНИЕ ЛЕГКОГО ПУЛЕМЕТА ЛЬЮИСА**" со стенной таблицей. Цена 20 коп. золотом.

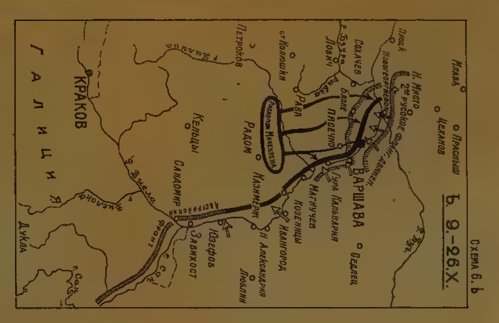
Отзывы печати. „... брошюра достаточно ясно и простым языком дает ответы на все вопросы, связанные с изучением материальной части легкого пулемета Льюиса и ухода за ним, поэтому она является безусловно хорошим пособием для комсостава при изучении этого легкого пулемета, и появление ее можно только приветствовать"

„Красная Звезда" № 183—1923 года.

РМАНСКИХ АРМИЙ СХЕМА 4.

Голлан ДЮССЕЛЬДОРФ

ИЗДАНИЯ ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

ПЕТРОГРАД, Улица Герцена (б. Морская), № 15, комн. 64. ТЕЛЕФОН № 163-94.

„РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ“ В. Балка, перевод с немецкого, под редакцией М. Каменского. 334 стран., с 8 схемами в тексте. Цена 1 руб. 50 коп. золотом.

Отзывы печати: „Имя Балка хорошо известно в русских военно-научных кругах и пользуется вполне заслуженной репутацией вдумчивого и систематично излагающего свои мысли военного писателя. Рассматриваемый здесь его труд написан им хотя и под свежим впечатлением войны (закончен в 1920 году)..., но по научности и полноте выводов занимает одно из виднейших мест в военной литературе“. *Генштабист.*

„Военный Вестник“ № 16—1923 года.

„В общем и целом, книга Балка—ценный вклад в нашу военную литературу; она ценна именно тем, что всю массу вопросов, над которой бьется мысль всего командного состава армии, сводит в одну законченную систему и этим открывает путь к новым исканиям в области организации и воспитания армии, а также их вождения в бою“. *А. Кляцкин.*

„Военное Знание“ № 6—1923 года.

„НАСТУПЛЕНИЕ и ОБОРОНА В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ“ М. П. Каменского. Этюд. Цена 60 коп. золотом.

Отзывы печати. „...настоящая книга должна быть изучена всеми, кто предпочитает научиться теперь, а не тогда, когда за „учебу“ придется расплачиваться кровью. Если добавить, что автор отказался от сухого, так называемого „научного языка, а изложил свои мысли живым, образным, порой доходящим до красивых сопоставлений оборотов речи, то смело можно утверждать, что читать книгу М. П. Каменского не труд, а удовольствие“. *С. Михеев.*

Военный Вестник № 6—1923 года.

„ОПИСАНИЕ ЛЕГКОГО ПУЛЕМЕТА ЛЬЮИСА“ со стенной таблицей. Цена 20 коп. золотом.

Отзывы печати: „... брошюра достаточно ясно и простым языком дает ответы на все вопросы, связанные с изучением материальной части легкого пулемета Льюиса и ухода за ним, поэтому она является безусловно хорошим пособием для комсостава при изучении этого легкого пулемета, и появление ее можно только приветствовать“.

„Красная Звезда“ № 183—1923 года.

ИЗДАНИЯ ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

ПЕТРОГРАД, Улица Герцена (б. Морская), № 15, комн. 64. ТЕЛЕФОН № 163-94.

„КУРС АРТИЛЛЕРИИ" И. Соколовского. 334 стр., 197 чертежей, цена 2 руб. 25 коп. золотом.

Из циркуляра Главн. Упр. Воен.-Учебн. Зав. от 14 августа 1923 г. № 17/182578.

„...Книга эта представляет собой первый обширный и систематический курс артиллерии с богатым материалом, освещенным современным состоянием артиллерийской техники. Изложение сведений по артиллерии очень ясное, а во многих случаях и оригинальное; простой, часто образный язык, делает эту книгу доступной пониманию даже для неподготовленных читателей.

В виду этого означенный курс вводится как основной учебник по артиллерии для пехотных, пулеметных, кавалерийских, а также для первого курса артиллерийских нормальных школ".

Начучеботдела *Суворов.* Начпогувуз'а *Абрамов.*

Отзывы печати: „Прочтя в № 21 „Военного Вестника" отзыв о книге тов. Соколовского „Курс артиллерии", подписанный группой слушателей Военной Академии, мы всецело к нему присоединяемся, считая, что указанная книга действительно является ценным вкладом в нашу, скудную новыми учебниками, военно-учебную литературу. Всякий, кто желает изучить артиллерию, прочтет эту книгу с большим интересом, быстро и легко усвоит обширную программу, которую обнимает этот курс". (Следуют 42 подписи).

Из писем в редакцию журнала „Военный Вестник" № 24—1923 г.

„СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА" А. А. Незнамова. План войны. Крепости. Боевая подготовка армии, с 5-ю картами-схемами, издание 3-е, пересмотренное и дополненное. Цена 50 коп. зол.

Отзывы печати: „Вышедшая уже третьим изданием вторая часть труда А. А. Незнамова „Современная Война", трактующая о плане войны, значении войны, значении крепостей и боевой подготовки армии, в сжатой но выразительной форме ясно и понятно излагает самую сущность упомянутых вопросов". *П. Алексеев.*

„Красная Звезда" № 162—1923 г.

